

Даниэль Дакар Особые поручения

Фабрика героев – 3

Книга подготовлена для библиотеки Huge Library <http://huge-library.org>
«Особые поручения»: Лениздат; СПб; 2010
ISBN 978-5-9942-0657-7

Аннотация

Как правило, те, кто советует кому-либо «спуститься с небес на землю», плохо себе представляют как сам процесс, так и его последствия.

Попробовали бы сами, каково это — быть отставным пилотом, получившим в довесок к окончанию службы чужую страну, которой, судя по всему, предстоит стать новой родиной... положение, к которому ты не стремилась, но которое приходится принимать со всеми обязанностями и ответственностью, вытекающими из него... семью, которой у тебя не было никогда и интересы которой приходится в силу обстоятельств учитывать наравне со своими собственными...

И что прикажете делать теперь? Принять правила игры или изменить их? Плясать под чужую дудку или попытаться соорудить свою? На радость новым родственникам стать хорошей девочкой или выполнять особые поручения?..

Даниэль Дакар Особые поручения

Глава 1

— Ни сна, ни отдыха измученной душе... куда ни ткнишь — везде эта чертова баба!

Аркадию Евгеньевичу Мамонтову, главе русской миссии на Кортесе, даже не надо было следить за направлением взгляда своего первого зама. На протяжении последней недели должность «чертовой бабы» была прочно закреплена за баронессой Эштон. Или не Эштон... или не баронессой... документы, выданные на Форпосте, могут означать все, что угодно. Они могут даже быть вполне легальными, почему нет? Только потому, что в девяноста девяти процентах случаев гражданство Форпоста означало, что вы имеете дело с авантюристом? Причем таким, чье рыльце в пушку куда основательнее, чем однодневный цыпленок? Право же, господа, это еще не показатель.

Хотя в том, что касалось Маргарет Эштон, Мамонтов был готов согласиться со своим помощником. Одно то, что яхта «Леди М.» была приписана к давно уже не существующему порту, говорило о многом. Более того, сама госпожа Эштон даже не давала себе труда притворяться кем-то кроме богатой — и довольно взбалмошной — искательницы приключений. Она появилась на Кортесе совсем недавно, но уже успела засветиться где только можно и нельзя. Разумеется, Кортес был вещью в себе и как магнит притягивал к себе тех, кто по тем или иным причинам не нашел себе места на родине, где бы она ни находилась. Но эта особа выходила — да что там выходила, вырывалась! — даже за весьма вольно очерченные рамки норм, принятых на планете. Причем это касалось решительно всего.

Экстравагантные и оч-чень дорогие платья выделяли ее в любой толпе, даже на сегодняшнем приеме, посвященном празднику урожая. Темно-рыжие волосы были неизменно уложены в низкий узел на затылке и сколоты редкой работы шпильками с головками в виде золотых перьев. К этим шпилькам крепилась столь же неизменная вуалетка, из-под которой были видны лишь четко очерченные губы, почти всегда кривившиеся в саркастической усмешке. Глаза... черт побери, да видел ли кто-нибудь ее глаза без закрывавшего их тонкого кружева? Или руки — без перчаток? А эти ее сигары...

Как она, кстати, ухитрилась раздобыть приглашение на прием? Причем, что интересно, сопровождавшие ее повсюду красавцы-близнецы предъявили охране индивидуальные приглашения наравне со своей... подопечной? Любовницей? Хозяйкой? Говорившая на уника с каким-то неопределенным, плавающим акцентом, госпожа Эштон любому, кто интересовался, рекомендовала эту парочку как своих «призовых жеребцов». После этого вопросы, как правило, прекращались. Если же нет... О, Аркадий однажды стал свидетелем того, как человек, посмеявшийся расспрашивать мисс Эштон и после сакраментальной фразы о жеребцах, ретировался со всей возможной скоростью. Ибо не поперхнувшись выслушать то, что, нимало не понижая голоса, выдала эта женщина, было решительно невозможно.

Следовало бы, конечно, присмотреться к ней повнимательнее. Но при почти полном отсутствии внешних признаков приближающихся неприятностей создавалось впечатление, что на Кортесе назревает что-то скверное. Мексиканцы, всегда охотно сотрудничавшие со своими русскими коллегами, перестали идти на контакт. Впрочем, дело было, скорее всего, в том, что за последний год персонал мексиканской миссии сменился подчистую. Немногочисленные агенты доносили об усиливающихся националистических настроениях — и это на планете, где давно уже не было «ни эллина, ни иудея». Резко, скачком, возросло число тех, кто готов был принять подданство Империи и покинуть Кортес. Так что сотрудникам русской миссии было чем заняться и без наблюдения за невесть откуда взявшейся охотницей за удачей.

* * *

Нет, вот ты скажи мне, дорогая, — кто тебя за язык дернул? Развыступалась... Мэри стояла на крыльце, покосилась, прищурившись, на затянутое тучами небо и решительно направилась к боковым воротам. Там ждал Степан, которого так и не удалось убедить в том, что молодая хозяйка в состоянии сама о себе позаботиться. Она понимала объяснения Ольги

Дмитриевны: старик любил ее отца больше всех остальных детей Сазоновых... очень переживал его смерть... обижен на судьбу, не давшую ему возможности видеть, как растет дочь обожаемого воспитанника... Все это очень хорошо, но твердая убежденность Степана в неспособности Мэри самостоятельно пилотировать машину сегодня не смешила, а раздражала. До вылета, сроки которого она сама же определила, оставалось около двух суток, а организовать предстояло очень многое. Причем организовать если не в полной тайне от семьи, то, во всяком случае, максимально скрытно. И что прикажете делать теперь? Как сбежать от ненавязчивого, но непреклонного сопровождающего? Ну, допустим, договориться о встрече с командой можно прямо сейчас, пока ее никто не слышит.

Мэри совсем уже было собралась связаться с Элис, но не успела: коммуникатор деликатно сообщил о входящем вызове. Не то чтобы она уж очень сильно удивилась, услышав спокойный, чуть насмешливый голос князя Цинцадзе. Но было совершенно очевидно, что встречу с экипажем придется отложить.

— Дождись меня, дорогая, — пророкотал Ираклий Давидович, — нам с тобой надо бы переговорить, согласна? Вот и умница.

Спорить с главой Службы безопасности Российской империи у нее не было ни малейшего желания. Тем более что в голове внезапно возникла идея, с реализацией которой князь Цинцадзе мог помочь, как никто другой. Кроме того, если она отбудет из дворца вместе с его светлостью, Степану ничего другого не останется, кроме как отправиться домой. Так что все к лучшему. Опять же, теперь можно особенно не торопиться и пройтись по красавцу-парку, наслаждаясь пасмурным днем. Почему-то здесь, на Кремле, ясная погода нравилась ей меньше ненастной. Хотя... что значит — почему-то? Все вполне объяснимо. Когда не видно солнца, а тем более звезд, небо не манит, не заставляет нервы вибрировать в нетерпении. Штатская жизнь...

Ираклий Давидович стоял у открытой дверцы лимузина, объясняя что-то Степану. Тот был явно недоволен, но совсем уж открыто высказывать свое мнение по обсуждаемому вопросу остерегался. Это с Николаем Петровичем все проще некуда, особенно после рюмки-другой, а с его светлостью пререкаться — себе дороже; твое дело, старый пень, — козырять да соглашаться.

Налюбовавшись сценкой, Мэри подошла поближе и коротко поклонилась князю. Кивнула с улыбкой дворецкому:

— Отправляйся, Степан, я буду позже. И к обеду не ждите, я в городе перекушу, — и, повинувшись приглашающему взмаху руки, забралась в лимузин. Водитель захлопнул дверцу, и несколько секунд спустя машина плавно взмыла в воздух.

— Ну что, Мария свет Александровна, — неторопливо начал Цинцадзе, — не сидится тебе дома? Ладно, можешь не отвечать, вижу, не слепой. Что деду скажешь — придумала уже?

— Я лечу в систему Гете, проведать Вилли Шнайдера, — слегка пожала плечами девушка. — Кстати, это правда, первым делом действительно туда. Не вижу большого смысла торопиться. Пространство Лордан никуда не денется.

Князь покивал, соглашаясь.

— Что верно — то верно. Вот только... Как добираться думаешь? На перекладных?

— Как бы на перекладных накладно не вышло, — усмехнулась Мэри. — Может ведь и так получиться, что с Лордана придется ноги уносить, а перекладных пока дождешься... Но и светить «Джокер» не больно-то хочется. Сами понимаете, Аманда Робинсон не может прилететь на яхте Мэри Гамильтон. Дураки в Пространстве Лордан не выживают, а умные мигом сложат два и два. И получают вовсе даже не шесть с половиной. О том, что Мэри Гамильтон и Мария Сазонова — одно лицо, заинтересованные люди знают, похоже, уже во всей Галактике. Явись я туда на «Джокере», и можно будет с ходу вывесить табличку: «Интерес Российской империи».

Цинцадзе сдержанно улыбнулся. Дочь крестника нравилась ему, и дело было не только в покойном Сашке. Александр Сазонов был, бесспорно, умен, но вот этой, гревшей душу

старого лиса, склонностью все раскладывать по полочкам не обладал. Хорошие на Бельтайне аналитики. И наставники хорошие. Алмаз неплох и сам по себе, но блеск ему придает огранка.

— И что же ты решила?

Голова Мэри склонилась к левому плечу, взгляд стал лукавым.

— Поможете?

— Спрашиваешь!

— Я хочу продать «Джокер». Продать по максимально длинной цепочке, в конце которой будет Аманда Робинсон. В идеале она должна получить совсем другой корабль, с идентификационными кодами, которые с «Джокером» и рядом не лежали. Если она купит яхту до того, как я ее продам, будет совсем хорошо. Это реально?

Ираклий Давидович, не выдержав, расхохотался.

— Знаешь, дорогая, — выдавил он сквозь смех, — закону повезло, что ты на его стороне. В противном случае...

— Как-то раз довелось мне слышать одну теорию, — невозмутимо заметила Мэри. — Она состояла в том, что преступники и те, кто их ловит, обладают схожим психотипом. Во всяком случае, успешные преступники и успешные ловцы.

— Да, я тоже слышал об этом, — посерьезнел князь. — Только зачем тебе такие сложности? «Джокер» Марии Сазоновой благополучно отправится в систему Гете, оттуда еще куда-нибудь, Вселенная большая, а, скажем...

— «Фортуна».

— Превосходно. «Фортуна» будет приобретена Амандой Робинсон ну, допустим, с полгода или даже год назад. Ты мне вот что скажи: эта твоя мисс Аманда — насколько она реальна с точки зрения бюрократии?

— Документы в свое время были сделаны по заказу полковника Моргана и, судя по всему, сделаны на совесть. Во всяком случае, вопросов они — пока — не вызвали ни у кого. Большая часть моих средств лежит на счетах Аманды Робинсон и проблем не возникает. Кстати, трансферт надо будет тоже осуществить задним числом, а деньги положить на какое-нибудь нейтральное имя, а то несуразица получится. Впрочем, насколько я успела узнать русских хакеров... Тут есть другой момент, который сам по себе не так чтобы плох, но может помешать.

— Что именно? — Ираклий Давидович подобрался, разом утратив большую часть вальяжности.

— Мисс Аманда Робинсон — реальный человек. На Алабаме есть (или была) женщина с таким именем, одна из подружек Келли. С нее, собственно, и лепили мое альтер эго, включая внешность, происхождение и акцент, с которым говорит «моя» Аманда. Насчет отпечатков пальцев не знаю, врать не буду, но тоже возможно. Я-то на Лордане всегда пользовалась фальшивками, вот только чьими... Конечно, шанс столкнуться с ней в Пространстве невелик, но...

— Вот уж это пусть тебя совсем не беспокоит, — решительно взмахнул рукой Цинцадзе. — Прикинем, сообразим, прикроем. Давай данные на «твою» мисс Робинсон.

Мэри поколдовала над коммуникатором, князь удовлетворенно кивнул, спросил, где ее посадить и, похоже, совсем не удивился, когда «крестная внучка» попросила подбросить ее к салону красоты «Лада». Отдав распоряжения водителю, он помолчал, как будто собираясь с мыслями. Переложил зачем-то перчатки с левого колена на правое. И вдруг опустил на плечо девушки тяжелую ладонь.

— Ты вот что... Поаккуратней там, договорились?

— В салоне красоты? — невинно вскинула брови Мэри и выпорхнула из приземлившегося лимузина.

Сегодня за стойкой в маленьком вестибюле «Лады» опять сидела та самая девица, которая совсем недавно в упор не хотела видеть в Мэри потенциальную клиентку столь

прославленного заведения. Та, да не та. «Ваше сиятельство, какая честь... Да-да, ваше сиятельство, Галина Алексеевна в салоне... Сию минуту, ваше сиятельство...»

Мэри стало противно. Давешнее пренебрежение глазастой красотки было искренним и потому необходимым. И, кстати, вполне объяснимым. Ну в самом деле, приперлось широкоплечее не пойми что в дешевых штанах, рубаше, бандане и пилотских ботинках. И, главное, куда? В «Ладу»? Оскорбление, самое настоящее оскорбление! А демонстрируемая теперь приторная любезность раздражала, как неумело приготовленный грог: вроде все ингредиенты правильные, а пить невозможно. Ну покосись ты высокомерно, ну вздерни подбородок, ну поведи плечами... Ведь та же самая женщина перед тобой, разве что седые волосы лежат, как хозяйка салона им приказала... нет, лебезит. Графиня Сазонова приехала, да-да, та самая... Тьфу!

Ситуацию разрешило появление Галины Алексеевны. Та, как всегда царственная, выплыла из дальней двери и удивительно быстро — при полном отсутствии даже и намека на спешку! — приблизилась к стойке.

— Здравствуйте, Мария Александровна! Наслышана, наслышана, фурор вы на балу произвели знатный, свет до сих пор опомниться не может! Пожалуйте в кабинет. Наташа, чаю нам подайте.

Дождавшись, когда служащая, продолжая рассыпаться в комплиментах, разольет чай и прикроет за собой дверь, владелица «Лады» тяжело вздохнула.

— Не обращайтесь внимания, Мария. Многим из тех, кого принято называть обычными людьми, кажется, что их собственная жизнь скучна и бесцветна. Возможно, она такая и есть, не мне судить. Вы, я, Катенька, — при воспоминании о тетке Мэри Галина мягко улыбнулась, — все мы слишком заняты своими делами для того, чтобы совать нос в чужие. А для кого-то светские сплетни — единственный способ хоть как-то скрасить унылое существование. И неважно, унылое оно на самом деле или только кажется таковым. Не находя ничего интересного в своей жизни или жизни соседа, эти люди с восторгом следят за жизнью сильных мира сего. А уж если удастся хоть кончиком пальца прикоснуться к этой жизни... Сегодня же вечером Наташа расскажет всем, кто пожелает ее слушать, что она наливала чай самой графине Марии Сазоновой и, поверьте, многие ей позавидуют.

— Было бы чему завидовать, — проворчала Мэри, ставя чашку на блюдечко.

— Согласна с вами. И тем не менее вам предстоит еще не раз столкнуться с подобным. Привыкайте... — заметив гримасу собеседницы, Галина Алексеевна поспешно добавила: — Могу себе представить, насколько вам уже успело надоесть это слово. И что-то подсказывает мне, что в самое ближайшее время вы собираетесь показать этим, навязываемым вам, новым привычкам презренный кукиш. Я права?

— Вы совершенно правы, Галина Алексеевна! — усмехнулась Мэри. — И для того, чтобы повернуть то, что я затеяла, мне необходима ваша помощь. Вы позволите воспользоваться вашим терминалом?

Дождавшись утвердительного кивка хозяйки кабинета, Мэри сбросила на терминал одно из хранившихся в коммуникаторе изображений. Сегодня она надела на запястье свой штатный прибор: как ни хороша была подаренная бабушкой Ольгой финтифлюшка, назвать ее по-настоящему функциональной язык не поворачивался. Украшение — оно украшение и есть. Зато коммуникаторы, закупаемые бельтайнскими ВКС для своих офицеров... о, изящными они не были, зато были емкими, быстрыми в работе и надежными, что, собственно, и требовалось. В коммуникаторе Мэри содержалась вся необходимая ей информация и кое-что сверх того. Например — несколько дорогих ее сердцу голосников. Один из них и появился сейчас на засветившемся дисплее.

Галина Алексеевна подалась вперед, с профессиональным интересом разглядывая изображение молодой женщины, черноволосой, смугловатой, с чуть раскосыми синими глазами.

— Неплохо, неплохо. Мои поздравления, Мария.

— Вы поняли, кто это? — не то чтобы Мэри была удивлена, скорее — заинтригована.

— Думаю, это вы. Хотя для того, чтобы это понять, надо быть профессионалом в моем ремесле. Или же в охранным деле. Но и в том, и в другом случае необходимо иметь на руках материал для сравнения.

— Вы совершенно правы, это я. Меня в моем исходном качестве там, где около трех стандартных лет назад был сделан этот снимок, не видели никогда. Только ее. Это было последнее мое появление там. Но в скором времени мне предстоит снова навестить это место. И мне нужна профессиональная консультация относительно тех изменений, которые могли произойти за эти годы. Все должно быть естественно.

— Понимаю... Судя по всему, гримом вы пользоваться умеете, так что пройдемся по верхам. Ну, во-первых. Откуда родом эта особа?

— С Алабамы. Это в Американской Федерации, система...

— Я знаю, где это, — перебила Мэри хозяйка кабинета. — Алабама, Алабама... Сейчас этой даме около сорока, она старше вас, не так ли? Тогда... за три года... образ жизни, вероятно, несколько рассеянный? Угу... Когда она улыбнется, чуть заметные морщинки в углах глаз будут вполне уместны.

Мэри кивнула, запоминая.

— Далее. На вас, как я понимаю, парик. Видимо, придется воспользоваться им снова, краска тут не поможет, у вас слишком быстро растут волосы. Но недостаточно быстро, чтобы можно было воспользоваться технологией восстановления естественного цвета. А вы ведь не на часок собрались туда, иначе не пришли бы ко мне. Ничего страшного, я дам вам адрес, парик подберут быстро и надежно, — Галина Алексеевна вдруг заговорщицки подмигнула Мэри, разом превратившись из величественной красавицы в озорную девчонку. — Знаете, это даже хорошо, что вы не были там три года.

— Почему? — перемена, произошедшая в почтенной даме, была столь разительной, что Мэри даже немного растерялась.

— Эта женщина, — хозяйка салона кивнула на дисплей, — авантюристка. Дама полусвета. Но... только не обижайтесь, Мария, договорились? Она — простенькая авантюристка. Не то чтобы дешевка, но где-то рядом. А три года вполне достаточный срок для того, чтобы при соблюдении соответствующих условий кошечка превратилась в львицу. Вы уже выбрали наряды для этой эскапады?

Когда через полтора часа, ушедших по большей части на разные приятные процедуры, Мэри снова оказалась на улице, голова у нее шла кругом. И дело было даже не в том, что с легкой руки Галины Алексеевны она стала обладательницей нескольких весьма полезных адресов. Непринужденность, с которой восьмидесятилетняя хозяйка салона приняла правила незнакомой ей игры, потрясла воображение. Это Аманда Робинсон-то авантюристка? А вы, Галочка, в зеркало смотреть не пробовали?! Нет, дамы и господа, это дело надо перекурить. И не только. В «Подкованный ботинок», срочно!

Вызванная во время массажа команда ждала ее за заранее заказанным столиком. Одеты в штатское, а все равно видно — вояки. И дело даже не в бритых головах, украшенных извивами таттиситовых татуировок. Выправка, никуда от нее не денешься. Или — денешься? Ты-то вон научилась излишек убирать... Только у тебя, помимо Корпуса и службы, была какая-никакая практика в обществе Келли О'Брайена, да и дон Эстебан Родригес руку приложил, а эта? Им-то откуда? А ведь придется. По крайней мере, близнецам придется точно.

При приближении Мэри экипаж вскочил на ноги и вытянулся. Немногочисленные посетители — обеденное время закончилось, а до ужина было еще далеко — наблюдали за сценой встречи с доброжелательным любопытством. Подскочивший официант придвинул ей стул и доверительно склонился к уху:

— Госпожа майор, изволите сделать заказ? Ваши люди ознакомились с меню, однако пожелали дождаться своего командира.

Было очевидно, что подобное поведение ее подчиненных официант — явно бывший флотский — всецело одобряет.

— Принесите нам легкую закуску на ваше усмотрение и... у вас есть бельтайнский виски? Тогда литр, лед и пять стаканов.

Несколько минут спустя заказ был выполнен, и сотрапезники остались в одиночестве (насколько можно говорить об одиночестве в общем зале). Мэри кивнула Рори на графин — наливай, мол. Со своей задачей двигателю справился виртуозно, и теперь на нее смотрели четыре пары внимательных, испытующих глаз. Помуржлив команду еще чуть-чуть, Мэри едва заметно усмехнулась, встала, подняла, отставив в сторону локоть, стакан на уровень глаз и торжественно провозгласила на кельтике:

— Господа! За Пространство!

Услышав традиционный при получении нового задания тост, экипаж вскочил на ноги с дружным «Ура командиру!». Звон столкнувшегося стекла был слышен, наверное, во всех уголках «Подкованного ботинка». За Пространство всегда пили до дна, и если бы дело происходило, скажем, в «Затяжном прыжке» на Перекрестке Харта, стаканы нашли бы свой бесславный конец на полу. Здесь, однако, бельтайнцы ограничились тем, что грохнули ими об стол. Рори, не дожидаясь особого приглашения, быстренько разлил по второй и потянулся к тарелке с тонко нарезанной рыбой. Основную линию командир обозначила, теперь можно спокойно закусить и ждать подробностей. Все равно ведь расскажет только тогда и столько, когда и сколько сочтет нужным — уж это-то они за время совместной службы усвоили.

Мэри одобрительно кивнула, прожевала кусок сыра и повернулась ко второму пилоту:

— Элис! Посчитай мне курс до системы Гете. Стандартный, без выкрутасов. Летим на Гамбург, надо бы со старым Шнайдером повидаться. Ты в курсе, что его после Лафайета в отставку выперли за то, что на помощь к нам пришел? Он там теперь кабак держит, так надо поддержать его заведение материально. Как ни крути, а если бы не он, не сидеть бы нам здесь.

Элис Донахью спокойно кивнула. В том, что после системы Гете им предстоит еще один прыжок — один ли? — сомневаться не приходилось. Майора Гамильтон премьер-лейтенант знала давно и хорошо и прекрасно научилась разбираться в прищурах командира.

— Рори, теперь ты. Отправляемся послезавтра. «Джокер» должен быть готов не хуже, чем «Дестини» перед последним стартом с «Гринленда».

О'Нил ухмыльнулся. Все было предельно ясно. Последний старт с «Гринленда» был боевым вылетом, так что к бабке не ходи — что-то его однокашница задумала. Вот и славно. Отставка, конечно, дело неплохое, но скучноватое.

— А вы, красавцы, — сейчас Мэри смотрела на канониров, — еще раз проверьте свои зоны ответственности. Связь, медицина, ну и... в общем, понятно.

Близнецы синхронно улыбнулись совершенно одинаковыми, чуть кривоватыми улыбками. Еще бы непонятно! Ничего, орудия пристреляны, боезапас пополнен еще в системе Тариссы, все штатно. А командир — умница.

Мэри окинула взглядом свою команду и удовлетворенно кивнула самой себе. То, что она видела сейчас, грело душу. Когда-то очень давно, еще когда Мэри Александра Гамильтон училась в Академии Свободных Планет, руководитель кафедры командования Рауль Перье сказал ей, что в мирное время у хорошего командира экипаж должен быть доволен тремя параметрами: собственно командиром, жизнью и собой. Что касается войны, то довольство жизнью можно опустить, но оставшиеся два фактора и, главное, их последовательность, должны сохраняться в неизменности. И в данную минуту не было никаких сомнений в том, что требования мирного времени соблюдены, а война... Там видно будет, придется ли воевать. Хотя что-то подсказывало ей, что вся эта затея добром если и кончится, то далеко не сразу.

— Господа, — снова поднялась она на ноги со стаканом в руке, — за удачу!

Прогулка по магазинам получилась на удивление интересной, хотя купила Мэри только два парика. Она не имела ни малейшего желания объяснять кому-либо, зачем ей понадобились не вполне полагающиеся по статусу наряды, а уж тем более демонстрировать

их домашним. Ничего, в системе Гете наверняка найдется, где прибрахлиться, а вот получить представление о том, что именно следует покупать, надо было сейчас. Так что она самым внимательным образом приглядывалась к платьям и туфлям, мехам и украшениям, сумочкам и белью. Ближе к концу весьма познавательной экскурсии коммуникатор принял сообщение с незнакомого адреса. В прикрепленном пакете содержались все необходимые данные на яхту «Фортуна» и коды доступа к счету, на который — если судить по выписке — около года назад была переведена сумма, эквивалентная пяти миллионам фунтов. М-да... нет, она знала, конечно, что подарок Келли О'Брайен ей сделал поистине царский, но чтобы вот так... Пять миллионов фунтов примерно равнялись двадцати пяти миллионам галактов или же двум с половиной миллионам целковых. Похоже, она действительно богатая невеста, прав был свояк. А в чем еще он был прав? Устроившись на заднем сиденье вызванного такси, она с мрачноватой улыбкой вспомнила бал, данный семьей в ее честь, и разговор, состоявшийся у них с Василием Зарецким.

На первый танец ее пригласил сам император, наставительно заметивший надувшемуся было старшему сыну, что в большой семье клювом щелкать не стоит. Константин немедленно потребовал себе второй вальс «и что-нибудь менее официальное» и получил согласие при условии, что перед началом этого менее официального окажется поблизости. Дальше все закружилось как метель на Фьорде, но выразительное подмигивание Василия она не упустила.

— Даже не знаю, поздравлять тебя или сочувствовать, но ты стала на редкость популярной личностью, Мария, — начал он, когда танцующих закачали «Амурские волны». — Сочувствие, думаю, будет уместнее, потому что благожелательности в интересе, проявляемом к тебе большинством... где тот кот? Дать бы ему в глаз, чтобы плакал больше.

— Кто бы сомневался, — вздохнула Мэри.

— Боюсь, ты не представляешь себе масштабов, — улыбка партнера стала жесткой. — К примеру, количество приписываемых тебе любовников растет как на дрожжах.

— Как мило, — саркастически скривилась она и тут же сознательно расслабила лицо. Василий одобритительно кивнул ее искусственной невозмутимости. — Могу я поинтересоваться персоналиями?

— А как же. На первом месте, разумеется, контрадмирал Корсаков. Гармаш так и не заткнулся, судя по всему. Какая жалость, что дуэли запрещены, а повесить мерзавца не за что...

— Если мне не изменяет память, вешают, как правило, за шею, — она сделала пируэт, юбки взметнулись и опали. — Но это мелочи. Корсаков? Что ж, это, по крайней мере, правда. Или было правдой. Далее?

— Кстати, а почему я его здесь не вижу? Приглашение точно посылали...

— На днях я отказалась выйти за него замуж, — Мэри изобразила намек на пожатие плечами. — Он недоволен. Это не относится к делу, Василий. Продолжай.

— Хуан Вальдес.

— Ну разумеется, чего еще можно было ожидать после того, что он устроил под занавес фиесты. Ладно-ладно, мы устроили, можешь опустить бровь. Кто-то еще?

— Насчет его высочества мнение света разделилось, а вот меня называют вполне уверенно.

— Что?! — Она споткнулась бы, не будь лежащая на талии рука полковника Зарецкого поистине же лезной. — Что ты сказал?! Боже, я надеюсь, Катенька не думает...

— Моя жена — умная женщина, — сухо усмехнулся Василий. — И Нина Шалвовна, кстати, тоже...

Последняя фраза была уже за гранью, и Зарецкий это понял, быстро, но плавно выводя Мэри из круга танцующих и жестом подзывая к себе официанта с подносом.

— Василий, это не смешно, — пробормотала она, приятно улыбаясь гостям и прилагая изрядные усилия, чтобы не выпить шампанское залпом. — Не говоря уж о том, что Ираклий Давидович — крестный отца, о том, что он годится мне в дедушки...

— На всякий роток не накинешь платок. Мэри сдержанно кивнула, приходя в себя.

— Надеюсь, это все? Ты никого не забыл?

— Твоя команда.

— Вся? Целиком? Включая Элис? — Мэри не знала, смеяться ей или плакать, но чувство юмора победило. — Прелестно. Я в восторге.

— Прости, что порчу тебе настроение, — негромко проговорил Зарецкий, — но мой тебе совет: исчезни куда-нибудь на время. Пусть тут все уляжется. Слишком многие не в состоянии проглотить признание за тобой отцовского титула, а поскольку объяснить милость императора твоими собственными заслугами у них воображения не хватает...

Мэри ответила едва заметным наклоном головы, и Василий отошел от нее. Вальс закончился, и она вздохнула, в который раз цепляя на лицо сияющую улыбку. Героиня торжества, чтоб этому торжеству... Впрочем, она тут же напряглась, чувствуя, как ее охватывает азарт. Вступление к следующему танцу, вкрадчиво окутывающее зал, было ей знакомо, и она, продолжая беседовать с окружившими ее после ухода Зарецкого людьми, исподтишка окинула собравшихся нетерпеливым взглядом. Если Константин хотел чего-то менее официального, чем вальс, то ему самое время очутиться рядом. И уж тогда...

— Я полагаю, графиня, этот танец за мной? — раздался за спиной Мэри нарочито бархатный голос. Она не заметила, откуда появился Константин. Должно быть, вошел в зал из распахнутой балконной двери за ее спиной.

— Вне всякого сомнения, ваше высочество! — Ее безупречный реверанс портила только нескрываемая ирония в глазах. Любовница великого князя? А что, это может оказаться забавным. Хорошо смеется тот, кто смеется последним, а сегодня право смеяться последней она была твердо намерена оставить за собой.

Мэри чинно вложила кончики пальцев в протянутую ладонь и несколько секунд спустя уже медленно и торжественно двигалась по кругу, ожидая, когда же сменится темп. Следовало признать, что дирижер свое дело знал великолепно. Тягучая, как патока, мелодия превращала тело в натянутую струну. Еще два такта. Еще один...

Ахнули трубы, рассмеялись скрипки, и раскаленной лавой из жерла вулкана на замерший в напряжении зал выплеснулся чардаш. Не зря, ох не зря она брала уроки танцев во время контракта с Бургом! Вот только уроки — это одно, а то, что вытворял Константин и остальные танцующие здесь, в зале Офицерского собрания... Ну да ладно, где наша не пропадала! Ф-фух... опять медленная часть. На редкость вовремя, есть шанс прийти в себя и подготовиться к эффектному финалу. И когда один из трубачей вскочил на перила галереи и, опасно балансируя на них, повел мелодию, Мэри позволила себе окунуться в танец, как окуналась в бой — с головой, не задумываясь над тем, хватит ли дыхания вынырнуть.

Когда она пришла в себя, оказалось, что они с Константином стоят в центре зала и раскланиваются под аплодисменты, к которым присоединились и музыканты на галерее.

— Что это было, Константин Георгиевич? — выдохнула Мэри.

— Чардаш, Мария Александровна, — улыбнулся он. — Шампанского?

— Воды!

На балконе было почти пусто, а с их появлением стало пусто совсем. Константин галантно усадил ее в кресло, протянул взятый у официанта высокий, позвякивающий льдинками стакан, сдвинул брови — официант немедленно испарился — и облокотился на балюстраду.

— Вы в курсе свежих новостей, Мария Александровна? — начал он.

Мэри с неопределенной улыбкой покачала головой:

— Увы, Константин Георгиевич. Боюсь, что всю последнюю неделю я вела образ жизни, подобающий молодой графине накануне ее первого бала: портные, косметологи...

— Театр, — подсказал собеседник.

— И театр тоже, — подтвердила она с едва заметной гримасой. Именно в театре Никита сделал попытку убедить ее сменить фамилию Сазонова на Корсакова. Разговор вышел тягостным, и она не хотела вспоминать о нем.

— Что ж, — подвел итог преамбуле великий князь, — в таком случае позвольте вас просветить. Государственный Совет принял решение об обмене посольствами с вашей родиной. Соответствующее предложение сегодня утром было отправлено Совету Бельтайна и принято им. Поздравляю.

— Благодарю. Будет приятно уступить место дипломатического представителя кому-то, кто понимает в этом хоть что-нибудь.

— Не прибедряйтесь. Именно ваша речь во время аудиенции положила начало дипломатическим отношениям между Империей и Бельтайном.

Мэри поморщилась.

— Я солдат, Константин Георгиевич. Солдат, полицейский... не дипломат. И, судя по всему, не графиня. Сегодня меня просвещаете не только вы. Мой свояк был настолько любезен, что сообщил мне содержание ходящих по Новограду сплетен.

Константин едва заметно улыбнулся.

— Вас это беспокоит?

— Меня — нет. Но почему это не беспокоит вас? Ваше имя склоняют вместе с моим.

Улыбка на лице наследника престола стала шире и приобрела несколько двусмысленное выражение, глаза лукаво прищурились.

— А вам не приходит в голову, что, возможно, я не возражал бы против того, чтобы сплетники — ради разнообразия! — оказались правы в своих предположениях?

Он не понял, что произошло. Просто кресло, в котором сидела Мэри, внезапно опустело, сложенный веер уперся снизу в его подбородок, приподнимая его, а голос, в котором не осталось даже намек на женственную мягкость, холодно процедил:

— Я ценю нахалов, ваше высочество. Но терпеть не могу наглецов. Извольте запомнить это — на будущее.

Мэри неуловимым движением убрала веер, раскрыла его и резко повернулась, чтобы уйти, когда услышала за спиной добродушный смешок.

— Простите мне эту мальчишескую выходку, Мария Александровна.

Она оглянулась. Так и не изменивший позу Константин смотрел на нее спокойно и серьезно.

— Простите. Я не так равнодушен к сплетням, как стараюсь показать, и хотел убедиться в том, что ваше отношение к обсуждаемому пустомелями предмету совпадает с моим.

— Совпадает, — бросила Мэри, успокаиваясь, — можете не сомневаться.

— В таком случае, Мария Александровна, я надеюсь, вы окажете мне честь, позволив называть вас своим другом?

Помедлив, она протянула ему руку, которую он сначала пожал, а потом поднес к губам. В его глазах снова появился дразнящий блеск, но Мэри уже знала, как на это реагировать. Деланно нахмурившись, она покачала головой, шутливо погрозила пальцем и вернулась в зал, слыша за спиной тихий смех.

Расплатившись, Мэри выбралась из такси и в который раз залюбовалась домом деда. Хороший дом. Правильный. Вот только... Вот только если она не уберется из этого хорошего, правильного дома в самое ближайшее время, то всерьез рискует остаться под опекой вновь обретенных родственников. Остаться до тех пор, пока ее не уболтают-таки выйти замуж и вести подобающий образ жизни, чего она делать отнюдь не собиралась. Во всяком случае — в обозримом будущем. Поэтому на днях она связалась с риэлтором, которого порекомендовала ей вездесущая и всезнающая тетка Екатерина, и теперь с нетерпением ждала, успеет ли он предложить ей что-то приемлемое до ее отлета.

Мэри вручила пакет с париками открывшему дверь Степану, попросила отнести покупки в ее комнату и, коротко выдохнув, направилась в гостиную. Пришла пора предстать перед бабушками. Мало ей было бури, поднявшейся из-за ее желания жить отдельно, так теперь еще надо объясняться по поводу скорого отлета.

К ее великому удивлению, все прошло довольно мирно. Ольга Дмитриевна, старшая

графиня Сазонова, вздохнула, начала было давать советы по поводу осторожности, но потом невесело рассмеялась и махнула рукой. Дескать, что с тебя взять, вся в покойного батюшку. София Гамильтон и вовсе не увидела в стремлении внучки прошвырнуться по Галактике на новехонькой яхте ничего удивительного или тревожащего. Не волнуйся, Ольга, все будет хорошо. Не была бы Мэри достаточно осторожной — не дожила бы до своих лет и уж точно не дослужилась бы до майора. Да, с бабушками проблем не возникло. А вот с дедом...

Николай Петрович вернулся домой поздно, ужинать не стал, но пригревшейся было в кресле внучке кивнул в сторону кабинета совершенно недвусмысленно.

— В общем, так, — начал он после того, как проверил, плотно ли закрыта дверь. — Нашим дамам ты можешь дурить голову, сколько тебе заблагорассудится, но мне изволь не врать. Хватит с меня и туманных пассажей Ираклия. Ты ведь не только на Гамбург собралась?

— Дедушка, я... — начала Мэри, но старый адмирал только рукой махнул.

— Маша, я не спрашиваю тебя, что ты услышала или сказала сегодня во дворце. Я не спрашиваю, куда именно тебя несет и зачем. Ты мне только одно скажи — это прогулка или?..

— Или, — тихо, но твердо ответила она.

— Ясно.

Николай Петрович поднялся на ноги, прошелся по кабинету и вздохнул.

— Ладно. Читать тебе лекции об осмотрительности я не буду, тут и без меня желающих хватает. Советы давать тоже не стану — сама не маленькая, хоть мы с Ольгой и вспоминаем об этом реже, чем следовало бы. Я могу чем-то помочь? Деньги, рекомендации, что-то еще?

— Деньги у меня есть. Рекомендации... да нет, вряд ли. Это не в Империи, дедушка. И даже не у союзников. Ты вот что... Если риэлторы что-то подберут в мое отсутствие, съезди погляди, договорились? Я на тебя полагаюсь, понравится — заключай контракт аренды на год. А на персонал пусть Степан посмотрит.

— Все-таки будешь перебираться? — дед огорченно покачал головой. — Ну да ладно, дело твое.

Глава 2

Нет, надо все-таки выделить время и людей для сбора данных об этой особе. Слишком ее много. И слишком странно выглядят ее поступки. Вот, к примеру: что ей понадобилось в городке, почти целиком заселенном выходцами из Небесной империи? Если бы речь шла о ком-то другом, можно было бы предположить любовь к экзотике. Но Маргарет Эштон сама по себе являлась ходячей экзотикой, и вряд ли ее могли удивить яркие вывески или странная на русский вкус кухня. Случайно столкнувшийся там с ней порученец — супруга Мамонтова питала слабость к доставленным из Бэйцзина благовониям — доложил, что она вышла из дома старого Чжана А сам хозяин, сроду ни перед кем не опускавший головы, провожал ее такими низкими поклонами, что тонкая черная косичка мела мостовую.

Сейчас, впрочем, госпожа Эштон отдыхала. Что означало — шутила, смеялась, флиртowała с многочисленными поклонниками и с явным удовольствием танцевала. Надо отдать ей должное, танцевала она хорошо. Заметно лучше своих одинаковых — если бы не разный цвет пестрых головных платков — партнеров. Еще одна странность... почему не принять приглашение от кого-то еще? Она чего-то боится? Не похоже...

Додумать Мамонтов не успел. В центре зала началась какая-то суматоха, оркестр, сфальшивив, замолк, танцующие раздались к стенам и он увидел несколько мужчин-мексиканцев в униформе обслуживающего персонала. Трое из них прижимали к себе испуганно всхлипывающих женщин, в головы которых упирались дула ручных плазмовиков, еще шестеро, рассыпавшись кругом, держали на прицеле ошарашенную толпу.

Повинуясь приказу, пролаявшему одним из террористов, люди один за другим закладывали руки за голову. Сделал это и Аркадий, прикидывая, что можно предпринять для

того, чтобы хоть как-то отвлечь внимание нападающих и попытаться обезоружить их без большого числа жертв среди мирных граждан. Он поймал взгляд помощника: Михаил явно думал о том же, но, судя по едва заметному покачиванию головой, пока не видел, как можно реализовать эту идею.

Какие мысли бродили в этот момент в голове Маргарет Эштон, Мамонтов не знал. Она стояла к нему спиной, так же положив руки на затылок и вцепившись затянутыми в перчатки пальцами в золотые перья шпилек. Что-то знакомое было в ее осанке, знакомое и совершенно неуместное для прожигательницы жизни, однако время раздумий неожиданно закончилось.

— Сейчас вы услышите наши требования... — начал тот из мексиканцев, которого Аркадий определил как главного, но договорить не успел. Баронесса Эштон, которая очень тихо пробормотала что-то, обращаясь, похоже, к стоящим по бокам близнецам, резко выдохнула. Шпильки исчезли из прически и возникли снова — одна в горле главаря, другая в держащей оружие руке смазливой парня рядом с ним. Одновременно с этим вся троица кубарем покатилась к бандитам, и в зале началось что-то невообразимое. Опешившие террористы не сразу поняли, что произошло, и этих долей секунды хватило присутствующим в зале военным для того, чтобы переломить ситуацию.

За спиной рванувшегося вперед Мамонтова вскрикнул кто-то, должно быть, раненный в ходе поднявшейся беспорядочной стрельбы, вокруг пронзительно завизжали женщины. «Плохо дело», — успел подумать Аркадий, но тут он услышал резкий свист и прямо ему в руки прилетел плазмовик, брошенный баронессой. Сама она упала на пол, тут же перекатилась и открыла огонь по галерее, выкрикивая короткие приказы на незнакомом Мамонтову языке. Вопль... глухой стук упавшего тела... близнецы прикрывают... какую, к черту, любовницу! командира!.. Вспыхивает задетая сгустком плазмы драпировка, вой сирены, выброшенные системой пожаротушения клубы порошка мешают целиться... Ничего, справимся... Ага, Мишка тоже уже при оружии... стрельба стихает... стихла... все.

— Ох и ни хрена ж себе потанцевали... — на чистейшем русском произнесла за спиной у Мамонтова баронесса Эштон.

* * *

Утро следующего дня выдалось суматошным. Началось все с того, что когда Мэри спустилась к завтраку, выяснилось, что с полчаса назад курьер доставил предназначавшийся ей конверт. Вензель в правом верхнем углу не оставлял сомнений в личности отправителя, но вот содержимое конверта удивило ее до глубины души. Карточка номерного счета, сумма в галактах... ого! Что это пришло в голову Ираклию Давидовичу?

Сам он, немедленно вызванный со стационарного коммуникатора в дедовом кабинете, ничего необычного в своих действиях не увидел.

— А ты что же, дорогая, собралась из своих средств всю эту катавасию оплачивать? — невозмутимо поинтересовался отцовский крестный. — Так позволь тебе напомнить, что твой вояж проходит по линии Службы безопасности и финансироваться, соответственно, должен ею же.

— Ираклий Давидович, — возмутилась Мэри, — это же просто развлекательное путешествие! А уж что там получится или не получится параллельно, это еще бабушка надвое сказала. Тем более что расходы предвидятся главным образом представительские. Вы всерьез собрались оплачивать мои наряды и ставки в казино?

— И наряды, и ставки — если они помогут тебе достичь цели. И взятки, если что. И плату информаторам. Я ведь не на булавки тебе предлагаю, Маша. Те же наряды взять — ты ведь на Кремле их покупать не собираешься?

— Не собираюсь, — хмыкнула она. — Только на Гамбурге, а может, и подальше.

— Ну вот. Аманду Робинсон светить раньше времени не стоит, Марию Сазонову тем более. Как ни крути, а нейтральные деньги тебе нужны. Так что не спорь. Ну, если тебя так

уж задевает эта ситуация, можешь по возвращении представить подробный отчет об использовании.

— Ну да, ну да, — понятливо покивала Мэри, ядовито усмехаясь. — «Вечернее платье, оружие для телохранителей, чаевые официанту, хорошая пресса, гонорар киллеру» и так далее.

— Именно!

И посмеивающийся князь отключил связь.

Мэри очень хотела рассердиться, но получалось как-то вяло. Все-таки следовало признать, что Цинцадзе прав, по крайней мере в отношении «нейтральных денег». Расслабилась ты здесь, на Кремле, дорогая. Не все продумала — а продумать стоило. Первая твоя абсолютно самостоятельная вылазка. Никого из тех, на кого ты привыкла опираться, рядом не будет. Приказы ты будешь выполнять только те, которые сама же и отдашь, и в случае чего — не жалуйся. Вот и поглядим, лапочка, чего ты стоишь сама по себе. И оправданна ли та слава, которая — как ни грустно это признавать! — похоже, ударила тебе в голову.

Сесть и спокойно подумать не получилось. Сначала с ней связалась Элис, деликатно поинтересовавшаяся, понадобится ли им в этом полете гравикомпенсаторная броня. Яхта снабжена системой общей гравикомпенсации, но не считает ли командир... Командир считала. Еще и как считала. И это был как раз один из недостаточно хорошо продуманных пунктов. Разумеется, напоминание о нем благодушного настроения Мэри не прибавило. Коротко выругавшись, майор Гамильтон велела второму пилоту не забивать себе голову ерундой — все решим на Гамбурге, Элис, до того драки не предвидится — и только собралась прикинуть, что еще она забыла, как в гости заявила тетушка Екатерина. Не то чтобы Мэри не была рада ее видеть, но Катенька — не дед, отвязаться от нее вот так, запросто, не получится... Поэтому она была почти счастлива, когда пространная сентенция тетки была прервана на самом интересном месте вызовом риэлтора. Исаак Израилевич нашел то, что может подойти ее сиятельству. Угодно взглянуть?

Мэри было угодно. Ей было угодно все, что сможет переключить сообразительную и дотошную родственницу с предстоящего племяннице полета на более безопасный предмет. Поэтому сорок минут спустя машина тетушки (непреклонный Степан заявил, что он лично осмотрит дом и уселся рядом с водителем) приземлилась на улице небольшого поселка.

У ворот скрытого за деревьями дома стояли три человека. Риэлтор широко улыбался, мужчина и женщина в годах смотрели несколько напряженно. Видимо, это были кандидаты на место экономки и дворецкого — агентство недвижимости оказывало своим клиентам комплексные услуги. Ну что ж... Вежливо поздоровавшись — она не ошиблась, чета Дороховых действительно явилась на собеседование — Мэри первая пошла по вымощенной плиткой дорожке. Когда она приблизилась к крыльцу, губы сами собой раздвинулись в улыбке. Не слишком большой, заплетенный до самой крыши каким-то незнакомым ей плющом, дом ждал. Ждал — и улыбался ей в ответ. Удивительно легко для своих габаритов проскользнувший вперед риэлтор открыл дверь, и она вошла внутрь. Исаак Израилевич, опытный агент и просто повидавший жизнь человек, молчал за ее спиной, но даже молчание его было удовлетворенным. Он знал. Знал с самого начала.

Мэри кивнула своим мыслям и повернулась к вошедшим вслед за ней людям.

— Надежда Игнатьевна! — обратилась она к предполагаемой экономке. — Я хотела бы, чтобы вы осмотрели дом вместе со мной. Мне еще ни разу не доводилось приобретать или снимать частное жилье — я совсем недавно вышла в отставку, — поэтому я могу не заметить какие-то недостатки, которые будут очевидны для вас. Приступим?

Гордая оказанным доверием женщина пошла рядом с ней к лестнице, ведущей на второй этаж. Катенька пристроилась сзади, шепотом объясняя нахмурившемуся Степану, что при всех его достоинствах служить и жить в доме будет все-таки не он. Так что смотреть не возбраняется, а вот ворчать не стоит. И вообще, пойдика лучше с Иваном Кузьмичом пообщайся.

Много времени осмотр не занял. Мэри устроило абсолютно все, и теперь она сидела за столом в небольшой столовой, пристально глядя на Дороховых. Сброшенные на коммунитор рекомендации она просмотрела мельком, отметив как положительный факт то, что Иван Кузьмич был старшим прапорщиком десанта в отставке, успевшим послужить шофером и садовником в паре почтенных семей. Его супруга до сего момента в услужение не нанималась, но причина ее желания пойти работать была очевидна: младший сын недавно пошел по стопам отца, начав службу в десанте, остальные дети также разлетелись из родительского дома кто куда...

— Итак. Надежда Игнатьевна, мне дом понравился. Понравился ли он вам? Сможете ли вы наладить здесь жизнь пяти отставных военных?

— Смогу, ваше сиятельство, — спокойно кивнула женщина. — А эти пятеро военных... вы сами, я понимаю, и?..

— Мой последний экипаж вышел в отставку одновременно со мной, отказавшись летать с другим командиром...

В этом месте Иван Кузьмич одобрительно крякнул и понимающе переглянулся со Степаном.

— ...так что мы все еще вместе, и я по-прежнему отвечаю за них. Хватит им болтаться по гостиницам, пора привыкать к нормальной жизни на тверди. Только учтите, мы все в армии с младенчества. После поступления на действительную службу разве что койки сами застилали, да и то не всегда, все остальное делали служащие отелей и офицерских общежитий. Я, конечно, объясню ребятам, что к чему, но поначалу могут возникнуть проблемы. Вам понадобятся приходящие уборщики.

— Там видно будет. Может, понадобятся, может, нет... Всему свое время, ваше сиятельство.

— Мария Александровна.

— Всему свое время, Мария Александровна. Когда вы желаете переехать?

— Я хотела бы, чтобы все было готово через неделю. На ваше имя будет открыт счет, с которого вы будете брать средства на закупку всего, необходимого для жизни здесь. Исаак Израилевич...

— Я все сделаю, ваше сиятельство.

— Меня какое-то время не будет на планете. По всем возникающим вопросам можете консультироваться со Степаном...

— И со мной, — вставила удивительно долго молчавшая Екатерина.

— И с госпожой Зарецкой, — завершила Мэри то, что про себя назвала «маленьким военным советом». — Благодарю вас.

На Гамбурге их встретила зима. Показания наружных датчиков «Джокера» не сулили ничего хорошего даже тем, кто был одет по погоде. Что же касается пятерых членов экипажа, то по погоде не был одет ни один из них, и теперь Мэри со смешанным чувством удовольствия и досады выслушивала мнение Рори по этому поводу. Удовольствие проистекало из возможности услышать новые слова, а также новые выражения, составленные из старых слов. Что касается досады... Вот ведь и об этом ты не подумала, дорогуша. А о чем еще? Ладно, пролетели. Сейчас надо прикинуть, как распределить на планете время и людей. Сначала — к старому Шнайдеру. Близнецы туда могут и не ходить, в команду они вошли уже после Лафайета. Зато им вполне по силам порыться в каталогах и заказать гравикомпенсаторную броню на всех со срочной доставкой на борт. Только надо будет прикупить теплые куртки и на их долю тоже. Кое-что из того, что ей требовалось приобрести, по каталогам не закажешь. О, а кстати. Шнайдера они и так навесят, а куртки вполне можно заказать одновременно с броней. Вот и прекрасно, а то знает она соотношение цен в космопорте и в городе.

Такси они вызвали к самому трапу. И все равно успели изрядно продрогнуть прежде, чем прозрачный колпак опустился на свое законное место. Рори встряхнулся, как огромный

пес, Элис, сидящая возле него и смахивающая снег ладонью, захихикала. Усевшаяся рядом с водителем Мэри улыбнулась и подумала, что в некоторых обстоятельствах волосы — это даже и неплохо. Не так холодно, во всяком случае.

Впрочем, в здании космопорта о холоде не получилось бы вспомнить даже при наличии желания. Видимо, в качестве компенсации нагрето было так, что в парадной форме немедленно стало жарко. Или просто показалось?

Мэри мельком глянула на указатели, подошла к проходящему мимо полицейскому, что-то спросила и направилась туда, куда после лаконичного комментария махнула лапища в белой перчатке. Рори и Элис привычно заняли позицию на полшага сзади и по бокам, и четверть часа спустя перед ними распахнулась высокая дверь с надписью «Шнайдер» над ней.

Заведение Мэри понравилось. Огромный зал со стеклянной стеной, открывавшей роскошный вид на взлетное поле, был в кажущемся беспорядке заставлен металлическими столиками и удобными креслами, явно позаимствованными со списанных кораблей. Официанты в форменных комбинезонах без знаков различия передвигались знакомой скользящей поступью. Очевидно, старый Вилли нанял в качестве обслуживающего персонала таких же, как он сам, отставных флотских. Время было обеденное и в зале почти не осталось свободных мест, но выросший как из-под земли официант щелкнул каблуками и повел их к самой стеклянной стене, где в углу притулился стол на шестерых. Табличка «Заказано» исчезла, словно по волшебству, в руках неизвестно откуда взявшегося второго служаки материализовались папки с меню. Первый уже отодвигал кресло для Мэри, кланяясь, и вежливо, но без подобострастия давая на унике советы относительно выбора пива. Она не нашла ничего удивительного в такой предупредительности. При всем уважении к Шнайдеру и его ресторану было совершенно очевидно, что командоры «Солнечного ветра» захаживают сюда далеко не каждый день. По лицам заметно нервничающих служащих было ясно, что сейчас оба из всех сил стараются сообразить, кем может быть эта высокая широкоплечая женщина с седыми волосами и майорскими погонами.

Мэри уселась и придержала собравшегося испариться официанта за рукав:

— Скажите... — она пригляделась к нашивке на комбинезоне. — Скажите, Ганс, могу ли я увидеть господина Шнайдера?

— Видите ли, госпожа майор... — официант слегка замялся. — Герр Шнайдер редко выходит к посетителям. Крайне редко.

— Понимаю, — кивнула Мэри. — Вы могли бы передать ему записку?

Ганс протянул ей лист писчего пластика и перо. Мэри усмехнулась, быстро набросала «Шварце Мария Хэммильтон», сложила листок пополам и протянула его официанту, тут же удалившемуся от стола.

— Поглядим, — продолжая усмехаться, заметила она, — так ли уж будет рад мне старик Шнайдер, как это утверждал каперанг Дубинин.

Долго ждать им не пришлось. Где-то в недрах ресторана раздался слышимый даже отсюда грохот упавшей мебели, прокуренный до медвежьего рыка мужской голос прогремел: «Was?!», и в зал влетел Вилли Шнайдер. Такой же огромный и обманчиво-неуклюжий, как во время их последней встречи на борту «Гейдельберга», он ломился к их столику не разбирая дороги. И оказавшиеся на его пути посетители вскакивали и отступали в стороны, не без оснований опасаясь, что их сейчас снесет. Мэри встала и протянула было руку, но Вилли не обратил внимания на ее ладонь, а попросту сгреб девушку в объятия, оторвал от пола и закружил. За столиками аплодировали.

— Ну ты посмотри! — провозгласил Шнайдер, ставя Мэри на место и отодвигая от себя на расстояние вытянутой руки. — Хороша, хороша! Пошли, девочка, выпьем у меня. Это твои ребята? И тоже были при Лафайете? Давайте с нами!

Когда ранним утром Мэри влетела в кают-компанию, она обнаружила там деловито накрывавшую на стол Элис. Притулившийся в уголке Мэтью Рафферти из всех сил старался

не захихикать при виде того, с какой постной миной выполнял указания девушки Рори, не выпавшийся, похмельный и злой. Спорить, впрочем, двигателю и не думал, что несказанно удивило Мэри. Впрочем... Похоже, эти двое медленно, но верно становились парой, а стало быть, непривычная покладистость О'Нила имела вполне очевидное объяснение.

— Значит, так, — начала она, когда закончивший утренние дела Джон присоединился к ним и все расселись за столом. — Планы меняются. Я думала задержаться здесь еще на сутки, но большого смысла не вижу. Кроме того, некоторые покупки мне не хотелось бы светить там, где меня могут идентифицировать как Мэри Гамильтон. Элис, следующий пункт — Пончартрейн. Одним прыжком, больше не надо. В подпространстве поменяем идентификационные коды. Когда вынырнем, будем уже яхтой «Фортуна», владелица — Аманда Робинсон.

— Ну вот, — лениво протянул Рори, — только я намылился куртку обновить, а тут — на Пончартрейн. Там зимы не бывает вовсе...

— Зато там бывает много чего другого, причем весьма разнообразного, — отрезала Мэри. — Успеешь еще покрасоваться, в Новограде, говорят, очень приличные зимы. И давайте-ка, привыкайте называть меня «мисс Аманда». За ваши головы не поручусь, а сохранность моей вполне может зависеть от того, не ошибется ли кто-нибудь из вас при обращении.

Казино «Зигзаг удачи» не было самым большим в Пространстве Лордан. И, пожалуй, самым шумным оно не было тоже. Оно просто было главным. Здесь делались самые высокие ставки. Здесь работали самые красивые девушки и юноши. Здесь не было ничего такого, что не предоставили бы по первому требованию самого привередливого клиента — при условии, что клиент богат. Впрочем, бедняки и даже люди среднего достатка в «Зигзаге удачи» не показывались. Возможность стать клиентом прославленного заведения, а тем более его завсегдатаем, означала достижение определенного (весьма высокого!) статуса.

За покрытыми зеленым сукном столами не только проигрывались и выигрывались суммы, которые не могли даже присниться обычному человеку. Там заключались сделки, от которых порой зависело благосостояние и даже сама жизнь миллионов людей. А еще здесь можно было получить информацию, которая была недоступна тем, кто по той или иной причине не был принят за выточенными из цельных глыб хрусталя дверями. Словечко там, брошенный искоса взгляд здесь... Из каких только мелочей не складывается порой цельная картина! Именно поэтому в «Зигзаге удачи» так любил проводить время Эрик ван Хофф, давно уже сделавший сектор А-5 своей штаб-квартирой.

Сейчас он стоял у сверкающей позолотой колонны, с удовольствием общаясь с доном Лимой. Этот невысокий, весьма упитанный, поблескивающий обширной лысиной пожилой человек нравился Эрику. То, что при внешности и манерах этакого записного простачка дон Лима был одним из самых опасных людей в этой части Галактики, только добавляло пикантности беседе. Впрочем, и сам Эрик был не лыком шит. И нашлось бы не так уж много людей, достаточно безумных, чтобы попытаться доставить неприятности отщепенцу семьи ван Хофф. Отщепенец-то он отщепенец, но ван Хоффы никогда не бросали родственников в беде, а вызвать неудовольствие могущественного клана посредников... Посредники нужны всем и всегда, представители же семьи ван Хофф числились в своем деле волшебниками, способными совершить невозможное.

Приблизившийся секретарь дон Лимы сложился пополам и прошептал что-то на ухо не доверявшему с некоторых пор коммуникаторам патрону. Тот немедленно просиял, всплеснул руками и быстро проговорил веселым тенорком:

— Эрик, извините меня, но я вынужден вас покинуть. Только что прибыла совершенно изумительная женщина. Острый ум, острый язык, а как играет в покер... сказка! Ах, будь я помоложе... В любом случае, я должен лично поприветствовать мисс Робинсон. Чуть позже я вас познакомлю, — и дон Лима с удивительной для человека его возраста и комплекции

прытью помчался к лестнице, ведущей ко входу в зал, дав тем самым собеседнику возможность совладать с лицом.

Мисс Робинсон, вот как? Интересно, сколько в Галактике мисс Робинсон? Ну-ка, ну-ка... Эрик осторожно выглянул из-за колонны и тут же отступил назад. Одного взгляда было вполне достаточно. Что ж... Кажется, они обещали друг другу, что еще встретятся. Приятно сознавать, что на сей раз судьба свела их там, где «мисс Робинсон», по крайней мере, не обладает властью. Хотя два красавца за ее спиной в случае чего могут быть изрядной проблемой.

Откровенно говоря, Эрик не мог с уверенностью сказать, чего он хочет больше: придушить виновницу единственной неудачи за всю его карьеру? Поиграть с ней в покер? Затащить в постель? Или, быть может, сначала покер, потом постель, потом придушить? А что, в последнем варианте что-то есть... Однако — он снова высунул голову из своего ненадежного убежища — она изменилась. Разбитная студентка, которую сия незаурядная личность изображала семнадцать лет назад, исчезла без следа. Элегантная дама, которой человек, не видевший ее в «Золотом клевере», мог сейчас дать и тридцать лет, и шестьдесят, была одета так, что как минимум половина женщин в зале должна была немедленно умереть от зависти.

И дело было даже не в стоимости наряда, хотя за одни только веганские рубины, сиявшие на груди, в ушах и на запястье правой руки, можно было купить тот самый «Золотой клевер». Просто далеко не каждая женщина могла себе позволить натянуть платье от Франчески Корсо прямо на голое тело. Одной хорошей фигурой тут не обойтись, да по большому счету она и не является необходимым условием. Нужен определенный шик, который либо есть, либо нет, а уж если нет — пиши пропало. Зато если есть... Франческа Корсо, с которой Эрик был знаком лично, полагала, что ее платья следует носить только женщинам, держащим свою судьбу в собственных руках, и каким-то образом ухитрялась подчеркнуть это качество каждым швом. Приобретали ее туалеты многие, но по-настоящему хорошо смотрелись они на единицах.

Пару секунд понаблюдав за тем, как дон Лима, соорудив самую сочувственную физиономию, ласково кивает и делает приглашающие жесты маленькой ладонью с пухлыми, униженными перстнями пальцами, Эрик снова скрылся за колонной. Он был весьма озадачен, и желание в самое ближайшее время обозначить свое присутствие боролось в его душе с осторожностью. Боролось и проигрывало. Знакомство «мисс Робинсон» с доном Лимой ван Хоффа не удивляло: после приставленного к затылку пистолета от этой женщины он мог ожидать всего, чего угодно. Но вот то, что она, по всем признакам, была богата, настораживало. В людях он научился разбираться очень рано, это являлось одним из необходимых условий успешной карьеры посредника и адвоката. И диссонанс между тем, что он видел сейчас, и сложившимся когда-то представлением о молодом полицейском офицере, заставлял его проявлять обычно несвойственное ему благоразумие.

Любопытно, однако, что она здесь делает? Эрик ван Хофф был весьма наблюдательным человеком, обладавшим великолепной памятью, в частности на голоса. А уж причины интересоваться планетой Бель тайн у него были самые веские. Причем именно эта женщина в свое время предоставила ему их. Так что за ходом процесса над Джерайей Саммерсом и Джастином Монро он следил более чем внимательно. И когда пришлось сопоставлять знакомый, хотя и повзрослевший, голос с незнакомым лицом, наблюдательность не подкачала. Расстояние между зрчками, форма ушных раковин... А недурные открываются возможности для легкого, приятного шантажа... Но как двигается, черт бы ее побрал, как двигается! Да уж, в полиции и армии этому не учат, большой мастер поработал, нечего сказать. Эрик подхватил бокал с подноса проходящего мимо официанта и предвкушающе улыбнулся. Уж этот-то вечер скучным не будет.

Мэри назвала свое имя величественному служителю у входа и огляделась по сторонам. Где-то здесь, совсем рядом с дверями, находились тщательно замаскированные помещения

охраны, и ей было доподлинно известно, что в любой момент «Зигзаг удачи» может стать неприступной крепостью. Однако неписаное правило гласило: ничто не должно омрачать настроение посетителей и отвлекать их от игры и общения друг с другом. Так что никакого явного присутствия службы безопасности в казино не ощущалось.

Сделав несколько шагов вперед, она остановилась на верхней ступеньке широкой лестницы, ведущей в главный зал. Мэри вдруг вспомнила, как стояла здесь три года назад и точно так же смотрела на волнуемое море людей внизу. Тогда ее картинно поддерживал под руку Келли, игравший (или не игравший?!) роль человека, уверенного в том, что его спутница вызывает у женщин ненависть, а у мужчин зависть. Или наоборот, не суть важно. Теперь Келли не было. За ее спиной, слева и справа, стояли братья Рафферти, которым чрезвычайно шли костюмы, приобретенные, как и ее наряд, на Пончартрейне. «Планета-карнавал», как нередко называли Пончартрейн, славилась тем, что когда бы турист ни прилетел на нее, уж на один-то карнавал он попадал с гарантией. Соответственно, продажа карнавальных костюмов была одной из изрядных статей дохода местных производителей и торговцев. А поскольку многие из высокопоставленных (или полагающих себя таковыми) туристов предпочитали передвигаться в сопровождении охраны, то и для телохранителей на Пончартрейне можно было подобрать костюм в любом стиле.

Сейчас канониры были одеты — по уверению продавца — как американские гангстеры начала двадцатого века. В таких тонкостях Мэри не разбиралась, земная история интересовала ее лишь в той части, которая имела отношение к Кельтскому Союзу и разного рода военным столкновениям. Именно эту одежду она выбрала из-за шляп, которые полагалось низко нахлобучивать на голову: импланты и татуировки Джона и Мэтта требовалось надежно скрыть, а парик они носить не умели. Кстати, следует взять на заметку: ребят необходимо этому научить, мало ли куда и когда занесет их жизнь в качестве ее спутников. Ну что ж... Предварительная подготовка проведена. Посмотрим, достаточно ли хороша она была.

Внизу возникла какая-то суета, люди расступились, провожая взглядами безвкусно одетого объемистого коротышку, спешащего к лестнице с улыбкой радушного хозяина на круглом щекастом лице. Второй человек, длинный и тощий, с трудом поспевал за своим спутником, который, не успев еще докатиться до нижней ступеньки лестницы, начал экзальтированно восклицать, прижимая руки к груди:

— Мисс Робинсон! Аманда! Как я рад снова вас видеть! Давненько не заглядывали! Совсем забыли старика, ай-яй-яй! И не стыдно вам?!

— Я тоже рада видеть вас, дон Лима! — улыбнулась Мэри и, к собственному удивлению, поняла, что говорит чистую правду. Она прекрасно отдавала себе отчет в том, что хозяин изрядной части казино и борделей в Пространстве Лордан имеет к галактическим законам только то отношение, что нарушает их на каждом шагу. И служащей полиции — пусть и отставной — не следовало бы испытывать к нему симпатию. Но лично ей этот человек ничего плохого не сделал, а закон... закон, как известно, что дышло: куда повернешь, туда и вышло. Кроме того, дон Лима принадлежал к той части ее прошлого, которую она всегда считала приятной и вспоминала с неизменным удовольствием. Конечно, ностальгия — опасное чувство. Но, Бог даст, это чувство не помешает ей выполнить свою миссию, а в остальном... Ну может же она в кои-то веки раз не думать только о делах?

Между тем дон Лима добрался-таки до той ступеньки, на которой стояла Мэри — близнецы-телохранители одновременно сместились на шаг назад, а секретарь затормозил, — и проворно поднес к губам ее затянутые в перчатку пальцы.

— Великолепно, великолепно! — ворковал он, окидывая ее оценивающим взглядом. — Вы всегда были обворожительны, мисс, но сейчас! Ах, ну почему, почему я так стар?!

— Что вы такое говорите, дон Лима? — игриво возмутилась Мэри. — Вы — стары?! Никогда не поверю!

— О, вы всегда были искусным дипломатом, Аманда, — деланно вздохнул ее собеседник. — Или же хорошо воспитанным человеком, что, в сущности, одно и то же.

Кстати, о хорошо воспитанных людях. Я не вижу мистера О'Брайена?..

— Мистера О'Брайена больше нет с нами, — Мэри едва заметно склонила голову. — Он был уроженцем Бельтайна и...

— Боже мой! — ужаснулся дон Лима. — Так значит... и вы еще утверждаете, что я не стар... Мне следовало сообразить, что вы не просто так в черном и сером, это же цвета полутраура... и вы никогда на моей памяти не одевались так... мои соболезнования, Аманда, мои самые искренние соболезнования...

Мэри до сего момента понятия не имела о каком-то там полутрауре и его цветах. При выборе одежды она руководствовалась исключительно собственными эстетическими предпочтениями — сочетание серебристо-серого платья с палантином из драгоценного меха черного соболя понравилось ей, вот и все. Однако она не позволила удивлению отразиться на лице и слегка поклонилась.

— Благодарю вас, дон Лима. Знаете... может быть, мой прилет сюда и не лучший памятник Келли, но другого я не придумала. Думаю, ему понравилось бы, что я снова появилась там, где нам с ним было так весело.

— Я не сомневаюсь в этом, дорогая, — хозяин казино взмахнул рукой, указывая на зал. — Что вам будет угодно сегодня? Покер? Я могу рекомендовать вам достойных партнеров...

Мэри задумчиво улыбнулась и покачала головой:

— Боюсь, сегодня я не представляю интереса для хороших игроков в покер. Воспоминания... Вряд ли этим вечером я смогу достаточно уверенно проявить себя за карточным столом. Да и хотелось бы выяснить, по-прежнему ли благосклонна ко мне Судьба теперь, когда моего друга нет рядом. Найдется для меня место за рулеткой?

— Жан-Пьер! — не оборачиваясь и не выпуская ее руки, бросил дон Лима и секретарь тут же оказался рядом. — Жан-Пьер, выдайте мисс Робинсон фишек на... — он вопросительно приподнял кустистую бровь.

— На триста тысяч галактов, — закончила за него Мэри, доставая из крохотного ридикюля карточку, присланную князем Цинцадзе и протягивая ее оторопевшему служащему.

Дон Лима и глазом не моргнул, но смотрел теперь на нее с нескрываемым уважением.

— Браво, браво! С судьбой только так и надо. Вы всегда были умницей, Аманда. Да и потом... ну проиграетесь вы сегодня, и что? Завтра вы будете в настроении сыграть в покер...

— Именно, — усмехнулась Мэри, и, опираясь на руку своего кругленького собеседника, двинулась вниз по ступенькам.

Следующий час Мэри, под монотонный припев крупье: «Делайте ваши ставки, дамы и господа... делайте ваши ставки», играла бездумно и без всякой системы. Хотя какая, к черту, система может быть при игре в рулетку? О, разумеется, пособий существовало множество. Но с ее точки зрения, поддержанной многими часами аналитической работы, все они были лишь способом вытянуть дополнительные деньги из желающих легко разбогатеть дураков. В дорожащем своей репутацией казино с рулеткой не мухлевали, и выигрыш (как и проигрыш) был игрой случая, не более — но и не менее — того. И все-таки, к собственному удивлению, по истечении этого часа она осталась практически при своих. Становилось скучновато. Причем не только ей. Мэтт Рафферти, сидящий справа от нее и блестяще изображавший «телохранителя во всех смыслах», как наемни съехидничал неугомонный Рори, склонился к ее уху и прошептал:

— Чего вы ждете, мисс Аманда?

— Узнаю, когда дождусь, — ответила она так же тихо. Впрочем, ожидание надолго не затянулось.

— Вы позволите сделать за вас ставку, мисс Робинсон? — вкрадчиво прошелестел за ее спиной смутно знакомый мужской голос.

Мэри повернула голову вправо и вверх, и ее губы сами собой раздвинулись в улыбке, одновременно удивленной и насмешливой.

— Ну разумеется, Эрик! Думаю, что вполне могу позволить вам сделать сегодня вашу игру. По крайней мере, здесь. Кстати, что вы делаете за моим правым плечом? Разве ваше место не за левым?

— За левым не выйдет, там стоит один из ваших красавцев. Где вы только нашли эту пару? — недовольно буркнул ван Хофф, раздосадованный тем, что ни напугать ее, ни даже заставить занервничать ему не удалось.

— Места надо знать, Эрик. Всего лишь знать места. Так вы будете делать ставку?

Ван Хофф нахмурился, но довольно быстро вернул на лицо бесстрастную — как он надеялся — улыбку и занял место, освобожденное Мэттом. Покосился на Мэри, неожиданно подмигнул и решительно отправил все ее фишки на сектор «зеро».

— Смотрите, Эрик, как бы вам не пришлось сегодня оплачивать мой ужин и ночлег — при такой-то ра сточительности! — иронично пропела Мэри и получила в ответ ухмылку, скабрзную ровно настолько, чтобы не вызвать немедленной реакции в виде пощечины.

— Ночлег? А что, я бы не отказался...

Их диалог прервало восклицание крупье: «Ставок больше нет!» Постукивание шарика громом отдавалось в ушах Мэри. Колесо замедлилось... еще...

— Зеро! — провозгласил побледневший крупье. Мэри покосилась на Эрика. Тот ответил ей совершенно непроницаемым взглядом. Она хотела что-то сказать, но сначала была оглушена аплодисментами, а потом стало поздно. К столу подошел дон Лима, должно быть, предупрежденный наблюдателями и еще более шумный, чем в момент их встречи. Он рассыпался в комплиментах и шуточных упреках: Эрику — за то, что не подождал, пока хозяин его представит, и Мэри — за грозящее казино разорение. В ответ девушка заверила промокавшего платком лысину толстяка, что сегодня не намерена больше испытывать судьбу — и так все ясно, — а впредь ограничит свои действия покером. И она даже готова заключить с доном Лимой такой же договор, какой, по слухам, заключил с ним в свое время Келли — не играть два вечера подряд в одном и том же заведении. Жесты и интонации хозяина «Зигзага удачи» стали совсем уж театральными, поднявшийся вслед за Мэри ван Хофф многозначительно усмехался, братья Рафферти настороженно переглядывались.

Дело кончилось тем, что она высыпала в руки своих сопровождающих пригоршню фишек и велела им «погулять». В ответ на это близнецы немедленно насупились, но были призваны к порядку ласковой улыбкой и ледяным взглядом. А сама Мэри под руку с Эриком направилась в один из «конфиденциальных уголков», как называл дон Лима помещения, снабженные всеми мыслимыми и немыслимыми контурами защиты от подслушивания и подглядывания. В этих комнатах невозможно было вести любую запись, там не работали даже стандартные коммуникаторы и именно поэтому в «конфиденциальных уголках» встречались люди, чье слово стоило дороже любого протокола. Что ж, все складывается совсем даже неплохо. Кажется, сегодня ее выигрыш заключается не только в деньгах, хотя сказать кому... почти триста тысяч галактов, да при ставке один к тридцати пяти... ой. И что она, спрашивается, делает на службе у Империи? Играла бы себе спокойно в казино...

Глава 3

Мамонтов, решивший, что у него что-то со слухом, медленно обернулся. Баронесса Эштон сидела на полу. Плазмовик лежал рядом с ней, но в данный момент, похоже, женщину занимал только сломанный каблук туфли, которую она вертела в руках, скептически при этом хмыкая. Лиф платья, явно не приспособленного для произведенных ею действий, сполз с одного плеча, подол живописными лохмотьями раскинулся вокруг ног в рваных чулках. Длинные темно-рыжие пряди упали на лицо, поправлять их она не спешила. Как не спешила и вставать. Близнецы куда-то делись. Аркадий хотел было начать разговор, но тут мисс Эштон услышала, должно быть, что-то в коммуникаторе, стряхнула с правой

ноги уцелевшую туфельку и, резко втянув воздух сквозь стиснутые зубы, вскочила.

— У нас неприятности, — бросила она по-русски (Мамонтов с облегчением перевел дух; со слухом все оказалось в порядке) и метнулась, заметно прихрамывая, к одному из поддерживающих галерею столбов. Белкой вскарабкавшись по нему — подошедший Михаил восхищенно присвистнул, — она одним движением перебросила тело через балюстраду и исчезла из глаз. Через полминуты она снова появилась на виду и командным голосом, перекрывшим шум в прилегавшей части зала, рявкнула:

— Саперов сюда! И взрывотехников! — И снова скрылась.

Русские переглянулись. Мамонтов, по армейской специальности бывший как раз сапером, кивнул заместителю и помчался к лестнице. Разумеется, он тоже мог забраться по столбу, но вечерний костюм и танцевальные туфли делали эту затею довольно сомнительной с точки зрения реализации. Зрелище, открывшееся ему на галерее, стоило того, чтобы полюбоваться им некоторое время, которого, к несчастью, не было. Поэтому Аркадий просто улегся на пол рядом с женщиной и, слегка сдвинув ее в сторону, устался на контейнер, закрепленный под столешницей одного из богато сервированных столов.

— Так. Не знаю, как вас на самом деле зовут, но вам следует убраться отсюда, — быстро проговорил он и щелкнул по браслету коммуникатора. — Мишка, тут нужна капсула. И свистни полиции, пусть вызывают поисковиков, я не уверен, что сюрприз только один.

— Эвакуация, — напомнила ему «баронесса», выбравшаяся из-под стола и отошедшая на пару метров. — И обыскать ублюдков, вдруг у кого-то найдется пульт управления этим безобразием?

— Вы совершенно правы, сударыня. Филатов!

— Работаем, Аркадий Евгеньевич, — буркнул подошедший заместитель. Со своего места Мамонтов видел только его ноги, но вылезать не спешил. Контейнер ему категорически не нравился. Трогать его без капсулы Аркадий не рисковал, но рассматривал очень внимательно. Великоват что-то. Не иначе помимо взрывчатки внутри еще какая-то гадость имеется.

— Нашли еще три, — сообщила женщина, поднимая с пола опрокинутое кресло и усаживаясь в него. Одну ногу она неловко вытянула вперед.

— Можете показать? — если Михаил и был удивлен, то чувства свои держал при себе.

— Мои мальчики поставили на каждый стол с «сюрпризом» по большой вазе. Вес они скомпенсировали, не дураки, а вазы очень заметны, так что не ошибетесь.

— Ясно, — Филатов, взявший на себя командование операцией, уже отдавал приказы. Шум внизу стихал, подтянувшиеся полицейские выводили людей из здания. Некоторое время спустя топот множества ног возвестил о прибытии саперной группы, и Мамонтов с облегчением выбрался из-под стола. Госпожа Эштон по-прежнему сидела в кресле, над ее коленом колдовал один из близнецов. Аркадий поднялся на ноги и коротко поклонился.

— Мамонтов, Аркадий Евгеньевич. Глава русской миссии. Благодарю вас за помощь, госпожа?..

— Мария Сазонова, — усмехнулась женщина. — Будьте так любезны, господин Мамонтов, распорядитесь, чтобы мои... хм... шпильки и ножны от них собрали, отмыли и вернули мне. Не хотелось бы потерять их в этой суматохе. Подарок, как-никак.

* * *

В «конфиденциальном уголке» было уютно и так тихо, что при желании можно было услышать, что дыхание двоих присутствующих в комнате людей продолжает оставаться спокойным и размеренным.

— Вы совсем меня не боитесь? — прервал затянувшееся молчание Эрик.

— А следует? — едва заметно улыбнулась Мэри, кивая своему визави на открытую бутылку.

— А вы как думаете? — Эрик изо всех сил попытался придать себе вид зловещий и

целестремленный, но не выдержал и расхохотался.

— Я думаю, — теперь девушка улыбалась уже в открытую, — нам с вами следует выпить за то, что наша вторая встреча все-таки состоялась. Я рада этому, Эрик, действительно рада. А вы?

Вместо ответа ван Хофф коснулся ее бокала своим, отсалютовал им и пригубил шампанское. Мэри последовала его примеру. Честно говоря, вина вообще и игристые в частности она не слишком жаловала. Но погреба дон Лимы были выше всяческих похвал, да и для играемой ею роли шампанское подходило больше, чем виски или коньяк. И уж конечно несравненно больше, чем пресловутый новоросский самогон.

— Итак, — начал Эрик, видя, что Мэри начинать разговор явно не собирается, — вы, похоже, и впрямь считаете, что я ничего не задолжал вам за тот маленький инцидент в «Золотом клевере».

— Зависит от точки зрения, — небрежно усмехнулась она. — Я спасла тогда вашу шкуру от продырявливания в области лба. Должны ли вы мне за это хоть что-то — решать вам, не мне.

— От продырявливания? — вскинул брови ван Хофф. — Да еще и в области лба? А вы, случаем, не преувеличиваете?

— Отнюдь. Полиция моей родины была изрядно зла на вас, и мне стоило немалого труда убедить командующего в том, что живой вы принесете нам больше пользы, чем мертвый. И даже после того, как Дядюшка Генри согласился с моими доводами, я не была уверена, что у какого-нибудь рьяного служаки не сдадут нервы, — она слегка пожала плечами. — Поверьте, Эрик, я выдержала весьма заметную стычку, прежде чем удалось настоять на включении меня в группу захвата. Однако только так я могла гарантировать, что вы останетесь в живых до того момента, пока страсти хоть немного улягутся.

— Вот оно что, — задумчиво протянул ее собеседник. — Этого я не знал. Благодарю вас, мисс...

— Робинсон, — решительно вставила Мэри. — Аманда Робинсон — вполне подходящее имя на данный момент.

К этому времени тягучий алабамский акцент бесследно исчез из ее речи, в манере говорить проявилась едва заметная певучесть кельтика. Ван Хофф кивнул.

— Как вам будет угодно. А могу я полюбопытствовать, Аманда, чем руководствовались вы сами, когда настаивали на сохранении мне жизни? Мне почему-то кажется, что тогда вы не могли опираться только на соображения выгоды.

— Вы правы, — улыбнулась она. — У меня были — и остались — основания полагать, что мы с вами похожи. Не во всем конечно, но как минимум в способе восприятия окружающей действительности. Вокруг меня и сейчас очень мало таких, как я. Тогда же... разве что покойный Келли, упокой, Господи, его душу, да и то...

Мэри повертела в руках бокал и неожиданно для себя самой выпила его залпом. Эрик последовал ее примеру, и на некоторое время за столом воцарилось молчание. Однако было оно недолгим. Закончив ошипывать губами гроздь винограда, Мэри откинулась на спинку кресла и иронически усмехнулась.

— А скажите-ка мне, Эрик, вот что. За каким чертом вы ввязались тогда в эту историю с поставкой вооружений работаргвцам и контрабандистам? И чего ради вы решили лично присутствовать на планете? Это удивило меня тогда и удивляет до сих пор. По моим прикидкам столь откровенное пренебрежение законом и опасностью вам совершенно несвойственно. Обходить — да. Уклоняться — естественно. Обезжать на кривой кобыле — сколько угодно. Но открыто игнорировать? Не ваш стиль. Не просветите меня?

— Что ж... дело прошлое. У меня есть племянник. Точнее, у меня их уйма, но именно этот какой-то уж совсем шалопай. В памятную нам обоим аферу влип именно он. Не справился, конечно. Ну а потом... честь семьи и все такое... вы понимаете. Присутствие посредника в конечном пункте доставки оговаривалось контрактом, который этот балбес столь неосмотрительно заключил от имени семьи ван Хофф. Вот мне и пришлось торчать в

этом, уж вы меня простите, захолустье. Торчать до тех пор, пока некая шустрая девица не приставила мне к затылку пистолет и не заявила права на мою шляпу.

Мэри ухмыльнулась. Шляпа, которую она тогда водрузила на собственную голову вместо того, чтобы вернуть законному владельцу, осталась погребенной под развалинами дома Генри Моргана. Однако «Аманда Робинсон» об этом не особенно сожалела: символу победы не обязательно иметь материальное воплощение.

— Вы позволите мне, в свою очередь-, задать вам вопрос? — продолжил между тем Эрик.

Она кивнула.

— Зачем вы прилетели в Пространство Лордан? Только не говорите мне, что явились сюда почтить память Келли О'Брайена, я не дон Лима, чтобы попасться на такую удочку.

— А почему бы, собственно, и нет? — Мэри выразительно похлопала ресницами широко раскрытых невинных глаз. — Вдруг я сентиментальна?

— Вы?! — на лице ван Хоффа было написан неприкрытый сарказм. — Вы... сентиментальны? Боже, что за дикая чушь! Не морочьте мне голову, Аманда. Нет, разумеется, если вам нравится позиционировать себя как особу чувствительную и склонную к мелодраме — воля ваша. Но в этом случае у нас не получится серьезного разговора, а вам, как мне кажется, нужен сейчас именно он.

Мэри выпрямилась в кресле, взгляд стал почти неприятно острым. Брови сошлись у переносицы, обозначив жесткую морщинку, похожую на застарелый шрам.

— Вы правы, Эрик. Серьезный разговор, да. Что ж, начнем, пожалуй. И начнем с того, что у нас вами в данный момент один наниматель — тот самый, которого я вам обеспечила семнадцать лет назад в качестве альтернативы расстрелу на месте.

Эрик нахмурился и медленно кивнул. Почему-то он совсем не был удивлен. Чего-нибудь в этом роде он и ожидал с того момента, как увидел свою давнишнюю противницу на ступенях казино.

— Этот наниматель... обеспокоен.

— Причина беспокойства? — коротко осведомился ван Хофф.

Мэри открыла ридикюль и протянула собеседнику идентификационную карточку.

— Это — молекулярная копия, разумеется. Оригинал находится там, где ему и положено находиться после того, как владелец документов наделал глупостей. Последние пару недель или чуть больше мои временные коллеги копают во всех возможных направлениях. Вас не привлекали?

— Нет.

Мэри ненадолго задумалась, барабанила пальцами по столу. Эрик бесшумно поднялся на ноги, налил ей еще шампанского и придвинул поближе блюдо с фруктами. Она благодарно покивала.

— Что ж, вполне объяснимо. Настолько вам не доверяют и правильно делают.

— А почему мне доверяете вы? — казалось, ван Хофф искренне заинтересован в ответе.

— Потому, что мне вы должны чуть-чуть больше, чем нанимателю. А поскольку для вас слово «честь» не пустой звук... кроме того, в здешних реалиях вы разбираетесь лучше моего. Разумеется, не встретить я вас, я бы начала действовать самостоятельно, но зачем же рисковать попусту? Дело серьезное. Помогите мне, Эрик. Я довольно самонадеянно взяла на себя некоторые обязательства и теперь должна их выполнить, иначе пустым звуком станет моя честь.

— Понимаю... — пробормотал Эрик. — В чем, собственно, проблема?

— Проблема в том, что это, — она кивнула на карточку, которую ее собеседник вертел в руках, — как мне кажется, было изготовлено в Пространстве Лордан. Мне нужно, во-первых, удостовериться в этом. Во-вторых, попытаться выяснить, кто оплатил заказ. А самое главное состоит в том, что я уверена: комплект документов был не один. И если это так, мне необходимо выяснить, какие имена были проставлены в остальных. Наниматель не одобряет

терроризм как таковой. И вдвойне недоволен попытками давления на высокопоставленных чиновников.

— И я его понимаю, — тон Эрика был легкомысленным, но глаза смотрели внимательно и настороженно. — А почему вы думаете, что документы сделаны здесь?

— Качество, Эрик, качество. По конкретно этому идентификатору человек прожил в Метрополии около двух лет, — Мэри выразительно прищурилась. Ван Хофф кивнул в знак того, что обратил внимание на выделенный ею нюанс. — И понадобилась проверка на самом высоком уровне — проверка уже после того, как некие события произошли — чтобы стало очевидно, что это подделка. Пончартрейн тоже подходит, но там не так надежно охраняют интересы клиента, а соображения секретности должны были играть не самую последнюю роль.

— Многого же вы хотите... — задумчиво проговорил ван Хофф, снова вставая и начиная ходить по комнате.

— Я всегда многого хочу, — надменно скривила губы девушка. — Сложность состоит в том, что сейчас я должна много получить. Так у вас есть какие-либо соображения?

— Подделками такого уровня занимается клан Гаррис. У меня имеются выходы на них, но есть одна загвоздка. Даже две.

— Конкретнее? — Мэри тоже встала, слегка потянувшись, подумала и присела на стол. С точки зрения Эрика, картина стоила того, чтобы пожалеть о невозможности вести запись в этом помещении. Одни только скрещенные в щиколотках ножки... что-то его не туда понесло.

— Деньги и повод. Информация стоит дорого, но даже для того, чтобы что-то предложить, надо иметь причину, по которой к клану Гаррис вообще обратились. Они там все малость параноики, что, впрочем, неудивительно.

— Деньги — не проблема. Что касается повода... мне нужны документы, Эрик. Хорошие, надежные документы для меня самой, моей яхты и моих людей. Вы — мой посредник. Как вам повод, подойдет?

— Подойдет. Я наведу справки, Аманда. Обещать ничего не могу, но справки наведу. В любом случае документы для вас будут изготовлены, не сомневайтесь.

Неделю спустя Мэри уже вовсе не была уверена в том, что игра в казино интереснее военной службы. Она хорошо оплачивалась, что правда — то правда, но в остальном... Хотя, возможно, дело было в отсутствии рядом Келли с его неиссякаемыми остротами и все больше затягивающемся ожидании. Ни разу она не задерживалась на Лордане дольше трех суток и, видимо, это и был тот предел, за который человеку с ее складом характера заходить не стоило.

Эрика за эту неделю она видела раза два, да и то мельком. Судя по всему, он предпочитал не афишировать их давнее знакомство. Уединение в «конфиденциальном уголке» вполне можно было списать для посторонних глаз на желание отпраздновать с интересной женщиной банк, сорванный его руками на ее деньги. Теперь же Эрик явно ее избегал, играя роль исполнительного посредника и не более того. Да и она не стремилась к открытому общению, тем более что желающих развлечь одинокую — и удачливую! — даму находилось предостаточно. Впрочем, формальное приглашение от одного из представителей клана Гаррис было получено Мэри уже на третий день ее пребывания в Пространстве Лордан.

Встреча произошла в одном из принадлежащих клану многочисленных конференц-залов: помимо изготовления документов любой сложности, Гаррис славились как организаторы переговоров. Мужчина, не назвавший своего имени, коротко осведомился о том, какие документы необходимы досточтимой госпоже. Пять человек и яхта? Ничего сложного. Какое гражданство предпочитает мисс... как вам будет угодно, хотя, будем откровенны, ваши идентификаторы по меркам нашей организации не выдерживают никакой критики. Нет-нет, что вы, это совершенно не наше дело. Хм, не вполне разумное решение,

мисс. Я бы предложил Форпост. Вот именно потому, что в результате планетарной катастрофы местные архивы недоступны, а беженцы разлетелись по всей Галактике. Нет-нет, порт приписки не вызовет никаких вопросов, помилуйте, мы не первый год в этом бизнесе. А вот это сложнее. Вы уверены в том, что готовы заплатить за именно такое решение проблемы? Я не сомневаюсь в вашей порядочности, но хотелось бы взглянуть на состояние вашего счета... извините, мисс. Я вынужден быть осторожным. Еще раз извините. Разумеется. Конечно. Все необходимое будет доставлено... куда, вы сказали? Очень хорошо. Позвольте пожелать вам удачи. Ни в коем случае, все включено в стоимость контракта. В самое ближайшее время, будьте уверены.

И действительно, уже на следующий день курьер в форменной куртке службы доставки клана Гаррис принес большую коробку. Мэри мельком взглянула на содержимое, кивнула и провела карточкой сначала по терминалу оплаты заказа, потом по терминалу оплаты чаевых. Выпроводив курьера, приятно удивленного суммой, проведенной через второй терминал, она вызвала из соседнего номера одного из близнецов (второй всегда находился рядом и это ее изрядно достало). Вручив парням коробку, она велела им доставить груз на борт «Дж...» а, черт, «Фортуны», и принялась составлять планы на очередной вечер. Хотя какие там планы... опять игра, опять шоу, опять варьирующиеся от робких до наглых попытки мужчин навязать хорошенькой «вдове» свое общество... Господи, как же скучно! Почему она раньше не замечала, что в Пространстве Лордан совершенно нечем заняться? Постарела она, что ли? Да, конечно, связи и знакомства — штука хорошая, и вообще она сюда не развлекаться прилетела, но... Вот именно, но. И хуже всего то, что скука в сочетании с нетерпением могут привести к не самым лучшим — в силу полной непредсказуемости — результатам.

Наконец наступил момент, когда Мэри поняла, что еще немного — и она наделает глупостей просто для того, чтобы делать хоть что-то. К счастью, именно в этот день в дверь ее номера позвонили. Когда Джон открыл, выяснилось, что в коридоре стоит мальчишка-посыльный с корзиной каких-то экзотических цветов, к одному из которых золотой тесьмой прикреплен небольшой футляр для украшений. Запертый футляр. Инкрустация на крышке явно была приемником, но сигнал еще не поступил. Недоумевала она, впрочем, недолго. Прикинув, что во всем Пространстве Лордан имеется только один человек, который может выкинуть в отношении нее такой фокус, Мэри решительно набрала код на коммуникаторе. Эрик отозвался немедленно, как будто ждал вызова. Да, впрочем, так оно, скорее всего, и было.

— Вам понравился мой подарок, дорогая? — слегка насмешливо поинтересовался он.

— Не вполне. Что следует сделать для того, чтобы он мне вполне понравился? — Мэри сознательно подпустила в голос ехидства.

В ответ на дисплее коммуникатора высветился номер счета и сумма. Она пожала плечами, отдала команду на перевод средств и услышала, как в клипсе довольно хмыкнул ван Хофф.

— Теперь вы можете открыть, Аманда. Я совершенно уверен, что посланный мною камень займет достойное место в вашей коллекции украшений. Сожалею, что не смог пока найти для него пару, однако по-настоящему редкие драгоценности не всегда можно заполучить сразу. Я дам вам знать, когда в мои руки попадет подходящий экземпляр, — и связь прервалась.

Мэри открыла футляр. Внутри оказался мешочек из тончайшего шелка, из которого на ее ладонь выпал перстень — почти точная копия того, которым она оцарапала Эрика тогда, семнадцать лет назад. Вот только металл перстня был платиной, а камень... Камень был веганским рубином под стать тем, в которых она щеголяла всю эту бесконечно долгую неделю. В черной, как грех, глубине его сияла шестилучевая багрово-красная звезда. Дорогая вещь. Очень дорогая. И совершенно ей ненужная. Что это взбрело в голову ван Хоффу? Вроде бы она ясно дала понять, что у нее нет ни времени, ни настроения наслаждаться даже самым хорошим розыгрышем... стоп.

Мешочек. Прозрачный кристалл на стягивающем его шнурке. А ну-ка... Сукин сын!

Да, он прав, этому камню необходима пара, но пока хватит и этого. И кстати... перечисленная ею сумма вполне соответствовала представлениям Мэри о цене информации, заложенной в кристалл. Что же это получается, кольцо — просто бонус? Ну, Эрик! Так, все. Эмоции побоку. Кольцо в мешочек, мешочек в футляр, футляр — в корабельный сейф. Надо сматываться отсюда. Только не сегодня. И, пожалуй, не завтра — не хватало еще, чтобы кто-то провел параллель между доставкой «подарочка» и ее спешным отлетом. Ну да ничего, вот теперь можно повеселиться без помех.

«Фортуна» вынырнула из подпространства неподалеку от Пончартрейна только затем, чтобы отметить на сканерах слежения и, сменив вектор, снова уйти в прыжок. В системе Гете очутился уже «Джокер», и Мэри первым делом вызвала по закрытому каналу отцовского крестного. Ираклий Давидович, судя по всему, испытывал в данный момент чувства весьма противоречивые. С одной стороны, он был рад ее видеть. С другой — изрядно понервничал из-за продолжительного молчания Мэри. С третьей же — прекрасно понимал, что связаться с ним с Лордана пусть даже в режиме полной конфиденциальности она не могла ни при каких обстоятельствах. И теперь Мэри с огромным удовольствием наблюдала, как меняется выражение лица князя Цинцадзе от радостного к недовольному и от недовольного к внимательному и сосредоточенному.

— Как успехи, дорогая? — поинтересовался Ираклий Давидович нарочито невозмутимо. — Тебе есть что сообщить?

— Вы готовы принять информационный пакет? — столь же бесстрастно спросила Мэри, лежавшая в данный момент в ложементе первого пилота. Управление яхтой в этом уголке Пространства не представляло никаких сложностей, поскольку система Гете не имела астероидного пояса и оживленным транспортным узлом также не была. Поэтому все, что требовалось от пилота — и даже не обязательно первого, — загрузить в автопилот точку посадки на планете или стыковки на орбитальной станции. После этого можно было делать все, что заблагорассудится — хоть чечетку отплясывать, хоть переговариваться со вторым по могуществу лицом Российской империи.

— К приему информации я готов по определению, Маша, должность у меня такая, — усмехнулся глава Службы безопасности.

— Тогда ловите, — Мэри едва заметно прищурилась и коснулась кончиком пальца сенсора отправки сообщения. Копия сведений, записанных на переданном ей ван Хоффом кристалле, отправилась в короткое путешествие, завершившееся в терминале князя Цинцадзе, и на некоторое время собеседники погрузились в молчание, прерывавшееся время от времени хмыканьем Ираклия Давидовича. Наконец он поднял голову и снова уставился на Мэри пронзительно-черными глазами.

— Семнадцать, — констатировал князь.

— Верно. И восемнадцатый уже у нас. Данных по заказчикам пока нет, но Эрик обещал постараться найти.

— Ты что же, ван Хоффа припахать решила? — Ираклий Давидович вскинул густые, почти сходящиеся у переносицы брови. — Это рискованно, Маша.

Ты уверена, что он тебя не дурит? С этим типом надо держать ухо востро...

— А он хоть раз вас подвел? — небрежно осведомилась Мэри, не меняя расслабленной позы.

— Меня — нет, но что касается тебя... не боишься, что он решит сыграть с тобой шуточку в отместку за то, что ты его арестовала?

Мэри слегка повела плечами, как будто собиралась пожать ими, но потом раздумала.

— У Эрика ван Хоффа хватает недостатков, но в отсутствии ума он не был замечен ни разу. Как и в ярко выраженных суицидальных наклонностях. Я поставила его в известность о том, что наниматель у нас с ним один и тот же. Кроме того, никто не мешает проверить полученные данные прежде, чем действовать.

— Верно. Не будем торопиться, поглядим, что да как, — Ираклий Давидович всегда

отличался изрядной практичностью, предпочитая решать проблемы по мере их поступления. — Ты сейчас где?

— В системе Гете. Мне надо заскочить на орбитальную станцию, забрать посылку. После этого сразу домой. Кстати, о посылках. Я кое-что приобрела, используя казенные средства. Подарок для вас. И его надо пронести в обход таможи.

Цинцадзе нетерпеливо отмахнулся. Удивлен он не был, разве что заинтригован.

— Не забивай себе голову ерундой. Я pošлю человека встретить вас прямо на поле. Тяжелый подарок?

— Не слишком.

— И что же там?

— Увидите, — лукаво улыбнулась Мэри. — Думаю, вам понравится.

Причин, по которым Мэри решила побывать на одной из трех орбитальных станций планеты Гамбург, было несколько. Во-первых, ей необходимо было прийти в себя после Лордана. Нехорошо получится, если по прилете на Кремль из нее будут вылезать замашки Аманды Робинсон. Все-таки почти десять суток в этом бардаке... накладывают. Во-вторых, время, требующееся для разгона-торможения-разгона, весьма пригодится для того, чтобы окончательно уяснить собственное финансовое положение. Надо бы связаться с бельтайнским нотариусом, составившим завещание Келли, пробежаться по котировкам акций, прикинуть, какие вложения следует оставить, а от каких избавиться в пользу помещения капитала в надежные банки. Ну и наконец, в-третьих (по порядку, а не по значению), следовало приобрести еще один комплект гравикомпенсаторной брони — именно об этой посылке и шла речь.

Это пришло ей в голову почти сразу же после того, как «драгоценность» ван Хоффа была получена и оценена по достоинству. Если Эрик намеревается продолжать копать дальше — а он достаточно ясно дал это понять, — не исключено, что в результате его придется вытаскивать с Лордана или откуда-то еще со всей возможной скоростью. Что означает, в частности, отключение системы общей гравикомпенсации. Ну а при тех действиях, которые она будет производить во время реализации маневра, известного как «делаем ноги», человек без брони просто не выживет. Что, с точки зрения Мэри, было бы не самой лучшей платой за услугу. Одно дело — просто и без затей пристрелить индивидуума, который этого заслуживает, и совсем другое — потерять пассажира из-за неправильно организованной транспортировки. Так что пока она общалась с князем Цинцадзе, Рори отослал фирме-поставщику заказ на броню-универсал, подгонявшуюся по размеру на месте. Конечно, универсалы стоили дорого, но уж никак не дороже платинового перстня с веганским рубином, а пользы от них, по мнению Мэри Александры Гамильтон, было существенно больше.

Убедившись в том, что все идет своим чередом, Мэри занялась финансами. И почти сразу же поняла, что ее квалификации хватает только для того, чтобы прикинуть конечную сумму. Сумма получалась такой, что ей стало не по себе. Ай да Келли! Сорок миллионов фунтов — это ж по текущему курсу под двадцать миллионов целковых. Да еще яхта. Да еще выигрыши на Лордане. И как прикажете со всем этим управляться? Впрочем, одна идея у нее была. Даже две. Первая состояла в том, что к операциям такого масштаба следует привлечь специалиста. И один такой у нее на примете был. Интересно, дает ли Сергей Ремизов частные консультации? Что же до второй возникшей в ее голове идеи, то часть денег — вероятно, половину — следовало вложить в экономику Бельтайна, сильно пострадавшую в результате налета Саммерса и отчаянно нуждавшуюся в свободных средствах. Предложить, что ли, Лорене выпустить государственные облигации? Бог с ним, с доходом. Есть вещи, которые делать надо не потому, что это принесет какую-то выгоду, а просто для того, чтобы не было стыдно смотреть на себя в зеркало по утрам.

Вышедший в реальное пространство «Джокер» прошел мимо двух крепостей, охранявших зону перехода, и устремился к Кремлю. Сообщения деду с бабушками и чете Дороховых были посланы еще из системы Гете, теперь же Мэри могла более точно

определиться со временем прибытия. Николая Петровича она сразу предупредила о том, что немедленно по возвращении ей придется сделать доклад князю Цинцадзе, поэтому сегодня она, скорее всего, заехать в дом деда не сможет. Завтра — безусловно, но сегодня... дедушка, ты же знаешь Ираклия Давидовича. В ответ адмирал Сазонов только рассмеялся: своего старого друга он действительно хорошо знал и с оценкой, данной Мэри ее перспективам отдохнуть, был полностью согласен.

Ответивший на вызов Иван Кузьмич степенно заверил хозяйку, что дом вполне готов для проживания, а обед будет подан в любое удобное Марии Александровне время. Помилуйте, какие еще такси? Он арендовал прекрасную, вместительную машину, в которой хватит места для пятерых пассажиров. Разумеется, он встретит их в порту и доставит по назначению, а для чего ж его нанимали? Конечно, непредвиденные задержки при посадке случаются, но госпожа майор не должна думать, будто старший прапорщик Дорохов не умеет ждать. Десант — штука такая... Ах, ей доводилось прикрывать высадку десанта на планету? Ну так тем более! Прибудете чуть позже? Как вам будет угодно, но ведь он никогда не видел других жильцов... Господин О'Нил? Очень приятно. Премьер-лейтенант, вот как! Отлично. Не извольте беспокоиться, препроводим в лучшем виде.

Отключив связь, Мэри с улыбкой покачала головой: похоже, она не ошиблась при найме обслуживающего персонала. Конечно, ее будут опекать, это, видимо, у здешних уроженцев соответствующего возраста получается само собой. Но этот крепкий еще дядька, похоже, склонен уважать ее боевой опыт, а, стало быть, уж очень трястись над ней не станет. Ладно, это все потом. Сейчас надо бы и впрямь заняться составлением доклада. Насколько же проще было в армии!

Когда Мэри появилась на верхней ступеньке трапа приземлившегося «Джокера», выяснилось, что с нижней ей улыбается Василий Зарецкий, за спиной которого маячит неприметная машина. Несколько в стороне стоял стандартный космодромный кар, готовый доставить пассажиров яхты в видневшийся километрах в пяти комплекс космопорта. Водитель флегматично курил, прислонившись к борту кара, и демонстративно не обращая внимания на полковника Службы безопасности и двух крепких парней в штатском, держащихся чуть поодаль. Важная птица, видать, прилетела, раз уж целый полковник встречает. А важные птицы излишнего любопытства ох как не любят. Так что наше дело телячье: небом любоваться да ждать, пока прикажут везти.

Мэри легко сбежала по трапу, с насмешливой улыбкой позволила свояку приложиться к ручке и коротко мотнула головой. Ждавшие сигнала близнецы спустились, неся не слишком большой, приобретенный еще в Пространстве Лордан сейф, который и передали подошедшим поближе подчиненным Зарецкого. Проводив взглядом рассевшуюся в каре и укатившую в сторону космопорта команду, Мэри отправила кораблю приказ перейти в спящий режим, убедилась, что сейф благополучно погружен в багажный отсек и уселась в машину. Зарецкий пристроился рядом и отдал водителю приказ взлетать. В дороге они с Василием обменялись лишь несколькими ничего не значащими фразами, после чего Мэри, сославшись на необходимость сосредоточиться перед докладом, отвернулась к окну. Окрестности Новограда не слишком изменились за время ее отсутствия, разве что густая зелень лесопарков, окружающих город широким кольцом, стала еще более насыщенной. Или просто показалось? Нет, что-то определенно есть в жизни на тверди такое, что радует глаз, привыкший к черной пустоте Пространства, прошитой холодным светом звезд.

В кабинете князя Цинцадзе ей пока еще бывать не доводилось. Он оказался сравнительно небольшим. Впрочем, дверь в глубине вполне могла вести в зал для совещаний, а кабинет он и есть кабинет: место, где должно хорошо думать. В присутствии избранных или без него.

Ираклий Давидович поднялся Мэри навстречу. Вошедшие вслед за ней молодые люди водрузили на массивный стол доставленный ею из Пространства Лордан сейф и тут же удалились. Отклонялся и Зарецкий. К удовольствию Мэри, князь ограничился рукопожатием

и сразу же перешел к делу.

— Носитель! — коротко бросил он, протягивая правую руку ладонью вверх. Девушка расстегнула клапан нагрудного кармана и уронила в подставленную ладонь шелковый мешочек с кристаллом на шнурке. Жестом предложив ей присесть, Цинцадзе вставил кристалл в один из установленных на столе терминалов, мельком просмотрел содержимое и удовлетворенно кивнул.

— Молодец. Молодец, Маша. Ты извини, если показалось, что я не доверяю тебе, просто вопрос уж больно серьезный.

— Все в порядке, Ираклий Давидович, — спокойно ответила она. — Я прекрасно вас понимаю. Могу я задать вопрос?

— По поводу проверки этих гавриков? — насмешливо прищурился князь. — Можешь. И даже ответ можешь услышать. Цени.

— Ценю. Итак?

— Я ж говорю — молодец. Хорошая работа. Все подтверждается. Пока ничего не предпринимаем, только наблюдаем. Хотя с одним деятелем, вероятно, придется и поторопиться, — Ираклий Давидович скривился, как язвенник при виде лимона. — Не поверишь, но Валентин Гриневиц работает не где-нибудь, а на дворцовой кухне. Так, подай-принеси, но сам факт! Куда, спрашивается, смотрит кадровая служба? Расслабились, расслабились...

Мэри примирительно подняла ладонь.

— Дело, конечно, скверное, но согласитесь — уровень подготовки впечатляет.

— Да уж... ладно, давай рассказывай, — он кивнул на коробку сигар, уселся напротив девушки и приготовился слушать.

Надо отдать ему должное, слушать глава Службы безопасности умел. Он словно полностью растворялся в собеседнике, давал ему понять, что здесь и сейчас ничего более важного, чем разговор, для князя Цинцадзе не существует. Опасное качество. Так и подмывает сказать что-нибудь лишнее. Не то чтобы у Мэри были какие-то тайны, но ей стоило немалого труда придержать информацию о содержимом сейфа до конца беседы. Тем более что Ираклий Давидович явно заметил ее маневры, и у них началась своеобразная игра — кто кого перехитрит. Некоторое время выигрывала Мэри, но долго так продолжаться не могло. В конце концов, парой умело заданных безобидных вопросов отцовский крестный загнал ее в угол так ловко, что ей ничего не оставалось, как рассмеяться и подняться на ноги.

— Что ж, а теперь — о подарках, — она набрала мудреный код, прижала ладонь к ДНК-идентификатору, и замок щелкнул, открываясь. Мэри ловко вытащила полученную от клана Гаррис коробку и, снова усевшись в кресло, с улыбкой кивнула наблюдавшему за ее манипуляциями князю:

— Вы первый.

Ираклий Давидович покосился на нее, несколько преувеличенно вздохнул и поднял крышку. Выражение его лица изменилось так стремительно, что не ожидай Мэри этого, она, пожалуй, могла бы и испугаться.

— Что это, Маша? — процедил он сквозь зубы.

— А на что это похоже? — приподняла она бровь. Реакция Цинцадзе показалась ей несколько странной.

— На кард-рекордер. Да это он и есть, вот только... где ты его взяла?

— Купила. Это один из тех, которые предприимчивые люди вывезли с Форпоста уже после катастрофы. Официальный рекордер, прошу заметить. Числится погибшим. Вполне исправен — я проверила, — услышав фразу о проверке, князь вскинулся было, но промолчал. Мэри усмехнулась и продолжила:

— Обошелся сравнительно недорого, это ж совершенно бесполезная вещь, если его активно не использовать. А в известной Вселенной найдется не так уж много мест, где им можно пользоваться, не рискуя душевой беседой с галактическими приставами. Вам ли не знать, что закон предлагает на выбор частному лицу, пойманному с такой штукой: пятьдесят

лет рудников либо смертная казнь. Моим... хм... контрагентам он не слишком нужен, у них еще есть. А нам пригодится. Идентификаторы у него стерты, отследить происхождение карт невозможно. Любое имя наше, как и любое гражданство, он же официальный, это даже подделкой не будет. Выданный документ в момент первого использования встроится в базу данных соответствующего государства — и все. Проверка, как вы могли убедиться на примере наших подопечных — дело долгое и многотрудное, если конкретно не знать, что именно ищешь. Так что — сами понимаете. Нельзя было шанс упускать.

— Да я-то понимаю, сам бы не удержался, но... Ох, Маша, ну зачем ты так рисковала? Ведь действительно, поймай тебя кто...

— Ну, так это ж надо было сначала поймать, — бесшабашная улыбка вдруг сделала ее до того похожей на покойного отца, что Цинцадзе даже задохнулся на мгновение. — Я эту красоту на корабль переправила меньше чем за час. А уж на «Джокере» — систему охраны в режим паранойи, и привет горячий. Кроме того, кто бы это в секторе А-пять. интересно, взялся задерживать и обыскивать личную гостью самого дона Лимы? Или ее людей? Не смешно, право слово.

— Хорошо, там — допустим, — Ираклий Давидович уже остывал. — А потом?

— Суп с котом! — фыркнула действительно утомившаяся за день Мэри, демонстрируя хорошее знание русского языка. — «Фортуна» отметилась у Пончартрейна, даже не выходя из зоны перехода, а в системе Гете был уже снова «Джокер». Кому и зачем нужна Мария Сазонова?

— Это, дорогая моя, спорное утверждение, но я не в настроении сейчас тебе что-то доказывать. Ты финансовый отчет подготовила, как грозилась?

Мэри с улыбкой протянула своему визави еще один кристалл и сделала вид, что ногти на левой руке интересуют ее куда больше, чем скептическое выражение лица Цинцадзе.

— Так... угу... ясно... Маша, твой отчет неполон, и я его не принимаю. Покупка рекордера — вижу. Плата ван Хоффу — вижу. Отели, рестораны, одежда и документы для братьев Рафферти — понятно. А остальное? Где счета за твои наряды? Где счета за драгоценности?

— С вашего позволения, Ираклий Давидович! — Мэри выпрямилась в кресле. Сейчас ее осанка вполне подошла бы и для плаца. — Мне нравится мысль считать эти наряды и украшения своими. Поэтому счетов за них вы не увидите. Это мои приобретения. Только мои, даже если здесь, на Кремле, их некому и негде будет демонстрировать.

— Ну почему же негде... хорошо, дело твое. Так и быть, отчет я беру как есть, но на будущее учти: не хочешь, чтобы я задавал вопросы — не светись, — с этими словами он быстро набрал на терминале код и развернул дисплей к Мэри. Несмотря на довольно странный ракурс, голосник следовало признать как минимум интересным, и она довольно улыбнулась.

— А знаете, Ираклий Давидович... правду сказать, я прекрасно провела там время. Если бы еще удалось уладить дела побыстрее...

— Не умеешь развлекаться подолгу?

— Не умею подолгу делать вид, что развлекаюсь, — Мэри встала и слегка поклонилась.

— Разрешите идти?

— Брысь.

Она выскользнула за дверь, а Цинцадзе еще долго смотрел то на коробку с рекордером, то на выведенный на дисплей снимок. Впервые затея с приглашением Мэри Гамильтон на Кремль показалась ему не слишком удачной.

Глава 4

В городе была не то чтобы паника, но что-то неприятно близкое к ней. Согласно заключенному между Российской империей и Рах Мехисана столетия назад договору армии

на Кортесе не было. Правда орбитальная крепость «Конкистадор», несущая помимо тяжелого вооружения две с половиной сотни единиц москитного флота могла в случае необходимости как отбомбиться по поверхности, так и удержать вероятного противника на некотором расстоянии до подхода помощи из метрополий. Но именно армия как таковая на планете отсутствовала. Поддержание порядка осуществлялось полицейскими силами, и до недавнего времени этих сил хватало с лихвой. Теперь же... Теперь со всех уличных экранов вещал Энрике Маркес и гнал, с точки зрения Мэри, такую пургу, что хоть уши затыкай. Впрочем, сейчас, в направлявшейся в русскую миссию машине, она была избавлена от звукового сопровождения. Вот только от вида бардака на улицах отрешиться было почти невозможно. Почти — потому что ее спутники делали все от них зависящее для того, чтобы она не отвлекалась от беседы.

Собственно, в салоне они сидели втроем, близнецы разместились в одной из спешно вызванных машин эскорта. Мамонтов и Мэри расположились на обширном диване, причем перевязанную Джоном ногу она положила на одно из откидных сидений. На втором примостился сейчас Михаил Филатов, даже и не думающий скрывать, что наслаждается зрелищем длинных босых ног и кое-как подтянутого лифа платья. Впрочем, наслаждался он без отрыва от основной деятельности, каковая заключалась в проверке персональных данных Мэри. Идентификационная карточка упорно твердила, что ее владелицей является баронесса Маргарет Фелиция Эштон, уроженка Форпоста, и Филатов, проводящий проверку примерно восьмым способом, уже начинал нервничать. Наконец девушка, понимающая, что времени для веселья у нее не так уж и много, сжалась над Михаилом и скороговоркой произнесла несколько кодовых групп. Должно быть, результат наконец удовлетворил помощника Мамонтова, потому что он облегченно вздохнул, усмехнулся и поднял глаза на шефа:

— Готово, Аркадий Евгеньевич.

— Совпадает?

— Совпадает. Графиня Сазонова, Мария Александровна. Она же Мэри Александра Гамильтон. Отец — граф Александр Николаевич Сазонов. Мать — Алтея Элизабет Гамильтон. Уроженка планеты Бельтайн системы Тариссы. Подданство — Российская империя. Официальное место жительства в настоящее время — Кремль. Тридцать три стандартных года, не замужем, детей нет. Майор В КС Бельтайна в отставке. Второй лейтенант планетарной полиции Бельтайна в отставке. Действительный член Малого его императорского высочества Совета. Государственные награды Российской империи отсутствуют. Что же касается Свободных планет — кавалер почти всего, чем они могут наградить флотского офицера-наемника. В Небесной империи известна как «Госпожа, сохраняющая преемственность».

Мамонтов повернулся к Мэри, которая, положив на сиденье свои «шпильки», возилась с волосами. Секунда, другая... несколько энергичных слов на кельтике... роскошные рыжие локоны неаккуратной копной упали поверх изящных стилетов. Под ними обнаружили коротко остриженные седые волосы.

Совсем коротко — маленькую овальную пластину тарисситового импланта они почти не скрывали. С видимым облегчением женщина потеряла лоб и едва заметно улыбнулась.

— Извините за то, что заставила вас потрудиться, Михаил, — слегка склонила голову она. — Мне хотелось проверить, насколько надежны те документы, с которыми я прилетела на Кортес.

— Вполне надежны, графиня. Только уже засвечены.

— Ну, это-то не проблема. Будем живы — выправлю себе новые.

— У вас что же, есть основания сомневаться в том, что все мы будем живы? — приподнял брови Мамонтов. Происходящее на проносящихся внизу улицах ему решительно не нравилось, но пессимизм графини Сазоновой его изрядно удивил.

— Не то чтобы основания... — задумчиво протянула девушка. Машина вильнула, меняя горизонт, и Мэри поморщилась, снова пристраивая на сиденье соскользнувшую ногу. Филатов сочувственно хмыкнул. — Просто у Маркеса явно не все дома, причем довольно

давно. По моему мнению, его следовало утопить в младенчестве. Или хотя бы пятнадцать лет назад, когда мы вместе учились на Картане. И ведь я почти сделала это, сбросив его с моста в канал, вот что обидно. Всего-то надо было — довести дело до конца, да вот не догадалась. А скольких проблем удалось бы избежать...

— Вы сбросили его в канал? — Мамонтов недоуменно рассмеялся. — А позвольте полюбопытствовать — за что?

— Сеньор Энрике заявил, что на меня неприятно смотреть, — фыркнула она.

Мужчины переглянулись, потом уставились на Мэри, и в один голос заключили: — Псих!

* * *

Дома ее ждала тишина. Мягкая, ни к чему не обязывающая тишина пространства, которое радо ее появлению. Дверь открыла Надежда Игнатьевна, сообщившая, что остальные жильцы прибыли, пообедали и отправились с ее мужем обследовать близлежащий спортивный комплекс. В голосе экономки слышалось тщательно скрываемое неодобрение: спорткомплекс? Непосредственно после обеда? Где это видано?! Уж своим бы отпрыскам она точно высказала все, что думает по поводу столь вопиющей несообразности. И можно было не сомневаться: если все они проживут под одной крышей достаточно долго, Мэри и ее экипаж всенепременно рано или поздно попадут в разряд «дети» со всеми вытекающими.

Вполуха слушая болтовню экономки, сообщавшей теперь о том, что случилось, пока хозяйка дома отсутствовала — ничего особенного, за исключением корзины цветов, присланной час назад, — Мэри поднялась на второй этаж в свою спальню. Эту комнату она выбрала потому, что из окна открывался прекрасный вид на имевшийся в саду маленький пруд с кувшинками. Правда, когда она видела его в последний раз, пруд представлял собой зрелище довольно плачевное. Теперь же стало ясно, что в отсутствие хозяйки Иван Кузьмич занимался садом в той же мере, что его жена — домом.

Улыбнувшись, Мэри открыла шкаф и ничуть не удивилась, обнаружив, что все ее пожитки прибыли из дома Сазоновых. Выбрав, во что переодеться, она прошла в примыкающую к спальне ванную и убедилась, что Надежда Игнатьевна приложила руку и тут. Все было на своих местах и ожидало владелицу. Каким образом экономка ухитрилась расставить и разложить все именно в том порядке, который предпочитала Мэри, так и осталось загадкой для последней, хотя... Вполне возможно, что здесь руководил Степан, с этого начинается.

Контрастный душ способен творить чудеса: когда полчаса спустя Мэри вошла в столовую, она не чувствовала никакой усталости. Экономка, должно быть, обладала либо даром предвидения, либо чрезвычайно тонким слухом — поднос с закусками очутился на столе одновременно с появлением девушки. Правда, скорость, с которой она ела, заставила Надежду Игнатьевну критически покачать головой. С другой стороны, пожилая дама была настолько польщена энтузиазмом молодой хозяйки, сметавшей с тарелок все принесенное ей, что сама не заметила, как предложила подать кофе в кабинет. Мэри этим немедленно воспользовалась — ей хотелось немного побыть одной.

В кабинете, несмотря на скромные размеры, было просторно. С тех пор, как человечество отказалось от печатных книг, отпала необходимость в шкафах и полках, занимавших когда-то так много места. А загромождать комнату с высоким потолком столом, парой кресел и диваном — это еще надо постараться. Усевшись за стол, Мэри с удовольствием окинула взглядом изящную цветочную композицию, стоящую на крохотной изящной подставке у дивана. Карточка отсутствовала, но по некоторым признакам (в частности, по тону экономки, которым та сообщила о цветах), можно было почти с полной уверенностью назвать отправителя. Кстати, а не он ли оставил вызов на коммуникаторе? Ну-ка, обратная связь...

Она не ошиблась. Первое, о чем спросил Мэри великий князь после обмена

приветствиями, было ее мнение по поводу присланных роз. Впрочем, разговор быстро стал деловым.

— Как прошла ваша поездка, Мария Александровна? — осведомился Константин, когда с отдающей дань приличиям частью беседы было покончено. — Мне доложили об успехе вашей миссии, но я решил, что гораздо интереснее будет услышать подробности от вас.

— Боюсь, Константин Георгиевич, что вас ввели в заблуждение, — слегка поморщилась Мэри. — Полностью успешной я свою вылазку на Лордан назвать не могу. К сожалению, дело оказалось сложнее, чем я предполагала. И все, что я могу предложить Службе безопасности — это почти полторы дюжины имен людей, получивших документы одновременно с нашим покойным подопечным.

— Однако и это немало. За пару недель вы в одиночку сделали больше, чем вся агентура в Пространстве Лордан за месяц.

Мэри покачала головой и еле заметно нахмурилась.

— Моя заслуга в данном случае невелика. У меня сохранились связи и знакомства еще с тех времен, когда я летала туда поразвлечься. Возможно, проблема имперских агентов состоит в том, что их инструктируют быть как можно более незаметными. А Лордан — не то место, где незаметный человек может добиться многого. Во всяком случае, в некоторых областях.

— Возможно, вы правы, — кивнул Константин. — Я подумаю над этим. Не исключено, что ваше предположение имеет смысл донести до князя Цинцадзе. Гм... Скажите, вы сильно устали?

— Если вы имеете в виду доклад Малому Совету, то боюсь, сегодня я на это не способна, — с извиняющейся улыбкой произнесла Мэри.

— А завтра? Скажем, в три пополудни?

— Завтра в три пополудни я буду во дворце.

— Отлично. В таком случае — до встречи.

Мэри встала из-за стола, потянулась и через стеклянную дверь прямо из кабинета вышла в сад. В этой его части тоже чувствовалась рука Ивана Кузьмича — трава была подстрижена, а по обеим сторонам дорожки высажены роскошные темные бархатцы. Услышав справа укоризненный женский голос, девушка свернула за угол дома, где и обнаружила экономку. Надежда Игнатьевна стояла, склонившись над газоном, и негромко выговаривала кому-то невидимому:

— Тебе сюда нельзя, понимаешь? Нельзя. Я буду тебя кормить, но сюда ты приходить не можешь, ясно тебе? Охохонюшки, ничего-то тебе не ясно... — она нагнулась еще ниже, но тут же, услышав за спиной шаги, выпрямилась и обернулась, что-то загоразивая расправленной длинной юбкой.

— Так-так-так, — сказала Мэри, приближаясь, — что это тут у нас?

Смущенная женщина посторонилась, и в траве обнаружилось остроухое существо, чья видимая часть состояла, казалось, исключительно из полосок и роскошных белых усов.

— Как интересно, — ласково пропела Мэри, присаживаясь на корточки и протягивая руку. — И как же нас зовут?

Котенок, точнее, кошачий подросток, решил, видимо, что с ним собираются играть. Он немедленно опрокинулся на спину, демонстрируя пушистое белое брюшко и розовые подушечки проворных лапок.

— Ну надо же, какие мы усатые... и полосатые... а какая у нас манишка, просто загляденье... оп! — Быстрые пальцы ухватили белый кончик правой передней лапки и тут же отпустили. Котенок пришел от такого развития событий в полный восторг и некоторое время увлеченно — и безуспешно — пытался поймать спящую руку. — И давно он здесь? — подняла Мэри голову, позволяя зверьку обхватить ее ладонь всеми четырьмя лапами. Впрочем, надо отдать ему должное, когти он не выпускал.

— Это не он, а она... — пробормотала Надежда Игнатьевна. — Стала приходить на второй день после того, как мы с Иваном Кузьмичом сюда перебрались. Правда, к дому раньше не приближалась, оставалась возле ограды.

— Ясно, — Мэри снова опустила голову, пощекотала кошечку под подбородком, и та довольно заурчала. — Но с именем следует все-таки определиться — надо же что-то занести в опознавательный чип, верно? — обратилась она к зверьку. — И потом, такой достойной особе совершенно необходима мисочка... да... и кресло, чтобы возлежать с приличествующим достоинством... и портьеры, чтобы лазать по ним... и визит к доктору... ну что, пошли?

Кошка как будто поняла, чего от нее хотят, ловко вскарабкалась по рукаву и уселась на плече, запустив для верности коготки в ткань легкой домашней куртки.

— Ай! А ну немедленно убери свои усы от моего уха! Ай! — Но пушистая мордочка продолжала тереться о щеку и шею Мэри. Та беспомощно оглянулась на растерянную экономку, и обе женщины одновременно улыбнулись.

— Спасибо вам, Мария Александровна! — негромко проговорила Надежда Игнатьевна.

— За что?

— За то, что решили подобрать малышку.

— Я решила подобрать? Помилуйте, Надежда Игнатьевна, по-моему, это она решила подобрать нас, — с этими словами Мэри пошла вокруг дома туда, где на дорожке, ведущей к парадной двери, слышались голоса возвратившегося экипажа.

Утро следующего дня началось для бельтайнцев с тренировки, на которую безжалостная Мэри загнала свою зевающую и ворчащую команду с первыми лучами раннего летнего солнца. Ее задачей было отнюдь не «помешать нормальным людям выспаться», как предположил Рори. Мэри преследовала две цели. Во-первых, бегать, прыгать и вдохновенно валять дурака лучше всего по холодку. Во-вторых, чем раньше час, тем меньше зрителей. Не то чтобы она опасалась лишних глаз, но и демонстрировать уровень собственной подготовки желанием отнюдь не горела. Хотя бы потому, что не была уверена в том, остался ли этот самый уровень на должной высоте. Как ни крути, а последний спарринг у нее был — страшно вспомнить! — еще до прилета на Бельтайн перед приснопамятной заварушкой. После сначала было не до тренировок, потом она крайне неудачно подставилась под пулю, потом госпиталь, суд над Монро и Саммерсом, прилет на Кремль... Здесь она занималась, конечно, но в одиночку, и явно недостаточно для поддержания достойной формы. Между тем ее не оставляло ощущение, что упомянутая форма может понадобиться в самом ближайшем будущем. Откуда оно взялось? А черт его знает. Пресловутый «нюх на жареное», не иначе.

Результат тренировки Мэри, мягко говоря, не впечатлил. Нет, с выносливостью все было в полном порядке, как и с гибкостью. Но вот спарринг... Пропустить удар в корпус от Рори! Да когда такое было в последний раз?! В итоге во дворец Мэри отправилась в самом скверном расположении духа: недовольство собой в сочетании с изрядной отметиной на ребрах окрашивали окружающее в разные оттенки серого. Впрочем, настроение постепенно выправлялось. Во-первых, Рори пропустил четыре удара. Во-вторых, неспешная прогулка по дворцовому парку хороша сама по себе. А, кроме того, ей было интересно еще раз пообщаться с людьми, которые со временем могли стать костяком правительства Империи. Интересно и, пожалуй, полезно. Карьеризм? Да. И это, с точки зрения Мэри, было не худшим свойством ее натуры. Как ни крути, а завоевывать себе место под солнцем необходимо. И что с того, что здесь, на Кремле, она в силу официально подтвержденного происхождения могла не слишком утруждаться? Она многое получила как дочь своего отца, что верно, то верно. Но нельзя всю жизнь быть только чьей-то дочерью. То есть можно, конечно, но скучно и небезопасно.

На этот раз ей не пришлось ждать за дверью. Стоило Мэри появиться в приемной, как стоявший у дверей в зал гвардеец распахнул створку, и не успевшие еще рассестись люди

приветствовали ее улыбками и поклонами. Петра Савельева среди собравшихся не было — «Александровская» эскадра отбыла к новому месту дислокации. Но Сергей Ремизов на правах старого знакомого представил ей тех, кто не присутствовал в прошлый раз, шутливо предупреждая их, что «пульку с Марией Александровной писать не стоит». Времени на столь же шутливое возмущение у нее практически не было — сразу вслед за ней вошел Константин. На сей раз карты раздавать он не стал, предложив сразу же заслушать графиню Сазонову.

Доклад, сделанный Мэри Совету, был не в пример короче того, который услышал князь Цинцадзе: она намеренно опустила все технические подробности. Но и сказанного было вполне достаточно, чтобы за столом установилась мрачная тишина.

— Еще семнадцать, — проговорил Константин задумчиво.

— Как минимум семнадцать, ваше высочество, — поправила его Мэри. — В данном случае речь шла только об одной конкретной партии документов, но кто сказал, что этим дело и ограничилось? Я в этом отнюдь не уверена.

— А в чем вы уверены, графиня? — снова сидящий напротив нее Ремизов успел задать вопрос первым, хотя по лицам присутствующих было видно, что этот самый вопрос вертится не на одном языке и даже не на двух.

— У меня мало данных, Сергей Филиппович. К примеру, я почти ничего не знаю о том, что представляют собой сепаратисты Орлана — такова, кажется, была первая рабочая версия Службы безопасности?

— Именно, — кивнул Константин. — Сепаратисты Орлана... Сепаратисты Орлана, как и положено всяким уважающим себя сепаратистам, требуют отделения Орлана от Империи и предоставления ему полной независимости. Самое интересное, что корни этого безобразия уходят в совершенно безобидное движение «зеленых». Изначально речь шла просто о защитниках природы, которые постоянно боролись то ли за что-то, то ли против. В данный момент они настаивают на том, чтобы один из континентов планеты, ни на что путное не годный, не использовался бы в качестве полигона для утилизации отслуживших свое кораблей. В целом можно сказать, что большая часть доставляемых Орланом неприятностей приходится на петиции, лозунги и митинги. Хотя и кампанию психологического террора против служащих, прибывших из метрополии, со счетов сбрасывать нельзя. Недаром граф Сумской переправил детей на Кремль.

— Однако случаются и вооруженные выступления? Причем, как я понимаю, довольно серьезные.

— Случаются. И вот что странно: подавляющее большинство населения к этой затее с отделением от Империи относится без особого восторга.

— Но и без возмущения? — уточнила прищурившаяся Мэри.

— Верно. Из чего вы сделали такой вывод?

— Из уровня войсковых потерь. Организовать по-настоящему масштабные столкновения с правительственными войсками можно только при полном попустительстве — или содействии — как жителей, так и властей на местах. Наместник — это наместник, но один в поле не воин.

Ни тон Мэри, ни то, что она сказала, собравшимся совершенно не понравились. Однако Константин смотрел на нее спокойно и сосредоточенно.

— Обоснуйте, графиня, — коротко велел он, когда гул за столом стих.

— Господа, как верно заметил только что кто-то из присутствующих, я чужачка, — размеренно заговорила Мэри. — Но именно потому, что я родилась вне Империи, я, возможно, вижу что-то, чего не видите вы, — она слегка пожала плечами. — Строго говоря, изначально во всей этой истории меня интересовал только один аспект: гибель на планете подразделения, которым командовал полковник Александр Сазонов. Что, согласитесь, вполне естественно. Информация, надо полагать, довольно закрытая, в свободном доступе почти ничего нет, а разговаривать на эту тему с дедом я не рискнула. Но кое-что я знаю со слов своей белайинской бабушки, которая расспросила в свое время мою мать. «Вся часть

полегла, никто не выжил» — так или примерно так охарактеризовала случившееся Алтея Гамильтон. Это правда?

— Правда, — насупился сидящий слева от Константина здоровяк с майорскими погонами на кителе, — но это не дает вам права...

— Извините, я еще не закончила. Мне довелось немного пообщаться с русскими десантниками на Бель-тайне. И я с трудом представляю себе мелкий эпизод, в котором могло целиком погибнуть подразделение под командованием полковника. Не лейтенанта, заметьте.

Здоровяк — как же его? ах да, Денис Слепченко — немного расслабился. Было видно, что данная Мэри оценка боеспособности русского десанта ему приятна.

— Вы совершенно правы, графиня, — тяжело склонил он крупную лобастую голову с ранними залысинами, — эпизод был не из мелких. Впрочем, следует принять во внимание, что под командованием полковника Сазонова в тот раз было всего двести человек. Возглавляемая вашим батюшкой часть, отправившаяся разбираться с якобы обнаруженным в лесах лагерем подготовки невесть кем набранной частной армии, попала в ловушку. Лагерь, кстати, впоследствии раскатали по бревнышку, но ни одного человека взять не удалось. Все прочесали, землю носом рыли — глухо. Пустышка. Декорация. Создалось впечатление, что его построили только для того, чтобы привлечь внимание. Провокация в чистом виде. Расследование было предпринято, и самое тщательное, но ничего не дало и постепенно дело заглохло.

— Очень может быть, что и декорация, — сухо усмехнулась Мэри. — Благодарю за информацию. И вот тут-то мы подходим к вопросу отношения населения к происходящему. У меня создалось впечатление, что местным жителям было по большому счету все равно, кто там погиб и почему. Не свои — и ладно. А власти — это опять-таки мое личное мнение — сделали, похоже, все возможное, чтобы замять дело. Кстати, с этим, вероятно, и связано давление на графа Сумского. Если я правильно поняла расклад, за много лет это был первый наместник, который не заигрывал с местным населением и действительно пытался привести все в порядок. Впрочем, я полагаю, что те, кто организовал эту историю с Кириллом Сумским, скоро пожалеют о своей неосмотрительности. Генерал Алан Тедеев наведет шороху на Орлане, хотя его методы почти наверняка не добавят популярности Метрополии. Слова «десантник» и «дипломат» в русском языке начинаются с одной буквы, но больше никакого сходства между ними нет.

Константин подпер голову ладонью и окинул взглядом сидящих за столом. В глазах его поблескивало мрачноватое веселье.

— Вот так вот, господа. Хорошо же мы выглядим в свежем зеркале, нечего сказать. С какой стороны ни посмотри — а рожа-то кривая... продолжайте, Мария Александровна.

Мэри сцепила пальцы лежащих на столе рук в замок. Костяшки побелели. На хмуром лице резко обозначились скулы.

— Я хотела бы обратить ваше внимание на еще один момент. Кто бы ни финансировал это безобразие, речь явно идет не о частном лице. У меня пока нет данных о заказчике документов, но сколько клан Гаррис содрал с него за почти два десятка комплектов, я примерно себе представляю. Это большие деньги, господа. Очень большие. Прибавьте к этому плату собственно агентам. Как показывает практика, в такого рода предприятиях редко принимают участие идеалисты, а профессионалы стоят дорого. Я бы даже сказала — очень дорого. Мы имеем дело с организацией. И эта организация мне как полицейскому офицеру не нравится. Совсем.

Ночь была ветреной, но теплой. От воды тянуло свежестью, пахло начавшей подсыхать травой, которую Иван Кузьмич скошил утром, и ночными фиалками. Мэри расстелила на берегу пруда с кувшинками прихваченный из дома маленький коврик и теперь сидела, наслаждаясь мурлыканьем Матрены и усыпанным звездами небом. Кошка с явным неодобрением следила за огоньком сигары и время от времени мурчать переставала, требовательно вонзая коготки в ногу сидящей хозяйки — или прислуги, это с какой стороны

посмотреть. Тогда Мэри начинала с удвоенным старанием почесывать подставленную шейку и уши, и Матрена снова заводила свою нехитрую песенку. За неделю кошка изрядно отъелась и округлилась и уже ничем не напоминала тощую замухрышку, которая, к восторгу Элис, подъехала к крыльцу на плече командира. Шелковистая, балованная, всеобщая любимица, она все же выделяла Мэри — по крайней мере, именно от нее она ласку требовала, снисходительно принимая знаки внимания от остальных.

Почему-то именно здесь, в саду, не имевшем ничего общего с орбитальной станцией и, тем более, боевым корветом, времена учебы вспоминались особенно ярко. Наставники Звездного Корпуса не пожалели труда, чтобы вбить в головы кадетов простую, в сущности, мысль: нельзя отдавать все время и силы одному и тому же. Необходимо чередовать нагрузку на мышцы и на извилины, иначе ни то, ни другое не будет работать толком. И тренировка того и другого должна быть максимально разносторонней, иначе в результате получится уродец.

В свое время кадет Гамильтон, изнемогавшая под грузом всего того, что следовало узнать или научиться делать, проклинала этот подход всеми имевшимися в ее тогдашнем лексиконе бранными словами. Теперь же Корпус остался далеко позади. И она имела возможность по достоинству оценить предусмотрительность составителей программ, которые вводили в учебные планы дисциплины, не имевшие прямого отношения к собственно боевой подготовке. Именно благодаря им она умела теперь не только анализировать информацию, но и собирать ее. Собирать, не придавая особого значения тому, в какой области приходилось вести поиски. Разумеется, дилетант зачастую бывает опасен. И в случае болезни лечение должен назначить врач. Но для того, чтобы определить, что у больного жар, врачом быть не обязательно. Надо просто уметь измерить температуру.

Собственно, именно это и собиралась сделать Мэри — измерить температуру планете Орлан.

Это был очень скромный крест. Никакой вычурности, никаких акцентов, долженствующих подчеркнуть то, что установившие его помнят и скорбят. Крест как крест. Металлопластовый. Теоретически вокруг него, так же крестом, должны были располагаться четыре плиты с именами погибших. Теоретически — потому что в густой пожухлой траве невозможно было что-либо разобрать.

Не то чтобы Мэри ожидала увидеть величественный монумент с почетным караулом, вечным огнем и скульптурной группой. Как выглядит памятный знак, установленный на месте гибели Александра Сазонова и его людей, она выяснила еще на Кремле. Но явное запустение, царившее вокруг памятника, удивило ее весьма неприятно. Она даже нашла его далеко не сразу: похоже, как минимум двадцать пять лет из прошедших тридцати четырех никто и не думая вырубать сначала подлесок, а потом и лес. Взятую в аренду машину пришлось бросить милях в двух — ближе ее было не посадить — и пробираться через бурелом по вычерченному на экране коммуникатора вектору. Четыре дюжины почти черных роз оттягивали руки, сверток со свечами Мэри засунула в нагрудный карман легкой светло-зеленой куртки. Она слегка ежилась под порывами ветра и не думавшего стихать в хоть и густых, но совершенно голых ветвях. На Кремле, в Новограде, сейчас лето в разгаре. В Нью-Дублине на исходе осень. А здесь, в лесу на Орлане, только-только сошел снег, и робко тянутся к бледному северному небу такие же бледные цветы.

Сыроватая низина, зажатая между холмами, идеально подходила для засады. Черт, как же это отец так опростоволохился? Что его вообще понесло именно сюда? Можно ведь было обойти по гребням холмов. Или нельзя? Впрочем, сейчас это уже не имеет значения... Мэри положила розы под разлапистый куст и принялась очищать плиты. Отцовское имя обнаружилось на второй, но она не успокоилась, пока низкое солнце не осветило все четыре прямоугольника, заплывших по краям земель. Теперь на каждый по свече и по дюжине роз. И можно просто стоять, молчать, следить за танцующими под ветром язычками пламени и думать.

Думать о том, что все могло сложиться совсем иначе. И о том, что иначе — не обязательно лучше. И хуже — тоже не обязательно. Просто иначе. Иначе — и не погибла бы мама. Иначе — и дочь Алтеи Гамильтон и Александра Сазонова, очень даже может быть, не стала бы пилотом и полицейским. Иначе — и Бельтайн был бы для нее только точкой на звездной карте, и Эрика ван Хоффа задержал бы кто-то другой, и имя Келли О'Брайена даже не было бы ей известно. И не она вышла бы из разбитого «Дестини» на шестую палубу «Александра», и не ее, умирающую, истекающую кровью, подхватили бы сильные руки Никиты Корсакова... Кто знает, возможно, она ездила бы верхом в нелепой юбке, и ее волосы были бы длинными, но не были бы седыми. И вообще, она была бы уже замужем. Наверняка. И были бы дети. И она бы даже выучилась печь пироги. А что? Можно подумать, Агафья Матвеевна не проследила бы! А вот интересно, кем бы она стала? Если не пилотом и полицейским, то кем? Ведь должна же она была стать хоть кем-то! Вот, например, ее величество до замужества занималась терраформированием. Бабушка готовилась стать операционной сестрой. Тетка Екатерина летала, ну так она во флот пошла после гибели старшего брата, и неизвестно, что было бы, останься Александр в живых. Тетка Лидия преподавала историю искусств, хотя каким она была преподавателем при таком-то характере — страшно подумать. А Маша Сазонова? Кем бы стала она?

Странное дело, воспринимать себя как Машу Сазонову у Мэри получалось плохо. Совсем не получалось. Слишком все быстро, слишком неожиданно, слишком похоже на сказку. Порой ей казалось, что если бы не гибель Келли, которого она могла, но не успела сделать счастливым — она не согласилась бы войти в отцовскую семью вот так, сразу. Похоже, именно осознание того, что время безжалостно и далеко не всегда его может хватить на доброе дело, заставило ее принять предложение деда, не раздумывая над возможными последствиями. Принять — и сразу огрести такое количество новых впечатлений, ограничений и обязанностей, что сама мысль о какой-то дополнительной перемене статуса отзывалась горечью во рту. А ведь не исключено, что Мэри Гамильтон согласилась бы стать Марией Корсаковой. Мэри Гамильтон согласилась бы, а Маше Сазоновой новшеств и так хватило по самое дальше некуда...

Звук приближающихся шагов Мэри услышала давно, но оглядываться не спешила. И проверять, как выходит из спрятанной под курткой кобуры маленький, еще с Бельтайна привезенный пистолет, не спешила тоже. Человек — судя по всему, мужчина средних лет — шел неторопливо, не таясь. Двум тяжелым ногам сопутствовали четыре легкие лапы. Фермер, наверное. Или лесник. С собакой. Гуляет он тут. Или по делам идет; по своим, не по нашим. Вот и пусть себе идет. А мы еще постоим, подумаем.

— Кхм... прощения просим... — раздался за ее спиной сиплый голос.

Мэри спокойно обернулась. Метрах в двух от нее стоял мужик, сложением напоминавший Рори О'Нила. Правда, таким кряжистым Рори станет, наверное, годам к восьмидесяти. Если доживет, конечно. Впрочем, глядя на то, как развиваются события, можно было с уверенностью сказать, что доживет. Если не захочет, чтобы и на том свете достали. Судя по всему, Элис всерьез взялась следить за рационом и моционом обормота-двигателяста, так что с вариантами у бедняги плохо. Совсем плохо с вариантами. Интересно, поженятся в итоге эти двое или нет? С одной стороны, межлинейный брак нонсенс, с другой — вряд ли ее экипаж вернется на Бельтайн. Ребятам нравится на Кремле и нравится быть при командире. Пока. Ничего, еще немного и они уйдут в самостоятельный полет. Первые признаки уже появились. Вон, накануне ее отлета на Орлан один из близнецов отправился развлекаться, а второй остался дома — небывалая вещь...

— Прощения просим... — повторил незнакомец, видя, что седая женщина с военной выправкой не собирается начинать разговор первой. Большой рыжий пес рядом с ним рассматривал Мэри с беззлобным интересом, еле заметно виляя роскошным пушистым хвостом. — Вы родня кому-то из них? — он кивнул на крест.

— Дочь, — уронила Мэри. Потом, помолчав, добавила: — Меня еще на свете не было, когда отец погиб.

— Понимаю, — кивнул дядька. — Это... Меня Иваном зовут.

— Мария. Мария Сазонова.

— Полковника дочка, стало быть? Тяжко это, без отца расти... А что ж раньше не показывалась? Я вро де всех видел, провожал даже, а тебя вот не помню, даже девчонкой... — Иван, видимо, решил, что с формальностями покончено.

— А я только недавно узнала, что он мой отец. Они с матерью пожениться не успели, вот и... — Мэри сама не понимала, почему ей хочется поговорить с этим человеком. — Да, похоже, не только я, сюда вообще никто давненько не заглядывал.

— Ну, попервоначалу-то прилетали, да. А дальше... Что ж, тела все вывезли, похоронили по-христиански, а потом... слыхала, небось, как говорят — довлеет дневи злоба его.

— Да это-то понятно, — досадливо поморщилась Мэри. — У родни могилы есть, честь по чести... Только почему памятник-то заброшен?

— А кому следить-то? — искренне удивился Иван. — Ты только не обижайся, девонька, я все понимаю — отец твой тут погиб... Но ведь никто их сюда не звал. Сами мы шушеру всякую расплодили, сами бы и разобрались с ней. Или не разобрались бы — но тоже сами. А так смотри, что получилось: мало того что чужаки пришли с нашей бедой воевать, еще и пропали не за грош ломаный. Стыдно людям, понимаешь? Помнить стыдно. А ежели забыть — так и стыдиться нечего. Опять же, шум тогда поднялся, дознание учинили, всем к посевной готовиться надо, и самый окот пошел... а тут галдят, бегают, на допросы таскают...

— Погоди, дядя, — глаза Мэри сузились. Почувствовавший перемену в ее настроении пес напрягся и чуть слышно заворчал. — Погоди. Какие ж они чужаки? Или Орлан — не Империя?

— Эх, молодая ты еще... До Бога высоко, до царя далеко, да и до наместника не ближе, а свой надел — вот он. И знаешь, что... ты уж меня послушай. Батя твой, надо думать, неплохой человек был. И ты, наверное, тоже. Только летела б ты домой. Вон куртка-то на тебе зеленая, а только я не слепой, вижу, как из-под зеленого голубое выпирает. С эполетами. Не надо нам здесь таких, как ты. Мы тут сами по себе, живем помаленьку.

— Сами по себе, говоришь... А как же все эти крики, мол, не смейте у нас на Черном Кряже корабли разбирать?

— На Черном Кряже? — Иван повертел головой. — Ну, ты загнула... нам-то до него какое дело, до Черного Кряжа? Где мы — и где тот Черный Кряж?

В Пригорск, столицу Орлана, Мэри вернулась в глубокой задумчивости. У нее создалось впечатление, что сельским жителям планеты — подавляющему большинству населения! — нет никакого дела до проблем, о которых так громогласно вещают «зеленые» в крупных городах. А уж что вещают — то вещают, в этом она уже успела убедиться. И чем же им, интересно, так полигоны на Черном Кряже не угодили? Абсолютно бесполезный континент. Растительность бедная, животный мир еще беднее, пахотных земель нет, значимых для промышленности ископаемых тоже. От заселенных территорий отделен океанами. Даже если бы корабли разбирали на открытом пространстве — вред экологии был бы близок к тому, что математики именуют «мнимой величиной». Но ведь Империя не поленилась и не поскупилась, построила закрытые комплексы. И платят их работникам — сплошь местным уроженцам, кстати — так, что будьте-нате.

Ну ладно, ну хорошо. Запланированные два новых комплекса не строить, имеющиеся — ликвидировать... вы людей куда девать собираетесь? Или сначала надо добиться, чтобы Метрополия уничтожила ею же самой созданные рабочие места, а потом с пеной у рта требовать, чтобы пристроила безработных? Интересная мысль. А уж какая свежая... Сегодня, сейчас, здесь разрушить целый сектор экономики в надежде, что фядущие поколения скажут разрушителям «спасибо». Вот только никто почему-то не занимается подсчетами, сколько детей не родится в результате потери работы родителями, и какова в

итоге будет численность этих самых «грядущих поколений».

Порой Мэри казалось, что природозащитники — это такая особенная категория граждан, которая искренне полагает, что голодная лисица должна у людей вызывать больше сочувствия, чем голодный человек. Сама майор Гамильтон без всяких сомнений причисляла себя к роду человеческого, а потому проблемы лисиц ее интересовали мало. И еще ей не давала покоя мысль о том, что заплатить за восемнадцать (восемнадцать ли?) комплектов документов работы клана Гаррис никакие «зеленые» не в состоянии. Не хватит у них на это ни средств, ни, откровенно говоря, пороку. Орать на митингах это одно (кстати, на это тоже нужно время, которое, как известно, деньги), а готовить боевиков и тайных агентов — совсем другой расклад получается. И по финансам, и по риску.

Ну, допустим, преступность есть везде. Кто бы спорил, а полицейский аналитик уж точно не станет. Но что, черт побери, произошло на Орлане тридцать четыре года назад? Если тут есть — или было — что прятать, зачем привлекать к себе повышенное внимание одной из самых компетентных Служб безопасности в Галактике? А если не было, то какой вообще смысл во всей этой истории? Проба пера? Отвлекающий маневр? Проверка Империи на вшивость? И каковы же получились, с точки зрения проверявших, результаты? Вопросы, вопросы... Нет, что ни говори, а придется-таки представляться новому наместнику и просить разрешения покопаться в архивах.

Разумеется, любой мальчишка скажет вам, что вся сколько-нибудь существенная информация дублируется и хранится централизованно. Вот только что именно считать существенной информацией, решают люди на местах. А, как известно, *egale humanum est*, человеку свойственно ошибаться. Да даже и не ошибаться... просто никогда заранее не известно, что важно, а что нет. Казалось бы, что может быть безобиднее сводки погоды? А ведь была на Земле страна, сообщение о безоблачном небе над которой обернулось несколькими годами кошмара.

Мэри с изрядной неохотой покинула уютное кресло гостиничного номера и подошла к окну. Видимый ей участок неба над Орланом был безоблачным. И — должно быть, по ассоциации — это ей совершенно не понравилось.

Глава 5

В русской миссии кипела работа. Именно работа — никакой суеты и суматохи. Мэри, по-прежнему прихрамывающая и поддерживаемая под руку Филатовым, прошла вслед за Мамонтовым в конференц-зал. Встреченные по дороге сотрудники миссии косились на нее с тщательно скрываемым любопытством. Она могла их понять: ее платье, всего несколько часов назад вызывающе-элегантное, имело сейчас такой вид, что его постеснялась бы надеть и Золушка, отправляющаяся чистить печку. Не говоря уж о том, что далеко не каждый день можно встретить женщину, которая несет свою прическу под мышкой. Да и повязка на ноге, сооруженная из пестрого, зеленого с золотом, головного платка — зрелище, прямо скажем, нетривиальное. Добавьте к этому полное отсутствие туфель и почти полное отсутствие чулок. И не забудьте про красавцев-близнецов, шагающих чуть позади с абсолютно каменными физиономиями. Хорошая выдержка у подчиненных Мамонтова, что правда — то правда. Впрочем, на Кортесе иначе и нельзя.

В конференц-зале Мамонтов выдвинул кресло для Мэри рядом со своим местом, подумал, и подтащил еще одно. Она уселась с благодарной улыбкой, а подоспевший Джон аккуратно уложил пострадавшую ногу, попутно ощупывая ее и что-то тихонько бормоча на кельтике. Филатов отвернулся, пряча ухмылку.

— Вы знаете наш язык? — Мэри была приятно удивлена.

— Начал изучать с месяц назад, — кивнул Михаил. — К сожалению, времени на лингвистические изыскания у меня меньше, чем хотелось бы. Красивый язык. Выразительный, — ехидство в его голосе убийственно сочеталось с невинным выражением лица. В глазах плясали чертики.

— Полагаю, что изучение кельтика вы начали с ругательств, — понимающе покивала Мэри. — Кстати, с моей точки зрения, это самый правильный подход. Зачастую эмоциональная составляющая сказанного бывает куда важнее точного смысла.

Теперь уже оба русских с удовольствием рассмеялись. Джон, закончивший свои манипуляции с повязкой, поднял голову и неожиданно подмигнул Филатову.

— Мои ребята учат русский, — сочла нужным пояснить Мэри. — И, как мне кажется, тоже начали с ненормативной лексики.

— Когда кажется — креститься надо! — наставительно заметили в один голос по-русски близнецы.

— Ну вот, извольте видеть, — всплеснула Мэри руками. — Девять лет вместе отлетали, а я до сих пор не знаю, чего от них ждать. Да, кстати, я вас не представила. Господа, это Джон и Мэтью Рафферти, краса и гордость Линии канониров Рафферти. Джон по совместительству бортовой врач, а Мэтью — связист. Вас они знают, понаслышке, но все-таки. Мы изучали обстановку на планете перед прилетом сюда.

Близнецы коротко поклонились и обменялись рукопожатиями с русскими. Переждав обмен любезностями, Мэри продолжила:

— Сейчас еще двое подтянутся. Не знаю, какие документы они захватили с собой, но ваши люди у входа не ошибутся, парочка весьма приметная: конопатый громила под семь футов ростом и с ним маленькая шустрая девица. Очень маленькая и очень шустрая. Предупредите, чтобы их пропустили. Помимо того, что они мне просто нужны, я просила их принести мне и мальчикам нормальную одежду.

Аркадий отдал распоряжения и принялся разглядывать Мэри, прикидывая, с чего бы начать разговор. В уместности вопроса: «Какого лешего вы делаете на Кортесе?!» он несколько сомневался, но больше ничего в голову не приходило. Положение спас вызов коммуникатора. Выслушав сообщение, он на спанике ответил: «Разумеется, генерал. Мы вас ждем» и, коротко вздохнув, обратился к баронессе... графине... а, черт, да какая разница!..

— Мария Александровна только что со мной свя зался генерал Хавьер Рамос, командующий полицейскими силами континента. Он будет здесь через полчаса, поскольку считает, что нам следует скоординировать действия, и делать это лучше без использования техники связи.

— Разумный подход, — кивнула Мэри. — Особенно если учесть, что, как мне кажется, «Конкистадор» захвачен теми, кто называет себя «Лигой свободного Кортеса».

— Но они отвечают на запросы! — взвился Филатов и вздрогнул, наткнувшись на холодный, внимательный взгляд.

— Отвечают. Однако, насколько мне известно, только захват станционных ретрансляторов дает возможность кому-то — в данном случае Маркесу — вещать на всех частотах. Вещать, полностью подавив оппонентов. Вы пробовали после начала всей этой катавасии связаться с кем-то за пределами системы? Попробуйте. У меня — не получилось.

* * *

Новый наместник Мэри понравился. Впрочем, граф Федор Сумской, нанесший ей визит за три дня до памятного бала, тоже был ей симпатичен. Однако во всем его поведении чувствовался некоторый надлом, что становилось особенно заметно в те минуты, когда он пытался удержать супругу от излишне экзальтированных проявлений благодарности.

К счастью, генерал Тедеев не был обязан Марии Сазоновой ничем. Уже весьма пожилой, но по-прежнему подтянутый, генерал с приличествующей случаю мягкой улыбкой вспомнил времена, когда Александр Сазонов служил под его началом. Очень многообещающий был человек, Мария Александровна. Исключительно многообещающий. Так жаль... но не будем грустить. Ваш отец был достойным офицером и, если мне будет позволено это заметить, большая удача, что династия не прервалась и после его смерти. Немного найдется в Империи женщин, носящих майорские погоны. Причем, насколько я

могу судить, свои вы не за красивые глаза получили, да-с. Так чем же Алан Тедеев может быть полезен дочери полковника Сазонова? Разрешение на работу в архивах? Ну, разумеется, о чем разговор! А можно поинтересоваться, что вы надеетесь там найти? Если бы вы знали, то и искать не надо было бы? Ха-ха, достойный ответ. Что ж, графиня, разрешение будет подготовлено немедленно. Могу я надеяться, что вы поделитесь своими выводами со стариком? Не надо мне льстить, дитя мое. Будь я так молод, как вы утверждаете, уж поверьте, в девицах вы бы не засиделись! Кстати, вы в курсе, что через два дня здесь будут ваши добрые знакомые? Ну как же! «Александровская» эскадра заглянет погостить на пару недель. Обычное дело, мы ведь окраина Империи, да еще и не самая благополучная.

Мэри погрузилась в работу. Она рано вставала, завтракала почти на бегу и до самого вечера сидела в высоком белом здании Пригорского архива. Задача осложнялась тем, что она весьма смутно представляла себе, что, собственно, ищет. Несоответствия, да. И совпадения. Но какие и где? Впрочем, дело продвигалось. К концу третьего дня она поняла, что данные геологоразведки, проведенной на планете в начале колонизации, неполны. Создавалось впечатление, что либо пресловутый Черный Кряж обследовали из рук вон плохо, либо часть результатов была очень аккуратно изъята. К сожалению, оба варианта были равновероятны, и понять, что именно произошло и почему, ей не удавалось.

Ей постоянно казалось, что время утекает, как вода сквозь решето. Архив работал отнюдь не круглые сутки, поэтому часть данных она копировала на коммуникатор и разбиралась с ними в гостинице. Дня ей не хватало, и в редко позволяемые часы передышки она язвительно восхищалась собственной предусмотрительностью: несмотря на громогласные протесты, экипаж был оставлен на Кремле вместе с яхтой. Казалось бы, что за глупость — имея собственный корабль, лететь куда-то обычным коммерческим рейсом. Но события развивались таким образом, что отвлекаться еще и на подчиненных она сейчас не могла себе позволить. Интересное дело: они совершенно не заботили ее на Кремле. Ни до того, как был снят дом, ни, тем более, после. Но на Орлане — она это чувствовала — общая обстановка не позволила бы просто наплевать и забыть, а, стало быть, хорошо, что команда сейчас там, где о ней не надо беспокоиться.

Хотя была у этой медали и другая сторона. Уже на второй день работы в архивах у Мэри создалось впечатление, что за ней наблюдают. Наблюдают очень осторожно, вкрадчиво, на мягких лапах. Не в самом здании, нет. Но вот на улицах, по которым она прогуливалась вечерами, пытаясь привести к одному знаменателю то, что узнала за день... Интересно, кому это неймется? Тедеев? Вряд ли, ему-то зачем? Полиция? Тоже не вытанцовывается. Безопасники, отцовский крестный расстарался? Ох, что-то непохоже. Будь это кто-то из условно своих, неоткуда было бы взяться ощущению опасности. Пожалуй, прикрытие не помешало бы. Проблема только в том, что возни с прикрытием зачастую бывает больше, чем пользы от него.

К середине пятого дня Мэри поняла, что идеи у нее закончились. Вернее нет, не так. Одна идея выкристаллизовалась вполне отчетливо, но для того, чтобы подтвердить ее или опровергнуть, квалификации ей не хватало. Вероятно, на Орлане нашелся бы специалист, и не один, который мог бы ей помочь. Но непрекращающаяся слежка заставляла ее быть предельно осторожной в выборе контактов. Хотя... кто сказал, что нужные ей сведения можно добыть только на Орлане? И только в Империи? Ухмыльнувшись, она отправила запрос в монастырь Святой Екатерины Тариссийской. Если она права... если с памятью у нее все в порядке... если она не выдумала совпадение на пустом месте... а, к черту все. Вон денек какой славный. Прогуляться, пообедать где-нибудь в незнакомом месте... милое дело!

Интересно, кто и когда решил, что кафе и рестораны в Пригорске должны размещаться непременно на углу? Причем входить в них следует не с улицы, а исключительно из узкого проулка между зданиями? Мэри, неторопливо идущая по проспекту, с удовольствием

разглядывала вывески и витрины и наслаждалась редкой в последние несколько дней возможностью думать о всякой ерунде вроде истории архитектуры. Мороженое было вкусным, солнце — приятно-неярким, ветер приносил безошибочно узнаваемые запахи ранней весны. Если бы еще не это ощущение упершегося в спину взгляда... Натасканная в свое время Келли, Мэри могла поклясться, что ни один человек не прошел вслед за ней больше квартала. Она сознательно свернула с главных улиц на боковые, людей вокруг стало меньше, но вычислить соглядывая ей так и не удалось. Может, просто нервы пошаливают? Паранойя? Ну, допустим. Но ведь если даже ты параноик — это еще не значит, что за тобой не следят!

Однако мороженое закончилось, причем давно. Надо было загрузить в организм что-нибудь посущественнее. Мэри остановилась и осмотрелась вокруг. На противоположной стороне улицы призывно подмигивала вывеска, сообщавшая всем желающим, что в ресторане под названием «Каблучок» можно хорошо покушать и еще лучше провести время. Не иначе, заведение определенного толка, иначе с чего бы владелец тратился на яркую световую рекламу среди бела дня? Впрочем, ее опыт пребывания на разного рода космических станциях и военных базах показывал, что и в кабаках со стриптизом и девочками бывает очень недурная кухня. Проверить, что ли? Она совсем уже было собралась перейти через улицу, когда рядом с ней приземлилось такси, из которого выпрыгнул молодой мужчина в знакомой форме. Выпрыгнул, оглянувшись на стоящую неподалеку женщину и вдруг расплылся в улыбке, одновременно радостной и неуверенной.

— Ваше сиятельство?

— Прекратите обзывать, Дан! — усмехнулась она, протягивая ему руку. — Ну ладно, подлизы из высшего света, но вы-то, вы! Или это какой-то другой лейтенант Терехов подтягивал на мне подводный комбез? Договаривались же — без чинов! Меня зовут Мэри, коли вы вдруг запамятовали. Ну или, если угодно, Мария. Какими судьбами? Я имею в виду, конкретно здесь. Я в курсе, что эскадра на орбите.

— Да вот... — лейтенант замялся. — Собирался пообедать с ребятами, они уже внутри, а я малость подзадержался...

— В «Каблучке» пообедать? — прищурившись, уточнила Мэри.

Терехов смутился еще больше, обернулся на вывеску и неловко пожал плечами.

— Да. Здесь прекрасно кормят и...

— В таком случае я надеюсь, что вы позволите мне составить вам компанию, — она решительно взяла лейтенанта под руку, разворачивая его лицом к ресторации.

— Ээээ... — слегка заупрямился Даниил. — Мария, это заведение не для таких женщин, как вы... видите ли...

— Ничего не вижу, — фыркнула Мэри. — По меньшей мере, странно слышать такое от человека, который лично протаскил меня как минимум по трем бельтайнским кабакам. Скажите, Дан, вам доводилось бывать на Бастионе Мариико?

— Доводилось, — лейтенант смотрел на девушку с настороженным любопытством, явно не понимая, к чему она клонит.

— И что же, вам удалось обнаружить в военном секторе Бастиона хоть одно заведение из разряда приличных?

А в «Каблучке» оказалось неожиданно уютно. Да, конечно, там наличествовал подиум с несколькими шестами, вокруг которых так и эдак обвивались полуодетые, полураздетые и совсем голые девицы. Но кухня действительно оказалась на высоте, а что касается компании — тут и вовсе ничего лучшего, с точки зрения Мэри, желать было нельзя. Собравшиеся за столом десантники попытались было изобразить застенчивость и смутное знакомство с этикетом, но быстро поняли, что в подобных маневрах нет никакой необходимости, и расслабились. Что же касалось Мэри, то она попросту наслаждалась обстановкой, напомнившей ей времена действительной службы. Пиво было выше всяческих похвал, музыка не била по ушам и нервам, а что до девиц... ну, девицы. Слабенькие, кстати.

Фантазии ноль, с гибкостью проблемы, фигуры так себе. А главное — совершенно не любят свою работу, и по этой причине высот в профессии не достигнут никогда. Примерно эту точку зрения и изложила скучающим голосом Мэри своим сотрапезникам.

— А разве... разве такую работу можно любить? — Афанасий Кречетов, тот самый парень, который добыл в свое время пробы с генетическим материалом, слегка покраснел. То ли от собственной смелости, то ли от воспоминаний, связанных с получением поощрения от майора Гамильтон. Еще в «Лунном свете» посмеивающийся Рори сообщил Мэри, что парень кочевряжился недолго, и пусть не от нее, а от двигателя, но оплаченный визит в «Драконисс» принял с благодарностью.

— Видите ли, Афанасий... — задумчиво улыбнулась Мэри. — Если вам не нравится ваша работа, почему ее не сменить? Только не говорите мне, что у этих девочек нет никакого выбора. Не верю. Альтернатива есть всегда.

— И это говорит бельтайнский пилот? — прищурился сидящий по левую руку от нее Федор Одинцов. — Я тут поинтересовался обычаями вашей родины, госпожа майор. Так, для общего развития. В конце концов, на флоте ни для кого не секрет, что в самое ближайшее время Империя и Бельтайн обменяются посольствами и будет заключен союз.

— И что вы думаете по этому поводу? — заинтересованно склонила голову Мэри. Этот обманчиво-простоватый парень нравился ей. И дело было не только в действительности столь своевременно предложенного когда-то самогона.

— Союз — это всегда хорошо, — степенно ответил ей Одинцов. — Опять же, летают бельтайнцы если и хуже ангелов, то ненамного. И меня, как человека флотского, хоть и десантника, радует то, что такие люди будут на нашей стороне. Сдается мне, что противники вы... гм... неприятные. Но мы говорили об альтернативах.

— Верно. И что же?

— Вот ребяташки закончили обучение в этих ваших учебных центрах. Какая альтернатива?

— На этом этапе действительно практически никакой, вы правы. Но тут ведь еще вопрос воспитания. Когда с младенчества знаешь, что тебе предстоит стать суставом в стальном кулаке Бельтайна... когда тебе твердят, что ты особенный и ты гордишься этим...

— Это я понимаю, — Одинцов кивнул, соглашаясь. — А дальше?

— Дальше... Знаете, Федор, в монастырь Святой Екатерины уходят послушницами лучшие выпускницы Корпуса по классу пилотов. Это широко известно. Но отнюдь не все из них впоследствии продолжают карьеру, что известно далеко не так широко. Мать Агнесса, нынешняя настоятельница, приняла постриг, ни одного дня не прослужив на действительной. И она такая не одна. Возьмите, к примеру, меня. Я могла остаться в монастыре. Я могла бросить все и служить в полиции. Выбор есть всегда. И даже если его нет... если больше тебе некуда податься... взялся делать — так делай хорошо. А эти? Смех, да и только.

Мэри вдруг лукаво улыбнулась и заговорщицки подмигнула Одинцову.

— Вы напомнили мне один случай... Дело было, чтобы не соврать, лет десять назад. Может быть, чуть меньше. Как раз перед Лафайетом. Мы тогда служили в Бурге и стационар был на базе «Зигфрид». Так вот. Как-то раз занесла нас нелегкая в кабак вроде этого. Впрочем, других на «Зигфриде» и не было, что вы хотите — база военного флота. В какой-то момент Дине Роджерс, покойной Фэнси Маккуин и моей малышке Элис показалось, что уровень шоу не соответствует высоким запросам присутствующих. Прошу учесть, что все мы тогда были еще очень молоды... Да, так что же делают эти три красотки? Они влезают на подиум (там как раз было три шеста), сгоняют оттуда штатных девиц и демонстрируют все, на что способны. А способны, надо сказать, они были на многое. И вот что я вам скажу, Федор... Флегматики-то они, конечно, в Бурге флегматики... легендарные, угу... Но обратно нам пришлось прорываться с боем, еле ноги унесли!

Дружный хохот собравшихся разрядил возникшее было за столом напряжение. Почему-то ни у кого не возникло сомнений в том, что эта дама, майор и графиня (ох и

сочетание же!), легко переплюнет любую из обиженных невниманием посетителей профессионалок «Каблучка». Во всяком случае, как минимум половина присутствующих видела, как Мэри Гамильтон плавает, и все имели удовольствие наблюдать, как она танцует. На буме. С завязанными глазами. Действительно, куда уж этим...

Клипса коммуникатора тренькнула в ухе Мэри, извещая о получении нового сообщения. Мельком покосившись на экран — ну надо же, как быстро пришел ответ на ее запрос! — Мэри поднялась на ноги.

— Господа, я покину вас на пару минут. Мне нужно кое-что посмотреть и делать это я предпочитаю на улице.

Она скользнула к выходу из ресторана и вышла на крыльцо. Солнце скрылось за домами, после душноватого зала в густой тени было прохладно. Мэри совсем было собралась проглядеть присланные материалы, как вдруг смутное ощущение опасности, снова охватившее ее вне помещения, резко, скачком переросло в явную угрозу. Не разбираясь, в чем дело, она отпрыгнула к двери, из которой вышла только что, но больше ничего сделать не успела.

Федор Одинцов повел головой, разминая шею, слегка потянулся, взглянул на хронометр и недоуменно нахмурился. Пара минут? Интересные у майора Гамильтон представления о парах. Или о минутах. С одной стороны, это, разумеется, не его дело, с другой же... Сержанту не давала покоя куртка, оставшаяся висеть на спинке стула графини. Он решительно встал из-за стола и направился к ведущим на улицу дверям. На крыльце никого не оказалось, если не считать здорового кота, презрительно удалившегося при появлении человека. Федор пожал плечами, сделал пару шагов, еще раз осмотрелся и повернулся, чтобы снова зайти внутрь, как вдруг под его ногой что-то хрустнуло. Он наклонился, повертел в пальцах раздавленную его ботинком клипсу коммуникатора, чертыхнулся и уже более внимательно оглядел тротуар. Под изрядных размеров вазоном с каким-то местным вечнозеленым кустом что-то блеснуло. Секунда — и в его руках оказался широкий браслет, еще минут двадцать назад охватывавший предплечье Мэри.

Даже так... интересно девки пляшут, если снизу посмотреть... Федор метнулся к дверям, чуть не сорвав их с петель, и рывкнул, перекрывая шум зала:

— Все сюда! Бегом, мать вашу!

Через несколько минут у входа в «Каблучок» было куда жарче, чем внутри. Придерживаемый за шиворот хозяин заведения пытался возмущаться и настаивать на присутствии адвоката: у него самым категорическим образом потребовали продемонстрировать записи наружных камер слежения. Прибывший наряд полиции был безапелляционно послан, причем дважды: сначала по матушке, потом — за свидетелями. Хозяин еще раз попытался рыпнуться, но тут у Кречетова, должно быть, сдали нервы. Он и сам, наверное, не мог бы сказать, за каким чертом прихватил со стола массивный нож с пилкой для разрезания мяса, но сейчас это оказалось как нельзя кстати.

— Слушай сюда, мужик, — тихо, но отчетливо прервал он очередную тираду о правах человека и светящем десантникам наказании. — Ты прав. Меня накажут. Обязательно. Но потом. А вот этот столовый прибор я опробую на твоих яйцах прямо сейчас. Ты меня понял? Записи, ну!

Владелец ресторана, почти сравнившийся цветом лица с тротуаром, повернулся к подчеркнуто индифферентным охранникам и сдавленно — воротник его по-прежнему пребывал в крепко сжатой ладони Одинцова — проблеял:

— Покажите господам все, что они захотят увидеть!

Просмотр ничего не дал. Предполагаемый промежуток времени был заполнен рябью помех. Как женщина появилась в дверях, было ясно видно, но дальше — пустота.

Вернулись полицейские. Лысый сержант, которому не мешало бы сбросить килограмм двадцать, а по-хорошему — и все двадцать пять, подталкивал перед собой охламона из тех, по кому армия не плачет, ибо на кой черт армии такое сокровище? Тощее прыщавое нечто, с

длинными сальными патлами и сплошным ковром татуировок на всех видимых частях тела, вяло пыталось отмахиваться, но сержант был неумолим.

— Кончай выпендриваться, дуся, — внушительно пробасил он, отвечивая мальчишке вполне отеческий подзатыльник. — Господам десанникам некогда, у них пропажа случилась. Да не трясись ты, дитятко, нужен ты мне, как рыбе зонтик.

— Ну, это... — начал, запинаясь, сопляк. — Была тут одна... или был, я еще подумал — это мужик или баба, на кой телке такие плечи... и сисек нету почти...

— О сиськах — потом, — перебил его Терехов. — Что б ты еще в сиськах понимая, недоделок. Дальше.

— А что — дальше? Вываливают из переулка двое, эту седую мужик... чернявый такой... только что не на руках тащит, пьянющая, аж копытами шевелить не может. Так он ее в машину запихнул с прибаутками и рванул, будто у него на хвосте квартальный...

— Какая машина? — вступил в разговор Одинцов, отпустивший наконец владельца «Каблучка» и теперь брезгливо вытирающий руку о штаны.

— Черный «Беркут» вроде... Да что я, приглядывался, что ли?!

— Пьянющая? — вопросительно приподнял брови полицейский, обращаясь к Терехову.

— Как стекло была, сержант, когда выходила, — поморщился тот. — Кружка пива за хорошим обедом, да еще на ее рост-вес... Ерунда, я графиню Сазонову знаю, хоть не близко, а все-таки. Пилот, майор... Не получается.

— Графи-и-иню? — протянул сержант. Его физиономия медленно, но верно каменела. Похоже, бывалый служака только сейчас понял, чем лично ему, так некстати оказавшемуся в патруле, грозит происшедшее.

— Графиню. Ладно, дядя. Пока ясно, что ничего не ясно. Дальше мы сами. Попробуй этого долбодятла потрясти, может, вспомнит еще чего... хотя...

— Что он там вспомнит, укурюк... — скривился старший патруля. — Разве что ментограмму попробовать снять да посмотреть на того, кто женщину тащил. Только вы ж сами видите, господин лейтенант, что за клиент... Конечно, поработаем, только... Вы это... ну... нельзя быть сразу везде, мужики, вы ж понимаете...

— Да ладно, расслабься. Ты-то тут при чем, — махнул рукой Терехов. — Я сейчас по команде доложусь, и завертится... только на выходные тебе рассчитывать не приходится, сержант. Совсем.

Темнота. Причем явно искусственного происхождения. Мешок на голове, что ли? Во рту горько и сухо. Хочется пить. Тряпичный жгут, затянутый на затылке, раздрает уголки губ. Неудобно. Очень. Широко расставленные ноги зафиксированы, руки вздернуты над головой и зафиксированы тоже. Впрочем... приподняться на носках можно, конечно. Насколько позволят зажимы на щиколотках, а позволят они совсем чуть-чуть. Плечевые суставы вопиют о снисхождении, вот только, похоже, снисхождения им ждать не приходится. Запахи... да какие там запахи? Так, по мелочи. Кондиционер не справляется. Машинное масло... старое курево... еще более старая кровь... пот... как любопытно. Хотя и не так любопытно, как хотелось бы. Почти не больно. Пока. То-то, что пока. Во что же это ты вляпалась, дорогуша? Звуки...

— Леха, ты дурак! Дурак и не лечишься. Ты зачем ее сюда приволок? Сказали же — замочить!

— Да брось ты! Какая разница, сразу замочить или чуть погодя? Начальства нет, все на выходные свалили. Да и захоти кто вернуться — прогноз грозу обещает, дураков нет прорываться через грозовой фронт. Ты глянь зато, какой экземпляр! Сразу видно — выносливая. Долго продержится. Это тебе не уличная девка, тут и кормили хорошо, и спорт присутствовал, — мужская рука по-хозяйски ощупывает грудь.

— Не, Леха, ты все-таки псих. Ее ж искать будут!

— Да и пусть ищут! Ветра в поле! — глумливый смех, рука смещается к низу живота. — Не бойсь, когда найдут — только по ДНК-грамме и опознают. А какая лапочка,

сказка просто! Ты на кожу посмотри! — Посмотреть, похоже, есть на что. Странно, брюки на месте и ботинки тоже, а вот от пояса и вверх... Да этот Леха, похоже, полагает себя эстетом?.. Что-то острое чертит линию от ямки между ключицами до пупка. Боль. Не двигаться.

— Кожа — это да, — со знанием дела подтверждает невидимый собеседник невидимого Лехи. — Вообще-то, ты прав. Не каждый день нам такие попадают. Эх, жаль, мне на дежурство пора. Ты тут особенно не усердствуй, оставь и корешам кусочек, лады?

— А вот это уж кому как повезет, — похихатывает Леха. — Моя добыча, Борюсик, что хочу, то и делаю. А хочу я мнооооого...

— Ты только не торопись, пока она в отключке — никакого интереса!

— Поучи меня еще!

Так. Ясно. Похоже, приходить в себя особого смысла не имеет. Ничего, авось выкарабкаемся. Где наша не пропадала... и там пропадала, и сям пропадала. Ничего.

Алан Хазбиевич Тедеев пребывал в ярости, но определить это можно было только по встопорщившимся усам. Новое назначение не нравилось ему с самого начала — он, в конце концов, солдат, а вовсе даже не планетная нянька. Разумеется, долг есть долг и категории «нравится — не нравится» неприменимы в тот момент, когда его величество говорит: «Вы нужны Империи!» Однако во всей своей красе упомянутое назначение проявилось в ту минуту, когда ему доложили об исчезновении — среди бела дня! практически в центре Пригорска! — графини Марии Сазоновой. Причем само по себе исчезновение молодой, но уже вполне самостоятельной женщины не значит ничего. Мало ли, куда могло занести дочку его бывшего подчиненного. А вот коммуникатор... ее коммуникатор, лежащий сейчас на столе перед контрадмиралом Корсаковым... так твою дивизию! И как будто мало было самого факта, хотя и он восторга генералу отнюдь не добавлял. Но что касается получасовой давности разговора с князем Цинцадзе...

Тедеев узнал о происшествии сразу из нескольких источников. Сначала с ним связался глава полиции Пригорского округа, до глубины души возмущенный самоуправством «обнаглевшей десантуры». В своем праведном гневe полковник Титов забыл, должно быть, что разговаривает с пусть и отставным, но генералом десантных войск. А ведь, как известно, можно забрать бойца из десанта, но десант из бойца никуда не денется. Так что полковник огреб за себя и за того парня и получил категорический приказ искать, как хлеб ищут, но тихо... тихо... Если это похищение... если из-за недостаточно продуманных действий полиции с графиней Сазоновой что-то случится... лучше закопайтесь сами, полковник, мой вам совет. Потому что если закапывать вас возьмусь я... выполнять!

Следующим на связь вышел командующий «Александровской» эскадрой. Никита Борисович Корсаков был напряжен, но собран. С ходу заявив, что не собирается играть в испорченный коммуникатор, он представил Тедееву лейтенанта Терехова. Краткая беседа с лейтенантом вызвала у Алана Хазбиевича смешанные чувства. С одной стороны, приятно видеть, что и после твоего выхода в отставку в десант набирают толковых парней. С другой же — обидно: ты в отставке, и без тебя ничего не рухнуло! Штатским олухам генерал доверял не слишком, поэтому Терехову было предложено явиться в офис наместника вместе со всеми десантниками, принимавшими участие в злополучном обеде. На предмет обмозговать ситуацию, да-с. Господин контр-адмирал считает необходимым держать весь десант на эскадре для пущей мобильности? Хорошо, как будет угодно. Предлагаю провести совместное совещание через полчаса. Договорились.

Однако все, что успел сделать Тедеев — это отправить циркулярный вызов высшим чинам полиции и СБ и вывести на большой экран подробную карту той части города, где произошло ЧП. И тут его коммуникатор выдал сигнал высшего приоритета.

— Здравствуйте, Алан Хазбиевич, — медленно проговорил глава Службы безопасности.

— Ваша светлость!

— Что случилось, я знаю. Теперь скажите мне, что предпринято? — Тедеев был человеком не робкого десятка, но под ледяным взглядом темных глаз Ираклия Давидовича почувствовал, как по спине побежали мурашки.

— Полиция и Служба безопасности принимают все необходимые меры, чтобы...

— Алан Хазбиевич, — перебил его Цинцадзе, — послушайте меня. Через две недели на Кремль прибудет посольство Бельтайна. До тех пор официальным представителем наших будущих союзников является графиня Сазонова. Вы не любите дипломатов и их протокольные хитрости, я знаю. Я тоже не люблю. Но в тот момент, когда чрезвычайный и полномочный посол Бельтайна будет вручать его величеству верительные грамоты, кандидат в члены Малого его императорского высочества Совета майор Мэри Александра Гамильтон ап Бельтайн обязана по протоколу стоять рядом с ним. Помешать этому может только ее тяжелое ранение или гибель, но в таком случае виновные должны быть уже найдены, пойманы и готовы предстать перед судом. Или предлечь. Сохранять им способность стоять необязательно, в отличие от способности говорить. Однако поимка виновных — задача второстепенная. В отличие от возвращения Марии Александровны. Вы меня понимаете?

— Так точно! — Тедеев шелкнул каблуками.

— Хорошо, генерал. Не смею более отвлекать. Работайте. О результатах — любых! — сообщайте мне лично. Со временем суток можете не считаться, спать я не собираюсь.

Когда за спиной слышится свист рассекающего воздух хлыста, самое главное — не позволить инстинкту напрячь мышцы. Кожа — бог с ней, до свадьбы заживет, а вот мышцы... целые мышцы могут еще очень пригодиться, не собирается же этот придурок все время держать ее зафиксированной. Мэри доводилось уже видеть этот странный блеск в смотрящих на нее мужских глазах. Не слишком часто, но доводилось. Происходящее, вне всякого сомнения, имело сексуальную подоплеку. По крайней мере, Леха явно полагал, что причинение боли женщине является самым лучшим афродизиаком. А значит, рано или поздно он отвяжет ее. Никуда не денется. Он чуть выше и в таком положении, как сейчас, ничего сделать не сможет. То есть сможет, конечно, но ему будет не слишком удобно, а о своем комфорте ублюдок печется. Значит, надо продержаться. Просто продержаться. И ни в коем случае не терять сознание. Понарошку можно, по-настоящему — нет. Шанс будет только один.

— Вот такие дела, Никита Борисович, — прервал Тедеев затянувшееся молчание. В его кабинете было тесно. Десятка полтора мрачных полицейских и офицеров Службы безопасности сидели и стояли вокруг стола, но высказываться не спешили.

— Я могу ошибаться, но мне кажется, что случившееся связано с работой Марии Александровны в архивах. Или с тем сообщением, которое пришло на ее коммуникатор перед тем, как она вышла из ресторана. Что касается архива, то, боюсь, даже если мы сможем быстро найти разъехавшихся на выходные служащих, они вряд ли нам помогут. Разве что госпожа Сазонова работала с материалами последних десятилетий, они хоть как-то систематизированы. Кстати, не исключено, что ее работа и полученное сообщение вытекают одно из другого.

— Возможно, вы правы, — кивнул Никита. — Если бы мы могли узнать, что именно она получила... Проблема состоит в том, что бельтайнские флотские коммуникаторы настроены на ДНК-грамму владельца. Чужак не сможет снять информацию или ответить на вызов. К сожалению, хотя госпожа Сазонова и получала медицинскую помощь в лазарете «Александра», образцов ее тканей на крейсере не осталось. Эта штукавина, — потянулся он к лежащему на столе браслету, — совершенно бесполезна для нас.

Корсаков не знал, зачем он взял в руки коммуникатор Мэри. Может быть, затем, чтобы прикоснуться к принадлежащей ей вещи... но экран вдруг осветился, а в его углу замигал зеленый огонек готовности к работе.

— Не понял... — выдохнул ошарашенный Никита. — Это как?!

— Неважно, Никита Борисович. Найдём Марию Александровну — спросите у неё, — сразу после встречи с Мэри отставной десантник просмотрел всю информацию о дочери Александра Сазонова, какую смог раздобыть. Охотником до сплетен он не был, но то, что какое-то время назад имя контр-адмирала Корсакова упоминалось в одном контексте с именем графини Марии Сазоновой, запомнил. — Давайте посмотрим, что там.

Последнее письмо пришло действительно непосредственно перед выходом Мэри из «Каблучка». Никита, быстро разобравшийся с интерфейсом, сбросил послание в сеть, и через секунду на больших экранах в кабинетах заместителя и контр-адмирала появились несколько голосников и текстовое сообщение. На кельтике.

— Тааак, — протянул Тедеев. — У вас там есть программа перевода?

— Есть, как не быть, но обойдёмся и без программы, Алан Хазбиевич, — поднялся на ноги Савельев, сидевший рядом с Корсаковым. — Я читаю на кельтике, хоть и не очень хорошо.

Он слегка прищурился, пошевелил губами, кивнул и заговорил.

— Дорогая дочь. Идентифицировать присланные тобой изображения не составило никакого труда. Я целиком и полностью согласна с твоими рассуждениями... соображениями. В общем, понятно. Это шахты. Хорошо спрятанные... замаскированные шахты. Для сравнения посылаю тебе снимки из сектора С-2-8-4. Сходство видно безоружным... простите, невооружённым глазом. Мы прячем наши проходы... нет, не так... разработки, потому что в космосе случается всякое. Зачем это было сделано на защищенной планете с кислородной атмосферой — я тебе сказать не могу. Так же я не могу, даже приблизительно... ориентировочно, сказать, что именно там добывают. Однако я уверена, что ты сумеешь с Божьей помощью понять... разобраться, что происходит в интересующем тебя уголке Пространства. Да благословит Господь все твои... ммм... начинания, наверное... о чем всегда просит Его в своих молитвах кроткая... смиренная мать Агнесса. Все.

— А что госпожа Сазонова послала этой самой матери Агнессе? — вскочивший Тедеев смотрел то на большой экран, то на Корсакова, крепко стиснув кулаки и покачиваясь с носка на пятку. — Никита Борисович, вы нашли исходный материал? Отправленное сообщение сохранилось в памяти?

— Сохранилось. Передаю.

На экранах возник снимок со спутника. Ещё один. Ещё.

— Ну надо же! — азартно ударил кулаком о ладонь один из офицеров-безопасников, окруживших заместителя. — Даже координатная сетка есть!

Все загомонили, предложения сыпались со всех сторон. Только Корсаков молчал, напряженно глядя на дисплей.

— Что ж, — подвел итог Тедеев несколько минут спустя. — С чем работала Мария Александровна и что обнаружила, мы разобрались. Теперь главный вопрос — где она сама? Там?

— Возможно, — шагнул вперед начальник транспортного департамента полиции. — В интересующее нас время в направлении Черного Кряжа вылетел частный «Беркут». Черный. Над океаном его потеряли... похоже, сменил позывной... я же докладывал, что фондов не хватает!

— Потом, Илья Игоревич, все потом... будут фонды, будут! — досадливо отмахнулся Тедеев. — Ну что, господа? Поставим на эту карту? Честно говоря, совершенно не представляю себе, как ее разыгрывать. Это же джокер какой-то!

— Мария Александровна, насколько мне известно, считает, что джокер как раз и является ее картой в любой колоде, — криво усмехнулся Савельев, не забывший еще последнее заседание Малого Совета, на котором присутствовал. — Вот только... Если она там, то не исключено, что ее попытаются использовать в качестве заложницы, начать диктовать условия... вы понимаете. Что тогда?

Корсаков, не отрывая взгляда от экрана, на котором сменяли друг друга голосники Черного Кряжа, медленно поднялся на ноги.

— Тогда... тогда это будет уже не похищение человека, а терроризм. А Империя, — Никита повернулся к экрану связи с Тедеевым, откашлялся и продолжил, словно силой выдавливая слова по одному из пересохшего горла: — Империя... не... ведет... переговоров... с... террористами, — на секунду его лицо исказила гримаса, и оно снова стало бесстрастным. — Не ведет. Вот что, Петр Иванович, распорядитесь о подготовке всех десантных частей, да и приступим, помолясь.

Уже в рубке к Корсакову подошел каперанг Дубинин, за все совещание ни разу не раскрывший рта. Подошел и придержал за рукав, отводя в сторону.

— Никита, ты уверен? Может быть, все-таки попробовать договориться? Мария Александровна может пострадать... да даже если и нет... ты думаешь, ей не расскажут о том, что ты поставил принцип выше ее жизни?

— Пусть что хотят, то и рассказывают, Капитон, — улыбка Никиты была вымученной. — Эту женщину я не интересую. Она ясно дала это понять. И что бы я ни сделал, это ничего не изменит. Но для меня важно сохранить уважение этого офицера. Даже если меня не поймет графиня Сазонова — майор Гамильтон поймет, и этого достаточно.

Глава 6

— Я только одного не понимаю — почему Маркес выступил именно сейчас? — генерал Рамос с видимым трудом отвел взгляд от ног Мэри — теперь на придвинутом кресле лежали обе — и нахмурился.

— Я думаю, — Мэри пыхнула сигарой и поудобнее устроила голову на высокой спинке, — что вся предварительная подготовка была проведена заранее, а потом случилось что-то, что заставило его начать.

Вам виднее, что это могло быть, я здесь недавно и не вполне официально.

Сидящие за столом мужчины переглянулись. Повисло напряженное молчание, каждый, должно быть, пытался проанализировать последние события. Вдруг Филатов резко и громко щелкнул пальцами и ощерился в недоброй усмешке:

— «Сантьяго»!

— Что — «Сантьяго»? — подалась вперед Мэри. Левое колено возмутилось, но она не обратила на это внимания.

— Четыре часа назад тяжелый крейсер «Сантьяго» вышел из подпространства и взял курс на Кортес.

— Отлично! Великолепно! «Сантьяго»! Я в восторге! — ехидству Мэри не было предела. — А кто на нем летит? Если вы правы, то там помимо экипажа должны быть пассажиры. Пассажиры, которые Маркесу либо очень нужны, либо, напротив, такие, от которых он не прочь избавиться.

— Я не знаю, сеньорита, — слегка развел руками Рамос. — Конечно, мы можем попытаться связаться с «Сантьяго», на это мощности передатчика русской миссии, — он коротко поклонился Мамонтову; тот кивнул, — должно хватить.

— Попробуйте. А заодно поинтересуйтесь, принимает ли в данный момент «Сантьяго» сигналы маяков зоны перехода?

— Сигналы маяков? При чем тут маяки? — Аркадии напрягся. Впрочем, нельзя сказать, что он расслабился хоть на минуту с тех пор, как «баронесса Эштон» заговорила по-русски. Во всяком случае, уследить за ходом ее мысли он мог далеко не всегда и это его раздражало. Однако одному из дежуривших у входа порученцев он знаком приказал действовать, не дожидаясь объяснений.

Мэри снова откинулась на спинку кресла и задумчиво заговорила, выписывая сигарой в воздухе замысловатые узоры:

— Видите ли, Аркадий... Я сейчас пытаюсь поставить себя на место Маркеса. Он псих, верно, но не считайте его глупцом. Что нужно вновь провозглашенному государству помимо харизматичного лидера и хоть какой-то поддержки населения?

— Армия? — осторожно предположил Филатов.

— И флот, — спокойно кивнула Мэри. — Что же касается «Сантьяго» и маяков... Среди вас ведь нет пилотов, господа? — она окинула вопросительным взглядом своих собеседников. Число их в течение последних полутора часов постоянно возрастало и достигло уже почти двух десятков человек. С полчаса назад она переделалась, а Джон наложил фиксатор на поврежденное колено. Щиколотку держал пилотский ботинок. Самое, с точки зрения графини, смешное состояло в той перемене, которая произошла в отношении к ней мужчин одновременно с переодеванием. Теперь они смотрели на нее как на коллегу, только Рамос... и ведь она уже надела комбинезон... ну да что взять с истинного кабальеро.

— Пилотов здесь действительно нет, — кивнул генерал. — Просветите нас, сеньорита.

— Все очень просто. Современная межзвездная навигация действует по давно выверенной схеме взаимодействия между маяками. Но все зависит от массы объекта. Корвет может уйти в подпространство, опираясь на заданный вектор движения, скорость и сигнал принимающего маяка. В случае эсминца возможны варианты, тут очень многое решает мастерство пилота. Но уже легкому крейсеру для точного построения процесса перехода нужен не только маяк выхода из подпространства, но и маяк входа в него. Иначе последствия непредсказуемы. Если сигнал пропал в тот момент, когда вошедший в систему корабль еще находится собственно в зоне, есть надежда вернуться на тот маяк, от которого стартовали. Но чем дальше вы успели уйти в глубь системы... — Она встала и пошла вокруг стола. Губы кривились в злой пародии на улыбку, легкая хромота делала походку немного косолапой.

— Я видела записи зафиксированных попыток протащить крупный корабль через зону перехода без четкого сигнала выпускающего маяка. Это входит в стандартную программу Звездного Корпуса: посмотрите, дети, чего делать не надо. Я видела, да, но вам не советую. Последние лет сто пятьдесят такие попытки не предпринимались именно потому, что результат был более чем плачевен. Что же касается «Сантьяго», этого ублюдочного творения верфей Пинты, то тут двух мнений быть не может: без работающих маяков он не уйдет из системы и, не исключено, станет флагманом флота свободного Кортеса. И, кстати, если маяки отключены, никто сюда не придет. Нет сигнала выхода, понимаете? Пока «Конкистадор» подавляет работу маяков, изнутри системы мы не можем сделать ничего. А единственный внешний вариант возобновления навигации — пустить в действие поисковики. Но сколько времени займет процесс — я не знаю.

Мэри подошла к окну и всмотрелась в густые сумерки, окутавшие город. За ее спиной сухо откашлялся Мамонтов. Она обернулась и вопросительно посмотрела на него. Аркадий постучал пальцем по коммуникатору.

— Вы были правы, графиня. Час тому назад маяки зоны перехода прекратили подачу сигнала.

— Ну что ж. Радоваться нам нечему, господа. До тех пор, пока работа маяков не восстановлена, Кортеса на звездных лодках нет.

* * *

Беспамятство было густым и вязким, как болотная жижа. Зря она все-таки укусила Леху. Ну подумаешь, провел пальцем по губам... а теперь мало того что нос сломан, так еще и во рту снова тряпичный жгут, и дышать почти невозможно. Оказалось, что организм Мэри имел собственное представление о том, что важно, а что не слишком, и к категорическому приказу пребывать в сознании отнесся наплевательски. И как ни стыдно было в этом признаваться, она была ему благодарна за это. Беспомощность и боль — отвратительная пара. По отдельности с каждым из этих ощущений вполне можно справиться, но с их сочетанием она столкнулась чуть ли не впервые в жизни. А забыть, пусть совсем короткое, давало передышку. Может быть, в этом и был смысл такого непривычно-низкого уровня сопротивляемости? Сохранить хоть немного сил к тому моменту, когда настанет пора действовать? Ладно, будем считать, что организму виднее, что еще остается...

Липкая темнота отступила сразу, рывком, словно кто-то не слишком аккуратный сдернул чехол с укрытого от пыли предмета обстановки. Открывать глаза Мэри благоразумно не спешила, тем более что за время, проведенное в этой комнате, прекрасно научилась определять действия своего мучителя на слух. Он подошел к ней спереди, но сигары в руках, судя по всему, не было, а значит, пока можно не слишком беспокоиться. Подошел, хмыкнул, присел на корточки. Зажим на правой щиколотке ослаб и упал, за ним последовал левый.

— Ну вот, красавица! — тихо, почти нежно, с придыханием произнес поднявшийся на ноги Леха. Ладони он положил на шею Мэри, приподнимая большими пальцами подбородок. — Давай, приходи в себя. Сейчас нам с тобой будет еще веселее, обещаю...

Глаза девушки внезапно приоткрылись настолько, насколько позволяли заплывшие веки, и за оставшиеся ему доли секунды Леха успел увидеть в совершенно ясном взгляде только свою смерть.

Гроза — это хорошо. Это просто великолепно. Особенно такая гроза, какая бушевала сейчас над северной оконечностью Черного Кряжа. Десантным катерам она никакого вреда причинить не могла, еще не хватало! А вот списать на нее помехи в подавляемых с орбиты системах слежения можно было запросто. По крайней мере, лейтенант Терехов очень на это надеялся. На это — и еще на то, что вой и свист ветра, оглушительный грохот громовых раскатов и падающая стеной на землю вода скроют посадку от живых наблюдателей. Конечно, условия для пилотажа были так себе, и Тарас Горелик, сидящий на управлении, матерился почти не переставая. Но катер опускался как по ниточке. Ниже. Еще ниже. Есть контакт. А теперь на выход. Посмотрим, что это за шахты и кто тут такой борзый выискался, что даму в гости приглашает без соблюдения приличествующего этикета. Почему-то Терехов был свято уверен в том, что майор Гамильтон (ну не получалось у него называть ее Марией Александровной!) здесь и, более того, найдет ее именно его группа.

Борюсик тоже считал, что гроза — это здорово. В самом деле, что может быть лучше плохой погоды! На объекте тишина и покой, работы кто в бараках, кто в забое, начальство убралось и теперь уж точно не появится, пока атмосфера не уgomонится. Милое дело! Можно покемарить, а можно, пожалуй, и Леху навестить. Кореш, небось, уже поразвлекся, глядишь, и ему, Борюсику, чего-нить обломится. А там и Толика позвать не грех. Молодой еще, конечно, но с какой стороны у бутерброда масло — соображает.

Когда внешняя дверь начала открываться, Борюсик даже не понял сперва, что происходит. Проклиная грозу, которая теперь казалась не такой уж хорошей — ну сколько можно, опять автоматику вышибла, падла! — он двинулся к створкам, чтобы вручную запустить механизм. И вот тут-то его предельно аккуратно взяла за горло рука в броне перчатке, а указательный палец другой руки прижался к глухому шлему в общеизвестном жесте соблюдения тишины.

Борюсик истово закивал, косясь на открытую дверь караулки, но туда мимо него скользнуло несколько блестящих от воды теней... оглушительный в тишине стук перевернутого стула... задушенный всхлип... Одна из теней вернулась, кивнула, и забрало шлема человека, который держал охранника за горло, поползло вверх, открывая мрачное лицо.

— Первый вопрос, паря, — тихо произнес мордоворот, в котором за версту было видно уроженца Новоросса. — Где остальные?

Не отпускающая горло рука бесцеремонно подтащила Борюсика к висящей на стене схеме эвакуации, и он дрожащим пальцем указал месторасположение постов и комнат, занимаемых охраной. Беззвучно вбегавшие снаружи фигуры в броне поворачивали головы к схеме и растворялись в полумраке скупо освещенных коридоров.

— Умничка, — произнес новороссец так ласково, что у Борюсика подломились колени, а штаны стали мокрыми. Рука на горле слегка ослабла. — Теперь второй вопрос: где женщина?

— Т-т-там... — палец еще раз мазнул по схеме, захватив с десяток помещений. Десантник разжал пальцы и Борюсик упал на пол, быстро отполз к стене и уже оттуда тихо, визгливо запричитал:

— Это не я... клянусь, не я!., это все Леха, а я ему говорил... а ему повеселиться захотелось...

— Повеселиться? — от улыбки десантника кровь стыла в жилах. — Да вы тут в своем медвежьем углу совсем нюх потеряли! Веселиться — и без десанта?! Показывай дорогу, весельчак, да смотри у меня — без глупостей, если жить не надоело!

Дверь ничем не отличалась от остальных в этой части подземного комплекса. Такая же, как добрый десяток других, ведущих в серверные, склады, подсобки. Неприметно-серая. Узкая. Запертая, в чем подгоняемый тычками Борюсик и убедился с изрядным облегчением. Впрочем, облегчение было недолгим. Повинуясь скупым жестам Терехова, Кречетов оттащил Борюсика от двери и освободил место Григорию Донцову.

Десантник должен многое уметь, хотя не обязательно все и сразу. К примеру, Савва Фадеев был медиком отряда. Одинцов вполне мог собрать противопехотную мину из светового пера, батареи плазмовика и пары зубочисток. Григорий же славился мастерством вскрытия замков. Несколько нестерпимо длинных секунд... еле слышное ворчание — Донцов полагал, что замки надо не столько взламывать, сколько уговаривать... все. Григорий разогнулся, плавно шагнул в сторону и принял оружие на изготовку. Кречетов снова подтолкнул Борюсика — полдюжины десантников рассредоточилось по бокам дверного проема — и тот нехотя приоткрыл дверь. Приоткрыл и застыл, и вдруг заверещал, как подбитый заяц.

Первым в дверь, отшвыривая пленного внутрь и влево, влетел Одинцов, гаркнул:

— М-мать... Фадеев! — и, забросив плазмовик за плечо, ринулся в глубь помещения. Вслед за ним ввалились остальные. Представшее десантникам зрелище на первый взгляд казалось порождением ночного кошмара. Почти в центре ярко освещенной комнаты в потолок была вмурована лебедка с карабином на конце массивной цепи. Сейчас через карабин был пропущен центральный блок силовых наручников, застегнутых на запястьях обнаженной по пояс женщины. Высота, на которую был поднят карабин, была такой, что пленница могла стоять, но ее ноги в чем-то изрезанных, окровавленных брюках бессильно подогнулись. Голова, на которой сквозь слипшиеся от пота и крови седые волосы проглядывали тарисситовые татуировки, свесилась на испещренную круглыми ожогами грудь. А возле самых ботинок, неуместно-щегольских для этой безумной сцены, неподвижно лежало тело мужчины.

Одинцов и сам не смог бы сказать, когда успел избавиться от перчаток, но к шее Мэри прижались уже голые пальцы.

— Жива! — выпалил он. — Потерпи, потерпи, сейчас мы тебя снимем... — он прикоснулся было к ее спине и тут же отдернул руку, словно обжегшись. На ладони была засыхающая кровь. — Да Фадеев же!

— Тихо ты, — прошипел тот, торопливо выгружая из широкой перевязи все необходимое на стоящий поблизости стол. Лежащий на нем хлыст Савва смахнул на пол и зло наступил каблуком, как на ядовитую змею. — Не ори, ей сейчас даже от громкого звука может стать хуже. Афоня, нет! Не смей!

Потянувшийся было к карабину Кречетов недоуменно оглянулся:

— Почему?

— А как ты ее положишь? Живого места же нету, дай я хоть спину обработаю, — он подошел к Мэри сзади и принялся за дело, продолжая говорить, словно стараясь словами отгородиться от того, что видели глаза. — Ее сейчас даже на руки взять нельзя. Вынь эту хрень изо рта, раз уж помогать взялся. А ты, Федя, приподними ее, аккуратно, только чтобы снять нагрузку с рук. И придержи, чтобы она, не дай бог, не ткнулась в твою броню, ей и так хватит выше крыши. И найдите кто-нибудь одеяло или простыню... да хоть занавеску... что-

то, во что можно завернуть, одеть-то не получится.

Донцов тут же выскочил за дверь, а Федор послушно обхватил девушку правой рукой чуть выше колен и поднял над полом. Одновременно он левой ладонью уперся, старательно избегая ожогов, в ключицу, не давая телу наклониться вперед. Фадеев прижимал к спине шприц-тюбики в каких-то ему одному известных точках, наклеивал пластыри, распылял искусственную кожу уже из второго по счету баллончика. То, что он при этом цедил сквозь стиснутые зубы, даже привычного ко всему Одинцова заставляло время от времени вздрагивать. Савва всегда был по меркам десанта тихоней и идеалистом, но теперь являл собой ярчайшую иллюстрацию к поговорке «Не будите спящую собаку!».

Вставший на четвереньки Борюсик решил под шумок смыться и бочком-бочком начал смещаться к двери, но его движение было прервано ботинком Терехова. Ударил лейтенант от души: пленный охранник отлетел шага на три, врезался в стену и бесформенной грудой свалился на пол.

— Повеселиться, значит... — пробормотал Терехов. — Повеселиться... А с этим что? — гадливо бросил он в сторону всеми забытого тела у ног Мэри, которое Одинцов попросту отпихнул в сторону, чтобы не мешало. Кречетов наклонился, перевернул мужчину на спину, одобрительно присвистнул и поднял голову:

— Падаль, господин лейтенант. Как есть падаль. Судя по всему, — он снова нагнулся, всматриваясь, — сукину сыну сладенького захотелось. И он освободил ей ноги, выпрямился и встал почти вплотную. К бельтайнскому пилоту. Кретин.

— И как, по-твоему, она это сделала? — Терехов подошел поближе.

— Как учили, похоже. Смотрите, — Кречетов быстро обозначил ладонью точки ударов. — Правой, левой, правой. Сначала в пах, потом в лицо, чтобы разогнулся и сделал шаг назад, а потом мыском ботинка в висок. Ботинок с титановой прокладкой, висок в кашу... Сами видите.

— Да уж вижу... Фадеев, что там у тебя?

— Почти готово, господин лейтенант. Еще немного... Все, снимаем.

В углу комнаты стояло что-то вроде топчана, и на нем вернувшийся Донцов уже расстелил невесть где раздобытое одеяло и свежую простыню.

— Федор, довернись немного влево... молодец... теперь стой ровно, я сейчас руки отпущу, а ты подхватишь под плечи... ага... с грудью осторожнее... давай потихоньку... клади.

Одинцов бережно опустил Мэри на топчан. Кречетов, порывшийся в карманах труп, быстро отомкнул наручники найденной там ключ-картой, и руки девушки осторожно уложили вдоль тела. В тот момент, когда Фадеев уже заканчивал обрабатывать ожоги, она вдруг вздрогнула и приоткрыла глаза. Разбитые губы почти беззвучно шевельнулись:

— Кто?... — но Савва ее услышал.

— Чшпнп, Мария Александровна. Свои. Молчите, вам нельзя напрягаться.

— Да... уж... намолчалась...

— Понимаю. Пить хотите? Впрочем, что это я... Просунув руку под простыню, Фадеев приподнял затылок Мэри и поднес к губам протянутую лейтенантом флягу. Она сделала несколько глотков и благодарно кивнула. Рядом мялся Одинцов.

— Это... Савва... может, самогону?

— Сдурел? — прошипел медик, не поднимая головы и начиная разбираться с порезами на ногах. Остатки брюк он просто обрывал и нетерпеливо отбрасывал в сторону. — Я ей столько всякого и разного вколол, что если для комплекта еще твое пойло добавить, она прямиком на небеса отправится. Ты давай готовься. Я сейчас закончу и понесешь. В коридорах с носилками не развернешься, узко... и в катере их не закрепить... да и нету тут носилок, на руках придется. Интересно, что там с погодой? Господин лейтенант, надо бы дать знать на «Александр». И с доктором Тищенко я бы хотел проконсультироваться.

Никита маялся. Больше всего ему хотелось быть сейчас на Черном Кряже. Или хотя бы

в рубке. Вместо этого он сидел у себя в кабинете и в ожидании новостей в сотый, наверное, раз ободрял нахохлившегося у стола Тедеева, поднявшегося по приглашению контр-адмирала Корсакова на флагман. Умом генерал понимал, разумеется, что в его возрасте и положении возглавлять высадку десанта нонсенс, так то ж умом...

— Тяжко это, Никита Борисович... Тяжко чувствовать себя бесполезной старой развалиной.

— Алан Хазбиевич, ну что вы такое говорите! Все бы молодые так быстро ориентировались в обстановке!

— Эх, Никита Борисович, вашими устами — да мед бы пить... Только разве я не понимаю, что мне уже в катерах с орбиты не сваливаться...

И так по кругу. До бесконечности. Как, интересно, этот причитающий зануда ухитрился до генерала дослужиться? И ведь не где-нибудь, в десанте! А теперь он еще и наместник. Бедный Орлан. Ну вот, опять завел свою шарманку. Ох, да когда ж это все...

Стационарный экран в кабинете осветился. Каперанг Дубинин — воплощенная невозмутимость — коротко отдал честь и самым официальным тоном доложил:

— Ваше превосходительство! Группа лейтенанта Терехова сообщила об успешном завершении миссии. Графиня Сазонова в самое ближайшее время будет доставлена на борт «Александра».

— Принято, — бросил Никита, отключил связь и с силой потер лицо ладонями. Когда он поднял голову, то увидел, что Тедеев смотрит на него с едва заметной усмешкой. Ни следа уныния ни во взгляде, ни в осанке не осталось.

— Прости мне, Никита Борисович, мое лицедейство, — пророкотал он, переходя на «ты» и кладя руку ошарашенному Корсакову на плечо. — Прости великодушно. Пока ты был вынужден старого дурня утешать, тебе мысли всякие в голову не лезли. Встречать-то отправишься? Да ты кури, кури, я пока с полицией да с безопасностью свяжусь, рапорты приму...

Он отошел в сторону, негромко отдавая распоряжения в коммуникатор, и контр-адмирал поспешил закрыть рот. Что, Корсаков, получил? Сделали тебя, как мальчика. И поделом. Это что ж у тебя на лице написано было, Никита, что абсолютно посторонний человек прочитал без дешифратора?!

Гроза ушла в сторону океана. Дождь стих, и поддатый истопник-ветер уже всюду раздувал угольки далеких звезд, встряхивая перед просушкой тяжелые мокрые тучи. Предупрежденный лейтенантом Горелик посадил катер совсем близко от того входа в комплекс, через который проникла внутрь группа Терехова. Сам Даниил прошел вперед, чтобы лично доложить обо всех обстоятельствах командовавшему операцией майору Стерлигову. Тот выслушал подчиненного, стиснув зубы так, что побелели скулы. Терехов постарался сделать свой доклад максимально кратким и сухим, но взгляд Стерлигова не сулил ничего хорошего согнанным в кучку охранникам шахт. Шахтеры, судя по всему, были кем-то вроде рабов. Опустившиеся люди, которых в случае исчезновения никто и не подумал бы искать. А вот охрана явно состояла из вольнонаемных. Поэтому их стерегли куда тщательнее, чем толпу безучастных ко всему мужиков с усталыми серыми лицами, выведенных из барakov и штолен.

— Вот что, лейтенант, — Стерлигов говорил негромко, но веско. — Чем меньше народу будет знать, что вы там нашли, тем лучше. Свидетели из местных есть?

— Никак нет. Был один, хотел удрать, так я малость того... перестарался...

— Это хорошо, это правильно. И своим объясни попонятнее, чтоб языками не трепали.

— Сделаем, господин майор, — увидев, как лицо Стерлигова делается совсем уж ледяным, лейтенант обернулся. Из освещенного прожекторами входа в подземный комплекс выбрался, морщась от яркого света, Одинцов с завернутой в одеяло Мэри на руках. Ее голову Фадеев пристроил сержанту на плечо, предварительно подложив для мягкости сложенное полотенце, край которого заботливо прикрывал рассаженную ударом кулака щеку. Капитан

дернул головой и двинулся вперед. К трапу катера они с Одинцовым подошли одновременно.

Жестом остановив Федора, Стерлигов несколько секунд молча рассматривал то, что оставляли на виду одеяло и полотенце. Ноздри майорского носа раздувались от ярости, губы превратились в тонкую белесую линию на загорелом лице. Наконец он кивнул Одинцову, взмахнул рукой — мол, «на борт!» — и сделал два шага назад.

— Летите, Терехов. Отправляйтесь прямо сейчас. Мы тут сами почистим. Вон уже и полиция подтягивается... как всегда, кулаками после драки...

На землю один за другим опускались полицейские катера.

Когда Терехов поднялся в катер, Одинцов уже сидел в кресле. Соседние подлокотники был убраны, и успевший пристегнуться сержант готовился принять на руки Мэри, которую держал Кречетов. Фадеев руководил процессом, поправляя положение тела, поднимая ноги и заново подкладывая полотенце под голову. Несмотря на изрядные дозы медикаментов, девушка пребывала почти в сознании и это Савве не нравилось. Боли она, судя по всему, не чувствовала, вопрос только в том — надолго ли? Бельтайнский организм...

— Федор, смотри... точно удержишь? А то давай попробуем уложить?

— Да ладно! — пренебрежительно хмыкнул тот. — В Марии Александровне весу, как в котенке! Ты о своем беспокойся, эскулап.

Медик скептически покачал головой, но спорить не стал. Еще раз проверил, как лежит в образованной руками Одинцова люльке его пациентка, пристроился рядом с ее головой, пристегнулся и кивнул Терехову:

— Можем взлетать, господин лейтенант. Пройдясь по проходу, Терехов убедился в том, что все в порядке, насколько слово «порядок» вообще применимо к создавшейся ситуации, сел на свое место и обратился к пилоту:

— Слушай меня внимательно, Горелик. Взлетаем на полной гравикомпенсации, ясно? Нежно взлетаем. Исходи из того, что тебе надо на орбиту мыльный пузырь доставить в целости и сохранности. Понял меня?

Ответное «Так точно!» состояло примерно в равных долях из обиженного «Командир, не считай меня идиотом!» и высокомерного «Ты еще меня учить будешь!». Лейтенант усмехнулся — уж в чем, в чем, а в пилотаже на Тараса всегда можно было положиться. Сомневаться не приходится, доставит в лучшем виде из всех возможных. И действительно, отрыв от поверхности произошел именно нежно — сам Терехов не почувствовал ничего, хотя Мэри, лицо которой было ему прекрасно видно, едва заметно поморщилась. Ну, тут уж ничего не поделаешь, верно Савва сказал — живого места не осталось. Ничего, сейчас доберемся, а там и доктор Тищенко подключится...

Именно с Тищенко и разговаривал сейчас Фадеев, негромко и лаконично. Даниил прислушался.

— ...Кости целы, только нос сломан... Так точно... Не могу сказать, мой сканер — не ваш диагност, но на первый взгляд... Почки надо посмотреть повнимательнее, остальное вроде не вызывает подозрений... Вот плечевые суставы и запястья плохо, висела... Да... Да... В основном мягкие ткани. Порезы, ссадины, гематомы, рубцы, ожоги... А вот это — нет. Не успел, сволота. Хотел, судя по всему, да, но не успел... Доктор, я все сделал по схеме, но она не спит, а дозу повышать я не рискую — отключить-то отключу, а потом?.. — специфическая медицинская абракадабра, медик в ответ на неслышный запрос перечисляет препараты и свои действия. — Хорошо... Понял... Понял... Мы медленно идем, ей сейчас любая перегрузка... Хорошо... Спасибо...

Закончив разговор, Фадеев поймал взгляд лейтенанта и кивнул:

— Доктор Тищенко нас встретит. Говорит — я все правильно сделал...

— Я и не сомневался, Савва. Ты молодец. Нам повезло, что ты в нашем подразделении, — одобрительно заметил Терехов и сдержанно улыбнулся при виде того, как у не слишком привычного к похвалам медика начинают пламенеть уши.

Перед ведущим на причальную палубу шлюзом Корсакова и Тедеева, считавшего своим долгом само лично приветствовать графиню Сазонову, встретил доктор Тищенко. Рядом с ним стояли гравиносилки.

— Станислав Сергеевич? — Никита напрягся. Все это, хоть и в несколько ином масштабе, он уже видел. После боя в Зоне Тэта.

— Медик группы Терехова доложил — Мария Александровна... гм... пострадала. Ничего вам сейчас сказать не могу, надо глазами смотреть.

— Тааак... — рука Тедеева сжала локоть, как клещами. Корсаков скосил глаза — генерал стоял, глядя прямо перед собой, словно и не слышал сказанного. Полнейшее безразличие на лице, вот только пальцы... пальцы, стиснувшие руку контр-адмирала...

Вспыхнул сигнал готовности, и створки шлюза исчезли в переборках. На палубе было холодно, но Никите было не до того. Он не сводил глаз с уже спущенного трапа. Сначала вышел лейтенант Терехов. Козырнул, но остался рядом с нижней ступенью. Потом спустились еще двое. Наконец в проеме появился Одинцов,двигающийся так плавно, словно нес на руках что-то, что может рассыпаться в прах от одного неверного движения. Впрочем, наверное, так оно и было. Корсаков, забыв обо всем, рванулся было вперед, но Тедеев был начеку. Притормозил, остановил... не дал сделать больше ни единого шага. Со своего определенного генералом места Никита видел только кровоподтеки и ссадины на лице и пятно ожога в центре тарисситового креста на правом виске. Носилки выехали вперед, остановились перед сержантом и он осторожно уложил на них свою ношу. К шее лежащей Мэри присосались щупальца экспресс-диагноста и Тищенко высказался. Высказался так, что одними словами, наверное, мог бы сжечь тяжелый эсминец. Приподнял край одеяла, в которое было завернуто тело на носилках, и высказался еще раз. Тут уж, пожалуй, не выдержал бы и любой из линкоров, входящих в эскадру «Гнев Господень».

— Лейтенант!

— Слушаю вас, доктор, — отозвался Терехов.

— Тот, кто это сделал... он жив?

— Никак нет.

— Жаль... чертовски жаль... — По лицу врача, быстро подключающего что-то под одеялом, на ощупь, бродила странная усмешка. Странная и страшная. — Я бы не отказался разъяснить ублюдку истинное значение термина «боль». На его собственном примере, да-с. И никакая клятва Гиппократы меня не остановила бы, — усмешка стала укоризненной. — Поторопились, лейтенант.

— Никак нет. Это не мы. Это она. Сама. Когда мы пришли, мерзавец был еще теплым, но в остальном — по нулям.

— И почему я не удивлен... так, Фадеев, вы идете со мной, — Тищенко недвусмысленно махнул рукой в сторону выхода с палубы, и носилки, закрытые защитным пологом, в сопровождении медиков выкатились вон. Генерал, помедлив, отпустил руку Корсакова и теперь стоял, с нескрываемым удовольствием рассматривая десантников.

— Терехов... — Никита кашлянул, справляясь с изменившим ему голосом. — Терехов, я жду полный отчет.

— Так точно! Только...

— Что — «только»?!

— Ваше превосходительство, я не вправе вам советовать... но чем меньше глаз увидят записи наших видеофиксаторов, тем лучше. Ни одной женщине не придется по вкусу то, что ее видели в таком положении. Мои-то что, мои будут молчать...

— Ну и мы болтать не станем, — решительно вступил в разговор Тедеев. — Вы сказали, госпожа Сазонова сама убила эту сволочь? Как именно?

Терехов помялся, покосился на Никиту, но никаких подсказок не получил: лицо командующего эскадрой напоминало мраморную маску.

— Ну... Руки у нее были скованы над головой, а ноги свободны. То есть он их освободил...

Генерал поднял сцепленные руки и вдруг сделал несколько быстрых движений. Воздух на палубе испуганно вздрогнул, расступаясь перед хлесткими ударами.

— Вот так?

— Примерно, — кивнул Терехов. — Только майор с правой начала.

— Да это-то как раз не удивительно. Кровь — не водица. Батюшка ее покойный, десантник, кстати, не из последних, тоже начинал всегда с правой. Ладно, Никита Борисович, отправьте-ка меня вниз. Не буду путаться под ногами. Да и пистон кое-кому лучше вставлять лично.

Самое мерзкое в лазарете — это скука. Всепоглощающая, безраздельная, убийственная скука. Заняться абсолютно нечем, разве что спать. Эта идея — спать, спать и еще раз спать! — очень нравится твоему лечащему врачу. И дай ему волю, он реализовал бы ее по полной программе, даже кормил бы тебя путем прямого введения питательных веществ в организм. Впрочем, здесь, в лазарете, ты полностью в его власти. И воля его так же неограниченна, как и скука, и тебе с огромным трудом удастся выцарапать право на хоть какую-то толику бодрствования. А еще тебе не дают зеркало. Вообще не дают. Ни одной отражающей поверхности в твоей палате нет, даже в санитарном блоке. И все, что ты можешь определить с уверенностью — это степень заживления сигарных ожогов на груди и тонкого пореза, идущего от горла к животу. Порез заживает отлично, как и следы ножа на ногах, они уже почти не видны, а вот ожоги... Нет, они тоже затягиваются неплохо, но следы, видимо, останутся. Похоже, скорость и качество регенерации, присущие тебе от природы, существенно снизились в последние месяцы. И, будь ты по-прежнему офицером действующей армии, можно было бы сказать «какая разница?», но ты уже не офицер. Ты женщина и это... мешает. Отвлекает от действительно важного, вынуждает размышлять о глупостях напоподобие того же зеркала.

Ты и рада бы подумать о чем-то более привычном, вроде анализа происходящего на Орлане. Но терминала в палате нет, портативного компьютерного блока тоже, коммуникатор тебе так и не вернули, а накачанные снотворным мозги отказываются работать в полную силу самостоятельно, без техподдержки. А главное — это отсутствие внешних данных. Полнейшее. Что творится там, внизу? Шахты нашли и оприходовали, это понятно, но что там добывают? Кто их построил? Когда? Как организовали поставку оборудования и вывоз продукции — не совсем же слепцы и бездельники тут сидят и не всех же смогли подкупить? Хотя, если хорошенечко подумать... а вот как поступила бы ты? Дано: необходимо организовать разработку полезных ископаемых втайне от официальных властей...

Мэри сидела на кровати и потирала висок — ожог на тарисситовом кресте зудел, мешая сосредоточиться. Она задумалась так глубоко, что даже не обратила внимания на открывшуюся дверь в палату. Корсаков молча стоял на пороге, не рискуя отвлекать ее от размышлений: чем-чем, а ангельским характером его несостоявшаяся невеста не отличалась по определению. Впору перекреститься с облегчением, сказать, что все к лучшему... Эх, Никита Борисович, много чему ты выучился за свои сорок пять лет, полезному и не слишком, а вот искусство врать самому себе так и не постиг.

Должно быть, чем-то он себя все-таки выдал. Мэри резко отдернула руку от виска, как будто ее поймали за чем-то неподобающим, и повернулась лицом к двери. На ее губах возникла неуверенная улыбка. И за одну эту, совершенно несвойственную майору Гамильтон, неуверенность Никита был готов стереть в порошок планету Орлан вместе со всеми обитателями.

— Привет, — проговорил он со всей теплотой, на какую был способен. — Скучаешь?

— А ты как думаешь?! — фыркнула она, поднимая застежку пижамы до самого подбородка. — Сiju тут... ей-богу, хуже, чем в тюрьме. Там, говорят, хоть прогулки бывают... Работать невозможно, поговорить не с кем, зеркало — и то не дают. И вообще, я, наверное, самый счастливый человек на твоём крейсере.

— Это еще почему? — уследить за ее логикой Корсакову удавалось далеко не всегда.

— Часов не наблюдаю! — рявкнула она, и Никита с облегчением расхохотался.

— Тебе смешно? — взвилась Мэри. — Я даже не знаю, сколько времени болтаюсь в лазарете!

— Мэри, успокойся, — а ведь верно, смеяться тут не над чем. Самому-то тебе понравилась бы такая изоляция от внешнего мира? Что-то Станислав Сергеевич перемудрил. — В лазарете ты около двух суток. Досталось тебе крепко, и то, что Тищенко не дает тебе работать, по-моему, вполне нормально. Поговорить... ну вот я пришел поговорить. Если не выгонишь.

— Не выгоню, — ее интонация сменилась на вполне миролюбивую. — При условии, что ты мне расскажешь, чем закончилась вся эта заварушка.

— Видишь ли... — обстоятельно начал Никита. — Я бы не сказал, что она закончилась. Похоже, все только начинается. Что конкретно ты хотела бы узнать? Конечно, я не база данных, но какую-то информацию смогу тебе предоставить.

— Что добывают на Черном Кряже? Только не говори мне, что до сих пор не разобрались, анализ занимает минуты, в крайнем случае, часы, а вовсе даже не двое суток.

— Вариатив. Там добывают вариатив. Богатейшее месторождение, между прочим. Как пропустили при обследовании планеты перед заселением — непонятно...

— Тю! — Мэри вскочила на ноги и принялась расхаживать по палате. Корсаков, дабы не мешать, отъехал на табурете в дальний угол и уже оттуда с удовольствием наблюдал за процессом. Может быть, еще удастся перевести разговор... ведь была же у нее какая-то причина прописать его допуск на коммуникатор...

— Как пропустили... да запросто. Орлан заселяли лет триста назад, так? И кто тогда знал, что такое вариатив? Как его искать, где его искать и на что он похож? И вообще — вариатив на кислородной планете... Небось все геологи Империи... да что Империи — Галактики, если их поставили в известность! — на ушах стоят и бровями помогают. Вариатив... Ах, как интересно... Спасибо, Никита, ты мне сейчас ключевой кусочек головоломки подкинул.

Мэри покраснелась, хмурю неподвижность как будто стерли с лица, ее место заняло целеустремленное оживление.

— Ты не поверишь, а ведь складывается! Складывается! Слушай, — она буквально запрыгнула на кровать, ловко соорудила гнездо из подушек и требовательно уставилась на Корсакова, — ты сигару, случайно, не захватил?

Никита воровато оглянулся на дверь.

— Меня Тищенко съест. Без соли. Держи. И пусть моя безвременная кончина будет на твоей совести.

— Ничего, моя совесть выдержит, — Мэри прикурила от поднесенной зажигалки, откинулась на подушки и вдруг рассмеялась, коротко и зло. — Все просто отлично, Никита. Но какова наглость, я положительно в восторге! Спорим, проверка покажет, что сам комплекс соорудили одновременно со строительством последнего полигона для утилизации кораблей? А начало промышленных разработок по времени примерно совпадает с гибелью десантного подразделения под командованием полковника Сазонова.

— Почему?

— Так проходческое оборудование — оно ж довольно специфическое. То, что для строительства, нахально задекларировали как входящее в работы по созданию полигона. При их уровне подделки документов... А вот с проходческим сложнее, надо было внимание отвлечь, и они отвлекли. Эх, отец... погибнуть потому, что кто-то захотел денег срубить... ну да ладно, я этого так не оставляю.

— Мэри...

— А знаешь, как они вывозили руду? Ставлю свои погоны против кружки пива, взлетали и садились в хвосте тех кораблей, которые пригоняли на разборку, и транспортов, вывозящих переработанное. Там шлейф такой...

— Мэри, — Никита был не на шутку встревожен произошедшей на его глазах

переменной, — успокойся!

— И не подумаю! Так-так-так... Слушай, мне все это не нравится, причем чем дальше, тем больше. Я, конечно, не слишком следила за рынками руды, но предложение по вариативу, по-моему, не росло, а должно было. Сам же говоришь, месторождение богатейшее, уж такой-то всплеск на бирже даже я бы не пропустила. Келли вкладывался, в частности, в перерабатывающие компании и все время пытался меня заинтересовать, даже демонстрировал изменения, произошедшие за последние пятьдесят лет. Куда-то же оранский вариатив девали? А куда? Ах, черт побери, мне бы сейчас выход в Галанет...

— Вам бы сейчас подзатыльник, Мария Александровна! А вашему собеседнику — два! — появившийся в дверях палаты Тищенко демонстративно скрестил руки на груди. Вид его не сулил Корсакову ничего хорошего. — Сигара! Я-то думал, удастся хоть вас отучить от привычки тащить в рот всякую дрянь, да разве что получится — при таких-то помощничках!

Никита виновато улыбнулся, кивнул на прощание и под испепеляющим взглядом врача вышел из бокса. Вот и поговорили...

Глава 7

В конференц-зале повисло мрачное молчание. Правда, оно было недолгим: еще раз пробежавшаяся вокруг стола Мэри остановилась рядом с Мамонтовым и сухо поинтересовалась:

— А что там с пассажирами?

— Полная смена личного состава миссии Рах Mexicana. И военный министр в придачу.

— Ха! Вот это лихо. Они там что, совсем с ума все походили? Небось, еще и сообщили на Кортес... впрочем, этого как раз и не требуется, болтунов и просто хорошо оплачиваемых людей везде хватает.

Ответить Мамонтов не успел. Вызовы пришли почти одновременно на его коммуникатор и коммуникатор Рамоса, и, похоже, услышанное не понравилось обоим. Аркадий тронул пульт и на большом экране возник Энрике Маркес. Судя по всему, это был отрывок из выступления. Мэри пришлось напрячься — говорил Маркес на официальном языке Кортеса, мешая спаник с русским и коверкая и тот и другой:

— ...случае, если «Сантьяго» не капитулирует, мы, в знак серьезности наших намерений, начнем орбитальную бомбардировку, превратим Кортес в руины, но не сдадимся! И пусть наша забывшая о чести бывшая родина несет всю меру ответственности за все жертвы и разрушения! Свобода или смерть!...

— Выключите этот бред, Аркадий Евгеньевич, — скривилась Мэри. — Точно слушать.

Мамонтов послушался. Тишина в зале была такой, что было слышно, как поскрипывает спинка кресла под стиснутыми ее пальцами Мэри.

— А если... — начал было Рамос и осекся.

— Слушаю вас, генерал, — отозвался Аркадий; по общему согласию собравшиеся говорили на спанике, который был ближе Рамосу в силу этнической принадлежности.

— У меня вопрос скорее к сеньорите Сазоновой. Если «Сантьяго» подойдет к «Конкистадору» в тот момент, когда крепость будет над океаном? Или хотя бы над Жезлом либо Денарием? Я думаю, что Маркес не станет бомбить своих, хотя с этого, пожалуй, станет... да, ну так вот. Я, конечно, не флотский, но не получится ли так, что угроза будет ликвидирована до того, как под «Конкистадором» окажутся заселенные территории?

Теперь все смотрели на Мэри.

— Дайте мне карту. У вас есть схема движения крепости? Накладывайте, поглядим.

Несколько минут она вдумчиво изучала картинку на экране, потом заметно поморщилась и покачала головой.

— Не выйдет, господа. Могло бы получиться, но... «Сантьяго»... я до сих пор не могу понять, каким образом этот крейсер-переросток пошел в серию. У него прекрасный главный калибр, но практически нет вспомогательного вооружения и очень слабая броня. О

маневренности я вообще молчу. «Сантьяго», «Калатрава» и прочие их систершипсы хороши только при условии мощной поддержки малых кораблей.

— Простите, Мария Александровна, — вступил в разговор Филатов, — но я тут посмотрел параметры... «Сантьяго» может накрутить хвост «Конкистадору», не подставляясь под орудия крепости. У его главного калибра дистанция больше.

— Вы были бы правы, Михаил, если бы не одна загвоздка: «Конкистадор» несет на себе около двух с половиной сотен единиц москитного флота. «Сантьяго» просто не дойдет до того рубежа, с которого сможет достать крепость главным калибром. А если и дойдет, то будет так потрепан... не говоря уж о времени, которое для этого потребуется. Дон Энрике не дурак, тактическую кафедру военного факультета Академии на Картане он закончил в свое время вполне прилично.

Она снова принялась расхаживать по залу, не обращая внимания на поднявшийся вокруг шум. К ней осторожно приблизилась Элис Донахью, до тех пор смирно сидевшая у стены вместе с остальными членами команды «Джокера», подергала за рукав, и, когда командир наклонилась в ее сторону, что-то прошептала. Мэри вскинулась, задумчивость испарилась с лица как по мановению волшебной палочки.

— Аркадий Евгеньевич! — позвала она, и Мамонтов быстро подошел к ней, не дожидаясь, пока она сама приблизится к его месту. Хромота ее уже почти прошла, но он прекрасно видел, что до полного порядка еще далеко.

— Слушаю вас, Мария Александровна.

— А скажите мне... на «Сантьяго» летит военный министр, так?

— Так.

— И что же, с такой шишкой на борту этот, прости господи, гибрид идет сам по себе? Без эскорта?

Аркадий удивленно вскинул брови.

— С эскортом, конечно.

— С бельтайнским эскортом? — и, дождавшись подтверждающего кивка Мамонтова: — Сколько их там? Шесть? Восемь?

— Секундочку, графиня, я уточню... — он послал запрос, дождался ответа, кивнул и снова перевел взгляд на Мэри:

— Восемнадцать.

— Сколько?! Восемнадцать корветов? Откуда они взялись, ведь всегда нанимали дюжину! Ладно, неважно. Восемнадцать... Да это же... — Мэри рухнула в первое попавшееся кресло, быстро потерла виски и заговорила на тон ниже. — Восемнадцать. Урезанный «Стоунхендж». С ума можно сойти. А мы тут головы ломаем... Что ж вы молчали?

— Простите, сеньорита... но что могут сделать восемнадцать корветов против двухсот пятидесяти москитников? — Рамос смотрел на нее со странной смесью скепсиса и надежды.

— Дон Хавьер, при всем уважении к вам... вы только что сами сказали, что не имеете отношения к военно-космическим силам. Аркадий Евгеньевич, а свяжите-ка меня с командиром «Сантьяго». Самый закрытый канал, какой сможете обеспечить.

* * *

Мэри стояла в зале прилета. Орлан остался позади, и в последние дни у нее совершенно не было времени не только на то, чтобы проанализировать полученную там информацию. Даже просто сесть и спокойно подумать о чем-то абстрактном не получалось. Сразу по возвращении на Кремль жизнь стала настолько насыщенной, что времена действительной службы вспоминались с некоторой ностальгией.

Окружающие как будто сговорились привлечь ее ко всему, что имело к ней хоть отдаленное касательство. Толком доложить — и то не вышло. Не считать же, в самом деле, докладом полученную от Ираклия Давидовича короткую, но емкую выволочку за

проявленную неосторожность? Основным аргументом князя было «а о деде с бабкой ты подумала?» и возразить на это было нечего. То есть возразить-то было что, но вряд ли и без того взъерошенному главе Службы безопасности понравилось бы обвинение в шантаже. Сама Мэри искренне считала, что не может строить свою жизнь исходя исключительно из того, как бы не причинить боли тем, кому она дорога. Ладно, там видно будет. Пообещал не распространяться в семье о ее приключениях, прислал небогатого хирурга-пластика — и на том спасибо.

Кое-что было сделано непосредственно на борту «Эльбруса», забравшего ее с «Александра». Во всяком случае, для того, чтобы разглядеть ожог на виске и следы разворотившего щеку удара, надо было очень внимательно приглядываться. С грудью было сложнее, поразвлекся покойный (ах, какое прекрасное слово — «покойный»!) Леха от души. Да и спина оставляла желать много лучшего. Когда она наконец добралась до панорамного зеркала, увиденное ей, прямо скажем, не понравилось. А собственная реакция на это самое увиденное не понравилась еще больше. Нет, это просто кошмар какой-то — боевой офицер, переживающий из-за шрамов! Ладно, пролетели. Бог даст, все постепенно придет в норму. Вот только категорический запрет на физические нагрузки до тех пор, пока ювелирная работа хирурга не подживет окончательно... ничего, прорвемся. Были бы целы кости, а мясо нарастет.

Мэри покосилась на Константина, стоявшего по левую руку от нее, и едва заметно улыбнулась. Первый наследник престола, как ему и было положено, провел изрядное время в боевых частях, но все же его китель выглядел скромнее ее собственного. Что ж, все верно: у старшего сына императора хватает обязанностей и забот помимо воинской службы. Это у нее по завершении учебы на Картане были только контракты, а Константину Георгиевичу было чем заняться и на родной планете. Взять хотя бы сегодняшнюю встречу бельтайнского посольства: по протоколу присутствие на церемонии великого князя было обязательным. Как, впрочем, и ее. Ох уж эти дипломатические тонкости! Сколько времени на них уходит, сколько нервов и сил... нет, не годится она для такой работы.

Ладно, все хорошо, что хорошо кончается. Вся подготовительная работа проведена, причем в значительной степени проведена при ее непосредственном участии. Выбранный еще до отлета Мэри на Орлан особняк был готов принять посольство Бельтайна. Декораторы постарались на славу. Если бы еще ее не привлекали постоянно для консультаций... ну да ничего. Благое дело, как-никак. Сбросить бы уже, наконец, с себя хотя бы обязанности дипломатического представителя! Сил никаких нет. Ничего, вот сейчас появится Френсис Кемпбелл, и можно будет перевести дух. Неплохой, кстати, сделали выбор на Бельтайне. С одной стороны, Старшему наставнику Звездного Корпуса давно пора передать свой пост преемнику. С другой же — если человек на протяжении десятилетий ухитрился управляться с презираемой толпой кадетов и наставников, дипломат он прирожденный. Вот и пусть займется...

Ворота открылись, почетный караул вытянулся и застыл. Представители средств массовой информации, держащиеся на почтительном удалении от встречающих, напряглись в ожидании. Мэри слегка прищурилась, вглядываясь. Интересно, это Кемпбелл усох или она подросла с тех пор, как видела его в последний раз?

Константин и Кемпбелл встретились точно на середине ковровой дорожки. За спиной посла Мэри увидела еще несколько знакомых лиц и удовлетворенно усмехнулась, обмениваясь кивками с заметно постаревшим Фицхью и чуть напряженным Мало-уном. Хорошо. Действительно хорошо. И София тоже будет работать в посольстве, что совсем нелишнее: как ни хороша семья Сазоновых, а со своими бабушке будет попроще.

Между тем обмен приветствиями завершился, встречающие и встречаемые смешались и медленно двинулись вдоль строя почетного караула вслед за первыми лицами. Мэри на секунду стало искренне жаль гвардейцев — она-то знала, какое зрелище предстоит им увидеть через несколько минут. Как-никак, заниматься организацией гастролей в Империи прославленной труппы «Дети Дану» пришлось тоже ей. Ага... кажется, началось.

Первым появился красавец-тамбурмажор, вытворявший что-то невообразимое своим жезлом. За ним шагали волынщики, казавшиеся здесь, среди людей в форме, диковинными пестрыми птицами. Потом, повинувшись неслышному посторонним сигналам, они расступились, и в образовавшемся широком проходе в ногу, печатая шаг, и при этом словно скользя над полом зала прилета, двинулись вперед знаменитые на всю Галактику танцовщики. Все они когда-то служили в В КС и теперь, в парадных кителях, при всех орденах, были так хороши, что дух захватывало. Это касалось и мужчин, а уж женщины...

Нет, все-таки не зря в Лиге Свободных Планет самыми красивыми женщинами числились именно бельтайнки. На какой-то миг Мэри почувствовала укол зависти, но тут же отбросила это чувство в сторону, просто любуясь соотечественницами. Усмехающийся Кемпбелл скомандовал «равнение направо» и майор Гамильтон с удовольствием констатировала, что неподвижность дается почетному караулу с превеликим трудом. Она почти слышала, как замершие по стойке «смирно» парни приказывают самим себе не тянуть шеи вслед проходящим мимо красоткам. Ох, и будет же разговоров в столице...

Три дня спустя, уже после торжественного вручения императору верительных грамот — как же все происходящее в Андреевском зале отличалось от Белого павильона! — Мэри сидела в кабинете Чрезвычайного и Полномочного посла Бельтайна. Кемпбелл на правах хозяина разливал по стаканам привезенный непосредственно из Нью-Дублина виски и исподтишка внимательно наблюдал за своей гостьей. Что-то не нравилось ему, и он никак не мог понять, что именно. Странная она была, утомленная. Достали, похоже, ее здесь, на Кремле. Крепко достали. Понять бы еще, чем. Хотя... адаптация к штатской жизни всегда проходит не слишком легко, а Мэри Александра Гамильтон оказалась ко всему прочему среди чужаков. Да, по большей части благожелательных. Но все же — чужаков.

Впрочем... не исключено, что и он сам приложил руку к этому выражению брезгливой усталости на ее лице. Кто же знал, что Мэри нравятся далеко не все приобретенные родственники? И что далеко не всем приобретенным родственникам нравится она? Дернул же его черт приказать секретарю посольства проследить, чтобы приглашения на сегодняшний прием были посланы в том числе и графу и графине Денисовым! Услышав о том, что на приеме будет присутствовать ее тетка Лидия, Мэри сначала взвилась, а потом потребовала — именно потребовала! — что-нибудь выпить. И вот теперь они сидели в кабинете посла, и Френсис Кемпбелл положительно не знал, что делать. То есть можно, конечно, попытаться накачать девчонку до прыжка без ориентиров. На ногах она будет держаться, и язык у нее заплетаться не начнет, пилот как-никак.

Вот только где гарантия, что настроение, пока что просто смурное, не сменится агрессией? А ведь, пожалуй, может. Они не виделись почти двадцать лет, и предсказать поведение майора Гамильтон премьер-лейтенант Кемпбелл не взялся бы. Он, помнится, и с предсказанием поведения кадета Гамильтон в свое время справлялся не слишком хорошо...

— Мэри, — начал, наконец, посол, просто чтобы прервать поигрывающее на нервах молчание, — а ты абсолютно уверена, что на самом деле хочешь принять подданство Империи?

— Не абсолютно, — криво усмехнулась она, с благодарным кивком принимая у него из рук тяжелый стакан с янтарной жидкостью. — Но если я хочу служить здесь в полную силу — а я действительно хочу, — то это просто необходимо. В прямом смысле слова — условие, которое нельзя обойти. Вот и все. Кроме того... Видишь ли, Френсис, — они решили в частной обстановке обращаться друг к другу по имени и на «ты», — за все надо платить. И за чувство прикрытой спины в том числе.

— На Бельтайне у тебя не было такого чувства? — осторожно уточнил Кемпбелл.

— Не было. Не знаю, почему. Должно было быть, по крайней мере в то время, когда я служила в полиции, но вот не сложилось... А здесь все по-другому. Та же Лидия не в счет — с такими, как она, я сталкивалась в учебном центре, а потом и в Корпусе постоянно, и ничего. Просто дело, видимо, в том, что в процентном соотношении на Кремле — и вообще в

Империи — людей, которым все равно, какая кровь течет в моих жилах, больше, чем на Бельтайне. Существенно больше. С другой стороны, местным проще: они-то рассматривают пригодность к использованию уже готового продукта, а там, у нас, окружающие имели дело с сырым материалом, из которого еще неизвестно, что получилось бы...

— Я понял. Кажется, понял. Что ж, не мне давать тебе советы. И уж тем более не мне тебя судить. Давай-ка допивай, и поезжай переодеваться.

Френсис Кемпбелл осекся на полуслове и с насмешливым любопытством уставился на поднесенный к его носу кулак, затянутый в тонкую шелковую перчатку. Из кулака торжественно и недвусмысленно поднимался вверх средний палец.

— Ну вот, пожалуйста! — шутливо всплеснул руками посол Бельтайна, оглядываясь на наслаждающегося зрелищем великого князя, неодобрительно качающего головой адмирала Сазонова и невесть как присоединившегося к маленькой группе Хуана Вальдеса. — Полюбуйтесь! Классическое использование своего положения в неподобающих целях. В данный момент майор Гамильтон старше меня по званию, вот и... А я ведь еще помню те благословенные времена, когда я лично отправлял этого кадета на гауптвахту!

— У майора Гамильтон были проблемы с дисциплиной? — Константин изо всех сил старался не расхохотаться. Получалось так себе.

— Это у дисциплины были проблемы со мной! — высокомерно бросила Мэри, но руку, впрочем, все же опустила. — Кстати, сэр, вы не помните, по какому случаю тогда пришлось вмешаться именно вам? Обычно такие вопросы решались на уровне взводных наставников.

— Честно говоря... за давностью лет... вы подрались, Мэри, подрались у меня на глазах, но вот с кем... С Филиппс, что ли? Точно, с Филиппс.

— А, — она облегченно махнула рукой, — тогда понятно. С Филиппс я дралась регулярно. Странное дело: вроде бы с мозгами у нее все было в порядке, она даже на Картане училась, а вот втолковать ей, что меня задирать не стоит, не удавалось довольно долго. Только курсу к восьмому она попритихла. Хотя... Я сейчас лукавлю, сэр. Как минимум в пятидесяти процентах случаев зачинщицей любого безобразия с моим участием выступала именно я.

— Боже мой, Мэри, что вы такое говорите? Ради всего святого — зачем вам это понадобилось?! — ошарашенный Кемпбелл поперхнулся шампанским и закашлялся. Мэри участливо похлопала его по спине.

— Чтобы попасть на гауптвахту, разумеется! — Константин мысленно поаплодировал выражению полнейшей невинности на ее лице. Менее сдержанный в проявлениях эмоций Вальдес смотрел на Мэри с нескрываемым восторгом. Вспомнивший, должно быть, что-то свое адмирал Сазонов улыбался то ли грустно, то ли растроганно — не разобрать. — Мне надо было учиться, причем учиться как можно быстрее, пока принципалом был старый О'Киф. А на гауптвахте были терминалы. В отличие от придурков, на которых приходилось отвлекаться. Это вы почему-то считали изоляцию от коллектива наказанием, а по мне так было в самый раз.

Закончив беседу этим изящным пассажем, Мэри слегка поклонилась и смешалась с толпой, улыбаясь, говоря и выслушивая комплименты и стараясь сделать так, чтобы каждому гостю досталось хоть немного ее внимания. Как ни крути, но в данный момент она выполняла (в первый и хоть бы уж в последний раз!) обязанности хозяйки приема, поскольку Кемпбелл был холост. Ничего, уже завтра она станет подданной Российской империи и пускай Старший как хочет, так и ищет, на кого свалить все эти нескончаемые реверансы. Без нее, господи. Дальше — без нее. Вон, пусть хоть Софию припряжет. А что? Самое милое дело. Тем более что бабушка Френсису, похоже, симпатична и эта самая симпатия ничего общего не имеет с ее заслугами боевого пилота. София только послушница, в случае чего монастырь возражать не станет... Удивляясь тому, куда повернули ее мысли, Мэри совсем уже было собралась присоединиться к Терри Малоуну, который в полном одиночестве курил возле кадки со штамбовой розой, как вдруг...

— И все-таки вы совершенно напрасно решили принять имперское подданство, мисс Гамильтон, — раздавшийся за спиной голос тетки Лидии был так сладок, что сомневаться не приходилось — сейчас Мэри услышит какую-нибудь гадость.

— Почему же? — она резко развернулась на каблуках, вглядываясь в лицо той из новых родственниц, без которой вполне могла бы обойтись. С другой стороны, только деготь дает в полной мере оценить вкус меда...

— Как гражданка Бельтайна вы значите хоть что-то. По крайней мере, до тех пор, пока его посольство нуждается в ваших консультациях. Кроме того, то, что прощается невежественной иностранке, для русской подданной непозволительно. Вам придется самым тщательным образом следить за своим поведением, а в том, что вы на это способны, я сомневаюсь.

— Следить за поведением? Чем же это, скажите на милость, вам, Лидия Николаевна, не нравится мое поведение? И какое вам до него дело? — Мэри вдруг почувствовала настоятельную необходимость «перечеркнуть».

— Мисс Гамильтон, — Лидия глядела на нее подчеркнуто покровительственно, как и подобало, с ее точки зрения, аристократке, снизошедшей до разговора с чернью, — должна ли я вам напоминать, что любая ваша выходка отразится на членах вашей семьи? Опрометчивое решение моего брата — к счастью, не реализованное — жениться на вашей матери не дает вам права ставить под удар все то, чего удалось добиться семье Сазоновых. Кстати, на вашем месте я не строила бы иллюзий: покойный Александр не был глупцом и, думаю, даже останься он в живых, свадьба не состоялась бы.

Тетушка картинно развела руками.

— Мужчины из достойных семей не женятся на женщинах того сорта, к которому принадлежат представительницы Линии Гамильтон. Ваше темное прошлое, уж поверьте, никогда не позволит вам занять положение, на которое вы столь бесцеремонно смее претендовать после того, как согласились на сентиментальное предложение моего батюшки войти в семью Сазоновых. Моя точка зрения, кстати, блестяще подтверждается тем неопровержимым фактом, что контр-адмирал Корсаков даже не соблаговолил появиться на вашем первом балу. Конечно, это было не слишком учтиво с его стороны, но что ему еще оставалось? Авантюристкам вроде вас и вашей матери не место в приличном обществе, что и дал ясно понять один из ваших любовников.

Лидия, вполголоса выдавшая эту сентенцию с приторной улыбкой, развернулась, чтобы уйти, но не тут-то было. Негодная девчонка каким-то непостижимым образом оказалась у нее на пути и теперь стояла, скрестив на груди руки и меряя графиню Денисову тяжелым, ничего хорошего не сулящим взглядом.

— Я выслушала вашу точку зрения, сударыня, а теперь вы выслушаете мою, — понижать голос Мэри и не подумала. Лязгающие интонации в нем, как с неудовольствием и почти со страхом отметила Лидия, изрядно отдавали казармой. Вокруг них внезапно образовалось пустое пространство, разговоры затихали. Кажется, к ним сквозь толпу проталкивался ее муж, но проклятые серо-голубые глаза, горящие угольями сазоновские глаза на сазоновском лице, держали цепко, не давая отвернуться.

— Вы можете говорить все что угодно обо мне, — продолжила Мэри, — возможно, ничего лучшего я не заслуживаю. Но тех, кто мне дорог, извольте оставить в покое. Иначе, клянусь, вы пожалеете о том, что вообще родились на свет. Усвойте раз и навсегда: если вы еще раз посмеете в таком тоне говорить о моей матери либо о ком-то, кого я считаю своими друзьями, я вспомню, что в моем темном прошлом есть и служба в полиции. И тогда я выверну наизнанку все ваши шкафы и вытряхну на свет божий все скелеты, которые там прячутся. Вам ясно?

Голос Мэри, который — проверено! — вполне мог, не срываясь на крик, накрыть почти любой из кабаков Бастиона Марики, звучал сейчас в ушах Лидии похоронным колоколом.

— И вот еще что. Вы не желаете признавать наше родство — прекрасно, мне оно тоже не доставляет ни малейшего удовольствия. Но раз уж вы твердо решили называть меня

«мисс Гамильтон», сделайте одолжение, добавляйте «ап Бельтайн». Это звание существенно старше графского титула Сазоновых. Да и Денисовых тоже. А теперь... теперь убирайтесь отсюда вон. Я, черт побери, хозяйка этого приема, и вас я на нем видеть не хочу.

Последние слова Мэри сопровождала недвусмысленным жестом — весьма при этом элегантно, как не преминул отметить про себя Хуан Вальдес. Правая рука, на мизинце которой рассыпал брызги света чистейшей воды бриллиант, всплеснула кистью в сторону выхода из зала, напомнив крыло бабочки. Дон Хуан прекрасно видел, что, попадись на пути этой руки чья-то кожа, упомянутой коже пришлось бы несладко. Да, пожалуй, и мышцам под ней тоже. По счастью, донья Мария решила, видимо, не уродовать свою оппонентку — пальцы промелькнули в четверти дюйма от носа графини Денисовой, с лица которой во время учиненной ей словесной взбучки сошли все краски.

Между тем Мэри, потерявшая к поверженной противнице всякий интерес, повернулась к ней спиной, рискованный вырез на которой безуспешно и довольно пикантно маскировала тончайшая сетка. Повернулась, и, чуть склонив голову набок, уставилась на великого князя. Константин, успевший подойти почти вплотную, держал в руках два бокала, один из которых и протянул сейчас Мэри со словами:

— Браво, графиня. Браво. Надеюсь, этот маленький инцидент не испортил вам настроение настолько, чтобы вы забыли о завтрашнем заседании Малого Совета?

— Ни в коем случае, ваше высочество, — бельтайнка уже выровняла дыхание, сбившееся было в процессе пространной отповеди. Ее реверанс был исполнен сдержанного достоинства и — Константин был уверен, что не ошибся — ехидства.

— Что ж, ваше присутствие на нем доставит мне истинное удовольствие. И позвольте заметить — я счастлив, что ваше решение о принятии имперского подданства позволяет мне сделать вас действительным членом Совета. Хватит вам ходить в кандидатах, это, в конце концов, просто нелепо при том, сколько вы уже успели сделать для Империи.

Среди присутствующих прошелестел короткий шепоток. Действительный член Малого Совета? Вот это да! Интересно, и каким же это местом теперь попрут против Марии Сазоновой те, кто недоволен ее появлением на светской и политической аренах Кремля? Его высочество высказался совершенно недвусмысленно. Кем бы ни была эта женщина в прошлом, в данный момент она являлась фавориткой великого князя в изначальном значении этого слова: возможно и не любовницей, но любимицей — точно.

В парке было шумно и весело. Лето заканчивалось, но погода не вредничала, и по любой дорожке, лужайке или площадке со спортивными снарядами и обычными качелями носились стайки детей. Многоголосый гам Мэри не раздражал, она испытывала, по жалуй, только что-то вроде зависти. Черт возьми, этим детям не только не запрещали играть во что им вздумается — их в этом поощряли! Их игры не были тренировками, они просто играли, радовались жизни и, похоже, не думали о том, что надо набрать максимальный балл на Испытаниях... Впрочем, Испытаний у этих детей тоже не было. Нет, какие-то, наверное, все-таки были, но никто не пытался убедить малышей в том, что успешное прохождение тестов — единственное, ради чего стоит жить. Помнится, когда его величество во время аудиенции заявил, что бельтайнские методы подготовки экипажей отдают средневековым варварством, она обиделась. Виду, конечно, не показала, но обиделась. Теперь же... теперь она понимала, насколько ущербным, однобоким было ее собственное детство. Вон, даже с горкой она впервые столкнулась здесь, на Кремле.

А еще именно здесь, в Гагаринском парке, она своими глазами увидела памятник человеку, который первым из землян — первым из всего Человечества! — преодолел притяжение родной планеты. Невысокий и не сказать чтобы особо плечистый молодой мужчина улыбался так, что сердце замирало и хотелось улыбнуться ему в ответ. Мэри отдала должное мастерству скульптора: ни одно из до сих пор виденных ею изображений Юрия Гагарина не передавало в такой степени кипучую, бьющую через край энергию. Казалось, что ему и корабль-то не был нужен — и так бы взлетел. А что? Запросто.

Приятно все-таки погреться на солнышке. Особенно теперь, когда основные дипломатические моменты утрясены, а второстепенные являются уже не ее заботой. Хотя Френсис и убежден в том, что без ее вмешательства Бельтайн не получил бы от Империи два списанных линкора в качестве орбитальных крепостей... Вздор, она тут ни при чем. Ну, обмолвилась на Малом Совете...

Неслышно подошедший Вальдес деликатно откашлялся, привлекая к себе ее внимание:

— Мария?

— Здравствуйте, Хуан, — улыбнулась она, стряхивая с себя задумчивость. — Спасибо за приглашение на прогулку, оно пришлось как нельзя кстати. Что-то я в последнее время совсем света белого не вижу. Хандрю, раздражаюсь по мелочам...

— Я так и понял. Ваше блестящее выступление третьего дня, на приеме в бельтайнском посольстве, произвело на всех присутствующих неизгладимое впечатление. Но мне показалось, что вы остались не слишком довольны — то ли сказанным, то ли собой.

Мэри досадливо скривилась:

— Не напоминайте, Хуан. Черт знает, что такое — совершенно вышла из себя. И казалось бы, что за повод? Ну, наговорила мне тетушка глупостей...

— Должен вам заметить, сеньорита, — наставительным тоном начал Вальдес, — что будь у меня такая тетушка, я бы...

— Ничего бы вы не сделали, сеньор. Вы же, как-никак, кабальеро. А вот я, похоже, действительно не умею вести себя в приличном обществе.

Вальдес нетерпеливо взмахнул рукой, словно Отметая сказанное:

— Прежде всего, как показала практика, этого не умеет графиня Денисова.

— Очень может быть, — пожала плечами бельтайнка. — Но это не оправдание для меня. И бабушка расстроилась... ладно, оставим эту тему, она мне неприятна, и я не собираюсь портить себе настроение в такой прекрасный день, как сегодня.

Мэри дождалась, пока проворный официант поставит на маленький столик запотевшие бокалы с лимонадом и удалится, с удовольствием отпила несколько глотков и требовательно посмотрела на своего собеседника.

— Давайте перейдем к делу, Хуан. Только не говорите мне, что предложили мне прогуляться по парку исключительно ради моего несомненного очарования.

— Мария, вы разбиваете мое бедное сердце! — подчеркнуто театрально вздохнул Вальдес и тут же стал серьезным. — Впрочем, вы правы, хотя бы отчасти. Я действительно считаю вас очаровательной. И, будем откровенны, не отказался бы как-нибудь утром подать вам кофе в постель, — Мэри приподняла брови и вопросительно улыбнулась. Хуан слегка развел руками — мол, что есть, то есть — и продолжил: — Но сейчас меня интересуют не ваши прелестные ушки, а то, что находится между ними. Прежде всего, позвольте еще раз поблагодарить вас за встречу с князем Цинцадзе, которую вы мне организовали.

Мэри довольно прищурилась. Означенная встреча произошла на приснопамятном балу. После разговора со свояком и сумасшедшего чардаша она посчитала, что терять ей, в сущности, нечего: сплетней больше, сплетней меньше... невелика разница. Поэтому она быстренько поинтересовалась при помощи коммуникатора, что думает Ираклий Давидович по поводу конфиденциального разговора с военным атташе Рах Мехисана. Отцовский крестный не возражал. Так что Хуан, совсем было решивший (в результате пары прозрачных намеков), что после танца ему перепадет поцелуй в укромном уголке на балконе, внезапно оказался в обществе главы Службы безопасности. Выражение лица достойного кабальеро в тот момент Мэри с удовольствием отложила в свою копилку приятных воспоминаний. Туда же отправилась мысль о том, что подумают собравшиеся, если в зал она вернется одна, а сеньор Вальдес не вернется вовсе.

Между тем Хуан, переждавший, пока мечтательное выражение на ее лице сменится спокойным вниманием, снова заговорил:

— Наша беседа с его светлостью принесла определенные плоды, однако...

— Хорошо, но мало? — понимающе усмехнулась Мэри.

— Именно так. Я получил исчерпывающую консультацию, но для того, чтобы я мог воспользоваться ею, мне не хватает фактических данных. Ладно, не буду ходить вокруг да около. Как вы смотрите на то, чтобы немного развеяться и попутно обзавестись вечным должником?

— Вы хотите, чтобы я прогулялась на Кортес, составила собственное мнение по поводу происходящего там и поделилась им с вами?

Военному атташе внезапно стало немного не по себе. Слишком умных женщин он не любил и, правду сказать, побаивался, поэтому просто кивнул в ответ.

— А вы нахал, сеньор, — голос его визави ощутимо похолодел.

— Это для вас новость, сеньорита? — Хуан решил идти напролом. Как это говорят здесь? «Либо пан, либо пропал»? — Мария, поймите меня правильно. Мой визит туда невозможен по целому ряду причин. И рядом со мной нет никого, чье суждение было бы по-настоящему независимым. Независимым и квалифицированным, заметьте. Никого, кому я мог бы доверять. Никого, кроме вас, как ни странно это звучит. Я понимаю, что прошу непомерно много. И что мне, в сущности, нечего предложить вам взамен, я понимаю тоже.

— Это хорошо. Хорошо, что вы понимаете, — она откинулась на спинку легкой пластиковой скамьи, и полузакрыла глаза, подставляя лицо пробивающемуся сквозь ажурную листву солнцу. Казалось, она потеряла всякий интерес к разговору. Несколько минут спустя, когда Хуан уже мысленно распрощался с надеждой на положительный или хотя бы нейтральный ответ, Мэри подняла веки и посмотрела на него в упор.

— Ладно, допустим. Давайте договоримся так: если я сделаю то, о чем вы просите, вы будете должны мне услугу. Лично вы, Хуан. Со своей стороны обещаю не просить ничего такого, что поставило бы вас в неловкое положение или задело бы вашу честь. Устраивает?

— Мария, я... вы можете не сомневаться...

— Не спешите, сеньор. Подумайте хорошенько. Да и я тоже подумаю, стоит ли мне ввязываться в эту авантюру. Крепко подумаю.

— Даже и не думай! — нельзя было сказать, что Ираклий Давидович Цинцадзе кричит. Но и спокойными его интонации не были. — Опять собираешься неприятностей на свою голову искать? Мало тебе Орлана? Что это за привычка такая — всем доказывать, что круче тебя не доищешься! И ради чего?! Сама же говорила, что Вальдес предпочитает таскать каштаны из огня чужими руками! Я категорически запрещаю, слышишь?!

— А на каком, собственно, основании? — забравшаяся с ногами на диван Мэри отхлебнула чаю и с интересом продолжила наблюдать, как вышагивает по ее кабинету взбешенный князь. Строго говоря, для такого рода упражнений кабинет был маловат, и поэтому создавалось впечатление, что гость мечется, как хищник в клетке.

— Что — на каком основании? — не ожидавший подобного вопроса Цинцадзе запнулся на ходу и остановился, возмущенно глядя на хладнокровную улыбку «крестной внучки». Сидящая на подлокотнике дивана пушистая полосатая кошка косилась на него с явным неодобрением: бегаёт тут... шумит... непорядок.

— Вы мне запрещаете лететь на Кортес... на каком основании, Ираклий Давидович?

Глава имперской Службы безопасности набрал полную грудь воздуха для ответа, но вдруг выдохнул, покачал головой и нарочито спокойно осведомился:

— Тебе когда-нибудь говорили, что ты засранка?

— Неоднократно, — пожала плечами Мэри. — Засранка, нахалка, поросенок... Но вы не ответили на мой вопрос. Я не ваша подчиненная, не ваша несовершеннолетняя дочь и, тем более, не ваша собственность. Вы можете мне советовать. Вы можете меня уговаривать. Вы можете попытаться изменить мою точку зрения. Но приказать или запретить? Извините, нет. Я рассказала вам о своем намерении посетить Кортес с одной-единственной целью: возможно, у вас имеются какие-то вопросы, ответы на которые вы хотели бы получить. Или задачи, которые вы хотели бы решить. Быть может, есть поручения, которые необходимо выполнить. Но я не спрашиваю у вас разрешения. Не спрашиваю, потому что не нуждаюсь в

нем.

— Ты нужна Империи!

— И очень этому рада. Но уверены ли вы, что в данном случае заботитесь именно об интересах Империи?

Цинцадзе, который, положив руку на сердце, не мог ответить на этот вопрос однозначно положительно, мрачно посмотрел на нее из-под нахмуренных бровей. Однако дерзкую девицу это не смутило: привыкла, должно быть, к недовольству реальных и потенциальных командиров. Вон как глаза сверкают, еще немного — и дырку прожгут. Поэтому князь только махнул рукой, пробормотал нечто среднее между «потом поговорим» и «черт бы тебя побрал», кивнул и вышел из кабинета. Сдаваться он не собирался, и это было очень заметно. Даже со спины.

Мэри с хмурой улыбкой посмотрела на закрывшуюся дверь. Подождя для верности несколько минут, она решительно водрузила Матрену на правое плечо и вышла в сад. Ей надо было как следует подумать и запастись хорошими, выверенными аргументами. В глубине души она признавала правоту отцовского крестного: как минимум половина неприятностей на Орлане произошла с ней потому, что она, почуяв слежку, не обратилась за помощью, полагая себя самой компетентной на планете и в прилегающем пространстве. Сочла расследование отцовской гибели своим личным делом и вполне закономерно огребла. А ведь твердь — не космос, на поверхности ее навыки боевого пилота малоприменимы, а как полицейский оперативник она всегда выступала под прикрытием. Да и было тех выступлений... Но просьба Вапдеса оценить обстановку на Кортесе по непонятной пока причине казалась ей обязательной к выполнению, а в таких вопросах она привыкла доверять своей интуиции.

Как бы то ни было, больше она без надежного сопровождения в потенциально опасное место не сунется. Хватит строить из себя великую воительницу древности, пора повзрослеть. Да и экипажу надо бы проветриться. Хотя... был один нюанс, смущавший Мэри при составлении планов на ближайшее будущее. Она была вовсе не так уверена в неприступности своих позиций, как стремилась это продемонстрировать Ираклию Давидовичу.

Да, ее начальством он не являлся, но это не значило, что у него не найдется рычагов воздействия на нее. Правда, насколько Мэри успела узнать этого человека, привлекать к решению вопроса ее родню он не станет. По тем же самым причинам, по которым пытается не позволить ей отправиться на Кортес. Так что с этой стороны опасность ей почти наверняка не грозит. Но как бы она ни хорохорилась, два командира у нее на Кремле все-таки имеются. Князю есть к кому апеллировать. И если старшего по возрасту и званию Цинцадзе, скорее всего, беспокоить не станет, то младшего в известность поставит всенепременно, тут уж, как говорится, и к бабке не ходи.

Глава 8

Капитан первого ранга дон Мигель Агилар был угрюм, но деловит. Командиру «Сантьяго» не нравилась сложившаяся ситуация, не нравилась как в целом, так и в частностях. Однако в присутствии военного министра он был весьма ограничен в способах выражения своего недовольства. Кроме того, Агилар принадлежал к тому не слишком распространенному в Рах Мехисана типу людей, которые допускают проявление эмоций только после того, как дело сделано и никогда — до.

К сожалению, об Аугусто Фернандесе этого сказать было нельзя. Каким образом этот человек умудрился занять министерский пост, Мэри не понимала. Как не видела и необходимости в многословной тираде, обрушенной доном Фернандесом на головы всех, кто имел несчастье его слушать. Ему что же, просто нравится звук собственного голоса? Так шел бы в актеры, с таким темпераментом в звезды выбился бы моментально...

— Нет, это просто невозможно! Должен быть еще какой-то выход! Сеньорита

Сазонова, я не сомневаюсь в мужестве и компетентности экипажей, составляющих эскорт «Сантьяго», но их восемнадцать! Восемнадцать! А москитников двести пятьдесят! Вы пони...

— Довольно, сеньор Фернандес! — этот фонтанирующий пафосом болтун за каких-нибудь четверть часа успел утомить Мэри до последней степени, и она, не выдержав, рывкнула на него, как на провинившегося канонира. Как ни странно, это подействовало. Министр осекся на полуслове, что дало ей возможность обратиться непосредственно к командиру корабля.

— Сеньор Агилар, как вы оцениваете шансы «Сантьяго» выйти на дистанцию главного калибра, если предложенный мной план не будет реализован?

— Процентов двадцать. А вы, сеньорита? — никаких иллюзий, похоже, у каперанга не было. Разве что немного оптимизма.

— Двенадцать — пятнадцать. Причем насколько ваш корабль к тому моменту будет способен стрелять, неизвестно. Я рада, что мы понимаем друг друга.

— Можете не сомневаться, — Агилар зло усмехнулся краешком напряженного рта. Будучи уроженцем Санта-Марии, он полагал, что женщинам в армии делать нечего. Но, как известно, не бывает правил без исключений. А досье майора Гамильтон он успел просмотреть за то время, пока Фернандес разглагольствовал о вещах, в которых разбирался существенно меньше, чем ему полагалось по должности.

Мэри удовлетворенно кивнула. Этот кабальеро ей нравился. Он хотя бы в состоянии подумать над ее предложением, а это уже кое-что.

— Кто командует эскртом, сеньор?

— Капитан Кромарти.

— Кромарти? — Мэри на несколько секунд задумалась, припоминая. — Которая из? Рона Магдален или Дейдре Патриция?

— Дейдре Патриция.

— Отлично, сеньор. Нам повезло. А вот Маркесу, сдается мне, не очень. Вызовите капитана Кромарти на связь, кому, как не ей знать возможности экипажей, входящих в состав эскорта.

Минуту спустя Мэри с удовольствием всматривалась в лицо бывшей однокашницы. Дейдре Кромарти была младше Мэри Гамильтон на два года, однако им довелось послужить вместе и совместно проведенные операции оставили у Мэри вполне позитивные впечатления.

— Капитан Кромарти?

— Майор Гамильтон?

— Я в отставке, Дейдре. Поговорим без чинов. Вы в курсе сложившейся ситуации?

— Так точно, — забрало шлема было поднято, но если командир эскорта и нервничала, внешне это никак не проявлялось.

— Разрешите наш спор. Большинство участников этого совещания считают, что восемнадцать корветов ничего не смогут сделать с двумястами пятьюдесятью москитниками, — Мэри холодно прищурилась. — Я же полагаю, что мы их порвем. Ваше мнение?

— Кто будет на сцепке, Мэри? — судя по тому, какое выражение лица скроила сейчас капитан Кромарти, ответ она знала.

— Я. У меня есть корабль, который вполне сойдет за боевую единицу и весь мой последний экипаж при мне.

— В клочья, Мэри. Мы порвем их в клочья, — капитан оскалилась в усмешке, полной мрачноватого азарта.

— Благодарю за доверие, Дейдре, — Мэри слегка поклонилась своей собеседнице и обратилась к командиру «Сантьяго»: — Сеньор Агилар, ваша задача — через четыре часа быть в той точке, координаты которой я вам сейчас передам. Держитесь позади ордера, на рожон не лезьте. Если москитники все-таки подтащат нас к «Конкистадору», попробуйте

поддержать моих ребят огнем. Бейте по крепости, с кораблями мы сами разберемся. Сеньор Рамос, теперь вы.

Командующий полицией Кубка вскочил на ноги и щелкнул каблуками. Почему-то у него не возникло ни малейших сомнений в том, что эта женщина имеет право отдавать приказы.

— Я не сомневаюсь в успехе, но хотела бы свести потери к минимуму. В связи с этим я намерена немного поторговаться. Ведь те, кто не предпринял еще ничего против наземных сил и поселений, против «Сантьяго» и моих людей, преступниками не являются. С моей точки зрения, примкнуть к повстанцам — не преступление, а глупость. Поэтому вы сейчас, сию минуту, не сходя с этого места, дадите мне слово.

Ваше честное слово, что те, кто, не вступая в бой, уйдут в атмосферу и приземлятся на Кубке, получают полную амнистию. Итак, сеньор?

Генерал Рамос под непреклонным взглядом Мэри еле заметно передернул плечами, нахмурился и, наконец, кивнул.

— Я даю вам свое честное слово, сеньорита.

* * *

Пессимист редко ошибается в оценке ситуации. Но оптимисту определенно веселее живется. Что лучше? Именно об этом думала Мэри, суматошно собираясь в театр. Разумеется, можно было сделать вид, что упрямый вид Цинцадзе и приглашение от Константина, последовавшее менее чем через час после ухода князя, никак между собой не связаны. Можно было притвориться, что ее ожидает приятный вечер в приятном обществе. Вполне оптимистичный подход. Вот только пользы с того оптимизма... Впрочем, общество-то будет приятным, сомневаться не приходится. А вечер... что ж, там видно будет. В конечном итоге он будет таким, каким его сделаешь ты, не так ли?

В театре Мэри была второй раз в жизни и, надо сказать, не чувствовала по этому поводу никакой ущербности. Понятное дело, нашлось бы немало людей, которые — вполне искренне! — посочувствовали бы несчастной вояке, которая в силу воспитания и образа жизни была лишена возможности расширить таким образом свой культурный кругозор. Но сама Мэри отнюдь не чувствовала себя неполноценной. Да, театр — это красиво. И есть что-то завораживающее в той какофонии, которую издает настраивающийся оркестр. И напряженное ожидание, щекочущее вены изнутри в тот момент, когда медленно гаснет гигантская люстра, определенно добавляет к вкусу жизни что-то весьма важное. Но вот потом...

Все-таки, наверное, классический балет с его высокими чувствами не для нее. Ей бы что попроще. Может быть, если бы Корсаков выбрал что-то не столь жестко структурированное, они бы и договорились. Хотя вряд ли. Ладно, бог с ним, с балетом. Посмотрим, так ли хорош старина Шекспир, как это принято считать, и насколько расходятся ее впечатления от прочитанной когда-то пьесы с ее постановкой. С постановками вообще беда. Когда ты читаешь, то представляешь себе героев, их жесты и интонации, выражение их лиц и ритм движений. А постановка показывает — или даже навязывает тебе — чужое видение. Оно не лучше и не хуже твоего, просто другое.

Так или примерно так думала Мэри, пробираясь сквозь толпу вслед за встретившим ее у входа в Императорский театр комедии капельдинером. Вот что ей в театре не нравилось совершенно определенно — так это форма одежды. По крайней мере, та, которая была принята для зрителей партера и лож. И даже не для зрителей, а для зрительниц. Ну не любила майор Гамильтон длинные платья. Не любила — и все тут. И шаги приходится делать маленькие, и за шлейфом следить, будь он трижды неладен, чтобы и самой в нем не запутаться и не дать кому-нибудь на него наступить. Традиции, так их...

Когда, уже перед самым третьим звонком, она добралась наконец до императорской ложи, там оставалось свободным только одно кресло — слева от великого князя. Справа от

него сидела незнакомая Мэри дама лет сорока с хвостиком. Впрочем, знакомых в ложе и не было, если не считать собственно Константина. Церемония представления прошла как обычно, свет погас и спектакль начался.

Почти весь первый акт Мэри просидела как на иголках. Это не помешало ей отметить прекрасную игру актеров и аплодировать в нужные моменты, но вот получить удовольствие по полной программе не удалось. Скорей бы уж Константин высказался, что ли... Ведь ему есть что сказать, это Мэри ощущала кожей. Впрочем, она понимала, что до антракта им не удастся поговорить. Так что оставалось лишь смириться с неизбежным и хохотать над выходками Шута.

Наконец занавес закрылся, и Константин учтиво предложил ей руку. Дама, представленная перед началом спектакля как Анна Заварзина, едва заметно нахмурилась и снова вернула на лицо безмятежное выражение. Между тем для гостей великого князя были накрыты несколько столиков в буфете. Мэри, повинувшись легкому нажиму на локоть, присела за самый дальний из них, полускрытый в нише стены. Соседние столики остались пустыми, конфиденциальность беседы была обеспечена по полной программе. Константин пристроился рядом, коснулся ее бокала своим и вдруг улыбнулся широкой мальчишеской улыбкой.

— Вы нервничаете, Мария Александровна? Напрасно. Право же, не стоит.

— Не стоит? — она слегка склонила голову к правому плечу и неуверенно улыбнулась в ответ.

— Не стоит. Я пригласил вас сюда, во-первых, потому, что мне приятно ваше общество, а во-вторых, чтобы иметь возможность, не кривя душой, сообщить князю Цинцадзе, что лично побеседовал с вами. Он очень беспокоится.

— Я так и поняла. Но...

Константин неожиданно поднял ладонь, прерывая ее.

— Скажите, Мария Александровна... Почему вы согласились на просьбу сеньора Вальдеса?

— Честно? Не знаю, Константин Георгиевич. Просто мне хочется побывать на Кортесе, а почему?..

— Прекрасный ответ. — Она видела, что первый наследник действительно доволен услышанным, хотя и не могла понять причину. Тем временем Константин мягко накрыл ее лежащую на столе руку своей, отпил глоток белого вина и пояснил:

— Почему вы решили прилететь на Бельтайн перед самой отставкой? Вам так захотелось. Почему вы приняли предложение Ираклия Давидовича покататься верхом на Чертовом лугу именно в тот день? Вам так захотелось. Вам хочется побывать на Кортесе? Прекрасно. Летите, Мария Александровна. Будем надеяться, что ваша — очевидно, врожденная — склонность оказываться в нужное время в нужном месте не подведет и сейчас.

— Я тоже надеюсь на это, Константин Георгиевич. — Мэри повертела в пальцах бокал, поставила его на скатерть и исподлобья посмотрела на своего собеседника. — Но вряд ли Ираклий Давидович сочтет наши надежды достаточным основанием для реализации того, что он считает опасной авантюрой.

— А его светлости я скажу, — лицо поднявшегося на ноги Константина внезапно отвердело, — что намерен предоставить планете Кортес те же шансы на спасение, которые — руками самого Ираклия Давидовича — были предоставлены Кириллу Сумскому.

Счастливого пути, Мария Александровна. Удачи вам. Только...

— Слушаю вас? — вставшая вслед за ним Мэри снова напряглась.

— Я надеюсь, вы все-таки досмотрите спектакль?

Один прыжок... другой... третий... Никакой навигационной надобности в столь сложных маневрах не было, но Мэри хотела максимально запутать следы. Незачем кому-то раньше времени знать, что баронесса Маргарет Фелиция Эштон и графиня Мария Сазонова

— один и тот же человек. И так существует ненулевая вероятность уже на месте столкнуться с кем-то, кто видел в Пространстве Лордан мисс Аманду Робинсон. И дело отнюдь не во внешности, ее-то поменять не проблема, но вот сопровождение... ну какого лешего Джон с Мэттом такие одинаковые? Однако выбора нет и не предвидится, так что в случае чего сошлемся на то, что это теперь такая мода — держать в качестве телохранителей близнецов. Кстати, не худо бы прикинуть, кто эту моду ввел: Маргарет или Аманда? Возраста они примерно одинакового... нет, пожалуй, все-таки Маргарет. Она, по идее, еще более авантюрна и взбалмошна, чем алабамская подруга Келли О'Брайена. Яхта не слишком узнаваема, такие на Новом Амстердаме собирают давно, а на начинку корпуса госпожа Эштон черта с два позволит кому-то посмотреть. Да и что там той начинки? Между прочим, есть еще один занятный момент. Кто мешает в случае необходимости упомянуть о близком знакомстве двух означенных дам? Может получиться очень даже интересно. А что? Как говорится, рыбак рыбака...

Помимо соблюдения конспирации несколько прыжков давали Мэри время на проведение основа тельной подготовки ее появления на Кортесе. Для того чтобы качественно и по возможности быстро собрать необходимую информацию, следует хорошенько изучить исходные данные. И эти самые данные не радовали вообще. Мэри понимала, почему Империя до поры до времени не считает возможным вмешиваться: Кортес при всей своей богатой истории не был ни колонией, ни даже протекторатом. Количество собственно подданных его величества на планете было невелико и сводилось, в сущности, к сотрудникам русской миссии и работникам представительств различных компаний. Не приходилось сомневаться, что в случае каких-либо неприятностей будут предприняты все возможные меры для их защиты, но...

Было у нее смутное, но тем не менее весьма неприятное ощущение, что упустить момент легче легкого. Что-то подсказывало второму лейтенанту бельтайнской полиции, что с той минуты, когда произойдет нечто сравнительно безобидное и до полномасштабных неприятностей счет пойдет не на дни даже — на часы. В частности, именно поэтому принадлежащая Маргарет Эштон яхта «Леди М.» не осталась в орбитальных доках, а опустилась на Кубок. Это стоило дорого, очень дорого, раза в четыре дороже, чем, скажем, на Кремле. Однако Мэри с некоторых пор изрядно дорожила своей шкурой, а деньги всего лишь деньги.

С первых же часов, проведенных ею на Кортесе, стало понятно, что степень взрывоопасности ситуации куда выше, чем представляется Вальдесу. Причем на Кубке и Мече все было относительно спокойно. Население этих континентов преимущественно состояло из потомков русских ссыльных, слегка разбавленных выходцами из Небесной империи и Свободных планет. Народ этот был невозмутимый и основательный, предпочитающий заниматься своими повседневными делами, и не тратящий времени на пустую болтовню. А вот Жезл и Денарий подспудно бурлили, и оставалось только гадать, когда слетит крышка, и кто в итоге попадет под струи пара и потоки кипятка. По прикидкам Мэри, мало не должно было показаться никому.

В русскую миссию она о своем прибытии решила не сообщать. Разве что чуть погодя, когда станет хотя бы приблизительно понятно, с чем придется иметь дело. Сейчас ей требовалась независимость и мобильность. Следовало по полной программе использовать те возможности, которые предоставляли ей приобретенные на Лордане документы. Мэри отдавала себе отчет в том, что Маргарет Эштон фигура весьма заметная, более того, она совершенно сознательно сделала ее таковой. Никто и никогда не воспринимает всерьез праздношатающихся бездельников, что-то важное всегда лучше прятать на самом видном месте. Поэтому баронесса Эштон не моргнув глазом указала в графе «цель прибытия» «получение удовольствия от жизни», сделала вид, что либо не расслышала, либо не поняла брошенное вслед по-русски «шлюха!» и отправилась развлекаться.

В последующие две недели ее видели в самых разных уголках планеты. Она

любовалась боем быков. Она участвовала в одном из этапов парусной регаты — в качестве почетной гостьи на борту яхты. Она посетила Межконтинентальную выставку кошек. Она несла цветочную гирлянду на процессии в честь святой Марии Гваделупской, и близнецы-телохрани тели, идущие вслед за ней, были серьезны и предельно благообразны. Она даже в школу танго ухитрилась заглянуть на минутку и остаться на три часа, после чего владелец школы пригласил ее на ужин, получил вежливый отказ и напился с горя как сапожник.

Завершающим картину штрихом стало ее появление на праздновании Дня Золотого Дракона в обществе мастера Чжана. Этот последний был предупредителен, почти благоговееен и вообще вел себя так, словно его жизнь зависит от того, получит ли госпожа Эштон удовольствие от зрелища. Причина такого поведения старика осталась для посторонних тайной за семью печатями, но Мэри знала ответ, потому что сама же его и состряпала. Она здраво рассудила, что компактно селящиеся и берегущие традиции выходцы из Небесной империи могут в случае чего стать той песчинкой, которая перетянет чашу весов в нужную ей сторону. Поэтому, наведя в промежутках между разнообразными эскападами самые подробные справки, она явилась в дом мастера Чжана.

Визиту предшествовали несколько сеансов конфиденциальной межсистемной связи — добиться возможности поговорить с вдовствующей императрицей Лин Юань оказалось не так-то просто. Тем не менее их беседа все-таки состоялась. В процессе ее выяснилось, что императрица-мать помнит госпожу Гамильтон и по-прежнему испытывает к ней самые дружеские чувства.

Вы совершенно правы... графиня, не так ли? Как видите, я не ошиблась, когда предсказывала ваше будущее... ну, это мелочи, кроме того, если мне не изменяет память, первый наследник русского императора холост? Ах вот как... Что ж, вы всегда знали, чего хотите, это было заметно, даже когда вы были всего лишь пилотом. Однако к делу. Вы правы, наши соотечественники никогда не становятся «бывшими». С кем бы вы хотели наладить контакт? Хорошо. Пришлите мне коммуникационный код и сообщите время вашей предполагаемой встречи с этим человеком. Я постараюсь вам помочь.

На следующий день Мэри представился случай восхититься пунктуальностью своей царственной знакомой. Спустя всего десять минут разговора ни о чем, который она завела, придя к мастеру Чжану, кто-то из младших родственников появился на пороге и под грозным взглядом хозяина что-то пролепетал. Чайниза Мэри не знала, но о сути сказанного догадалась по тому, как изменилось до сего момента совершенно бесстрастное лицо старика. Виртуальный дисплей был развернут прямо перед ними, юнца как ветром сдуло, а с экрана на обоих собеседников посмотрела вдовствующая императрица-мать. Простершемуся ниц Чжану было на уника разрешено подняться, а Мэри она попросила распустить волосы. Верно поняв госпожу Юань, Мэри вынула шпильки из прически и положила их на стол, скомкав вуалетку и спрятав ее в сумочку. Рядом со стилетами легла нефритовая табличка.

— Господин Чжан, — неторопливо начала императрица-мать, — я приветствую вас. Также я приветствую в вашем доме Мэри Александру Гамильтон, «Госпожу, сохраняющую преемственность». Должна ли я уточнить, кого вы имеете честь принимать под своей крышей?

Чжан проронил только одно слово, госпожа Юань благосклонно кивнула.

— Господин Чжан, обстоятельства могут сложить ся так, что госпоже Гамильтон понадобится помощь. Ваша помощь и помощь всех тех, кто еще не забыл, где увидели свет их предки. Могу ли я рассчитывать на то, что помощь будет оказана?

В ответ старик низко поклонился и что-то пробормотал. Императрица выглядела удовлетворенной.

— Госпожа Гамильтон, все дальнейшие вопросы вы решите с господином Чжаном. Я же со своей стороны желаю вам успешного завершения вашего предприятия на Кортесе, и надеюсь, что вы выберете время и посетите Бэйцзин. Прощайте. — И экран погас.

Мэри усмехнулась про себя — до сего момента она полагала, что ни один из соотечественников мастера Чжана физически не может открыть глаза так широко, — а вслух

произнесла вежливо, но твердо:

— Я надеюсь, вы не в обиде на меня, господин Чжан, за то, к какому способу привлечения вашего внимания мне пришлось прибегнуть. На Кортесе творится неладное. Думаю, вы понимаете это не хуже меня. А самое скверное то, что времени почти не осталось.

И вот сейчас она сидела под вычурным навесом, прихлебывала что-то, заставляющее кровь быстрее бежать по венам, и любовалась шествием. Танцоры и акробаты, глотатели огня и монахи в шафрановых рясах, огромный дракон, сверкающий всеми цветами радуги в сполохах фейерверка... Красиво. Очень. Но не ко времени. Однако не обижать же мастера Чжана? Старик и так ходит как пришибленный. Впрочем, деятельность при этом он развил весьма бурную. Если бы еще он так не старался выполнять и даже предвосхищать малейшее ее желание... Вот, лапочка, смотри и учись, как должен вести себя истинный подданный. Нравится? Нет? А ведь тебе теперь, считай, без разницы...

Время, время, время. Проклятое время. Его все меньше, жареным пахнет все сильнее... Что же задумал Маркес?! Нет, что задумал — понятно, недаром же все пилоты москитников русского происхождения под разными предлогами отправлены в отпуск. Но когда и в какой форме он станет осуществлять задуманное? Черт бы его побрал, она даже толковые указания не может раздать своим столь своевременно обретенным подчиненным. Так, по мелочи. Кое-какие ходы вполне очевидны, но... Эх, посоветоваться бы с Дядюшкой, уж он-то сообразил бы... нельзя. Нельзя ничего, что пусть даже косвенно свяжет Маргарет Эштон с ее столь любопытным для некоторых подлинным прошлым. Контакт с Бэйцзином был вынужденной мерой, да и вряд ли кто-то додумается до его истинной подоплеки, даже если о нем станет известно. А вот если хоть где-то мелькнет Бельтайн... У таких, как Маркес, память хорошая, уж название-то родины девицы, столь нестерпимо оскорбившей его когда-то, он точно не забыл.

А ведь попытки докопаться до ее подноготной уже предпринимаются. Мэтта пытались напоить в баре и расспросить о нанимательнице... хорошо еще, что напоить, а уж тем более перепить бельтайнца... ну-ну, пробуйте, господа хорошие, пробуйте. Я с удовольствием полюбуюсь результатом.

Вокруг яхты начали крутиться какие-то подозрительные личности... этим, впрочем, быстро объяснили, что они попали не по адресу, сначала Рори, потом несколько троюродных внучатых племянников мастера Чжана. Судя по всему, пора прекращать заниматься самодеятельностью, как бы весело и интересно это ни было. Послезавтра прием в честь празднования Дня Урожая, приглашения уже доставлены... Вот после приема, пожалуй, и наведаемся в русскую миссию. Посидим, помаракуем. Этот Мамонтов, похоже, вполне компетентный специалист, а две головы лучше одной. Итак, решено.

Утром в день приема Мэри поднялась в самом скверном расположении духа. Всю ночь ей снилась какая-то несуразица, из которой она запомнила только мрачного Келли О'Брайена. Келли предостерегающе качал головой и уже почти начал говорить — но тут она проснулась. В то, что мертвые снятся живым только для того, чтобы вскоре забрать их с собой, Мэри не верила. Будь это так — на мемориальном кладбище Нью-Дублина уже давно появилась бы плита с ее именем.

А вот то, что покойный напарник хотел о чем-то предупредить Мэри, было, с ее точки зрения, весьма вероятно. Своей интуиции она привыкла доверять. Вот только что Келли имел в виду? Так, а ну-ка быстро вспомнила, о чем ты думала, засыпая? Опасность... а когда и где тебе было безопасно в последнее время? Прием? А что с ним не так, прием как прием... Стоп. Оружие! Брать ли с собой оружие! Точно, вот об этом ты и беспокоилась, уже проваливаясь в сон. Так-так-так. И при чем тут Келли к оружию? Хотя... Во время вашей вылазки в «Золотой клевер» ты сумела протащить пистолет внутрь только потому, что рядом с тобой был твой напарник. Никто и не подумал обыскивать или сканировать Келли О'Брайена и его спутницу, но это вовсе не означает, что не сканировали всех остальных... А

если ты явишься на прием вооруженной, это отсекут и завернут тебя с порога?.. Стоило этому соображению мелькнуть в голове Мэри, как она внезапно успокоилась. Ну вот и славно. Разобрались. И самой ничего не брать, кроме пресловутых шпилек, и близнецам запретить.

В правильности принятого решения она убедилась еще на подходе к зданию ратуши, где, собственно, и проходил прием. То, что творилось на входе, иначе как «шмоном» назвать было нельзя. Не то чтобы ей нравилось это слово, но оно наиболее точно характеризовало происходящее. Так что оставалось только втихомолку радоваться, что ничего запрещенного у Маргарет Эштон и ее сопровождающих нет. Некоторые сомнения вызывали «шпильки», но Мэри уже не раз имела возможность убедиться в том, что сканеры воспринимают их как монолитные конструкции. Каким образом придворные мастера Бэйцзина достигли такого эффекта, она не знала, да по большому счету ее это и не интересовало. Прокатывает — и ладно. Вот и на этот раз прокатило. Теперь можно было бы и успокоиться, вот только... ох, как же здесь неудобно.

Нет, внешне все вполне на уровне, красиво, вкусно и безобидно, но внутренний голос, к которому она старалась по возможности прислушиваться, вопил: «Опасность! Опасность! Опасность!!!» И ей стоило немалого труда изображать полнейшую беззаботность, смеяться, шутить и флиртовать. Ни в коем случае нельзя было дать понять возможным наблюдателям, что она что-то почуяла. Тем более что, спроси ее кто-нибудь, она не смогла бы внятно определить, в чем состоит угроза и откуда она исходит. Тревога разливалась в воздухе, заставляла кожу покрываться мурашками, покалывала суставы. И все, что покамест могла предпринять Мэри, это ограничиться в качестве партнеров по танцам близнецами.

Несколько раз она ловила на себе внимательные, настороженные взгляды Аркадия Мамонтова и его помощника. Впрочем, можно было не сомневаться в том, что этим двоим не нравится не ситуация, а баронесса Эштон. Ничего, господа, вот после приема я нанесу визит в русскую миссию, и там мы посмотрим, кто кому не нравится и почему. Сия ехидная мысль дала ей возможность слегка расслабиться, что Мэри и сделала и, как оказалось, совершенно напрасно. Потому что несколько минут спустя невеста откуда взявшийся адреналин хлестнул по успокоившимся было нервам, как плетью. В центре зала возникло какое-то непонятное оживление, люди бросились к стенам, а на освободившемся пространстве осталась живописная группа из трех женщин и девяти мужчин. Женщинам выкручивали руки и приставляли к головам плазмовики — это в помещении-то, причем тут ведь и дерево, и драпировки... эти придурки что, совсем рехнулись? — а шестеро свободных мужчин, рассыпавшись кругом, держали под прицелом зал.

Ну, вот и началось, со странной смесью раздражения и облегчения подумала Мэри, послушно закладывая руки за голову и нащупывая пальцами головки шпилек. Теперь надо прикинуть, как... ага, понятно.

— Мальчики, — делая голос максимально испуганным, пролепетала она на кельтике, — главного и усатого снимаю я. Мэтт, твой крайний левый. Джон, берешь патлатого. По моему сигналу... хоп!

Шпильки выпорхнули из ее рук, как отпущенные на волю голуби на свадьбе. Дурацкое сравнение, но почему-то именно оно пришло в голову в тот момент, когда главарь, выронив оружие и отпустив женщину, заскреб пальцами пробитое стилетом горло. Усатый красавчик в последний момент чуть повернулся, поэтому второй стилет попал не в шею, а в руку, держащую плазмовик, что, впрочем, тоже устраивало Мэри. Главное, мерзавцу пока не до стрельбы. Сама она уже катилась в ноги третьему из намеченных для себя противников. Совершенно не рассчитанное на такого рода физические упражнения платье трещало по всем швам, но Мэри было не до того. Вскочить на ноги... а, черт, проклятые туфли!.. основанием ладони ударить снизу в нос, загоняя сокрушаемые ударом хрящи внутрь черепа... схватить плазмовик... тебе ведь уже не нужно оружие, малыш, правда же? Пристрелить того, кому пробила кисть... Мамонтов был где-то поблизости... привлечь внимание... лови, мужик, мне

некогда! Упасть, перекатиться... есть!.. Джонни, прикрой, Мэтт, сзади... от женского визга закладывает уши... совсем без жертв не выйдет, а жаль... есть! И еще один! Галерея, парни, все внимание на галерею! Какой кретин палит по драпировкам?! Только пожара нам... ага... в борделе во время наводнения... колену, похоже, кранты... плевать... есть!.. что, все?! А ну-ка, ребята, давайте наверх, что-то мне неспокойно...

Стрельба стихла. Мэри еще раз окинула взглядом театр военных действий, убедилась в сравнительной безопасности окружающего пространства и решила, что можно сесть. Положила плазмовик так, чтобы в любую секунду схватить его снова, потянувшись к левой ноге... Дрянь дело. Нет, ну надо ж было этому гадскому каблуку сломаться в самый ответственный момент! И ведь как на грех, надела туфли с застежками у щиколотки. Для танцев в самый раз, а вот для прыжков и перекатов... Были бы без застежек, просто свалились бы с ног, а так... Ладно, связки голеностопа вроде целы, только здорово потянуты. Веселого мало, но могло быть куда хуже. Мениск... да черт с ним. Вот ведь скотство, каблук пополам, нет бы просто отлетел... И платье испорчено безнадежно... Что за чушь лезет в голову?! Нашла время сокрушаться о порванном платье, нечего сказать... Да и про связки молчала бы лучше! Тебе повезло куда больше, чем, скажем, вон той даме, чью мертвую, обожженную плазмой голову сейчас осторожно пристраивает себе на колени мужчина с застывшим как маска лицом... Впрочем, этой женщине, как и еще несколькими людям в этом зале, не повезло совсем.

Мэри внимательно огляделась по сторонам, втягивая ноздрями гарь и прислушиваясь к происходящему вокруг. Звуковое сопровождение не радовало совершенно, как и, с позволения сказать, пейзаж. Со всех сторон слышались стоны и проклятия, хрустело стекло под ногами, кого-то приводили в чувство, бьющуюся в истерике девушку под руки тащили вон из зала, оседал выброшенный системой пожаротушения порошок... А все-таки тел террористов валяется на полу и свисает с галереи существенно больше, чем тел гражданских. Не так уж плохо.

Она подбросила на ладони пострадавшую туфлю, поймала, тяжело вздохнула и устало выговорила по-русски:

— Ох и ни хрена ж себе потанцевали...

Совещание закончилось. Мэри мельком покосилась на хронометр и подняла глаза к потолку, что-то прикидывая.

— Аркадий Евгеньевич, вы поможете нам добраться до космопорта?

— Вы могли бы и не спрашивать, Мария Александровна, — кажется, Мамонтов слегка обиделся. — Машина и эскорт в вашем распоряжении, на улицах сейчас небезопасно...

— Согласна с вами. Так, это решили. Теперь второй момент. Раз вы нам поспособствуете с транспортом, в нашем распоряжении имеется около получаса. Надеюсь, я не покажусь вам слишком бесцеремонной, если попрошу нас покормить? Идти в бой на голодный желудок...

— Разумеется. Озерец!

— Я! — щелкнул каблуками порученец.

— Ужин сюда, быстро!

— Есть! — Парня как ветром сдуло. Должно быть, не слишком рассчитывая на коммуникатор, он решил лично поторопить обслуживающий персонал.

Мэри благодарно улыбнулась Мамонтову и присела на краешек стола. Колено совсем успокоилось, и теперь она покачивала ногой в воздухе, наблюдая за приближающимся Рори.

— Командир! — обратился к ней бортинженер и Мэри, удивленно приподняв брови, соскочила со стола — Слушаю, О'Нил. — Судя по выражению лица двигателя, у него было какое-то серьезное дело. Да и командиром он ее в последнее время называл не так чтобы очень часто...

— Я понимаю, что у нас всего полчаса... но нельзя ли за это время найти

католического священника?

Просьба показалась Мэри настолько абсурдной, что она не сдержала ехидный смешок:

— Рори, поверь, все совсем не так плохо, чтобы го товиться к встрече с Создателем! Да и исповедь твоя, боюсь, займет куда больше получаса!

— Дело не в исповеди, — буркнул О'Нил.

— А в чем же?

Двигателист молча притянул к себе за плечи подошедшую Элис и требовательно уставился на Мэри.

— Вот даже как! — протянула она, с улыбкой переводя взгляд с одного напряженного лица на другое. — Интересно... И как же, если не секрет, вы договорились?

— А очень просто, Мэри, — ухмыльнулся Рори, снова становясь привычным шалопаем, — Элис будет днем командовать, я — ночью...

Мэри покосилась на мужчин вокруг, изо всех сил старающихся сохранить серьезное выражение на лицах, й, не выдержав, рассмеялась.

— Извольте видеть, господа! Рецепт счастливого брака по-бельтайнски! Рори, я понимаю, в чем проблема, только зачем вам священник, скажи на милость? У вас есть я! Конечно, здесь не борт «Джокера», но я командир экипажа, членами которого вы оба являетесь... так, ну-ка быстро, вы двое, — обернулась она к ошивающимся поблизости Джону и Мэтью, — будете свидетелями. И нечего хихикать, вы следующие на очереди! Дон Рамос, не откажите в любезности... Моему второму пилоту негде взять посаженного отца.

— Почту за честь, если сеньорита Донахью не возражает, — торжественно поклонился генерал, и Элис робко улыбнулась ему в ответ.

— Ну, вот и отлично, — решительно кивнула Мэри. — Я буду говорить на спанике, чтобы все присутствующие поняли смысл сказанного и впоследствии, наравне с Джоном и Мэттом Рафферти, могли бы, в случае необходимости, засвидетельствовать, что бракосочетание состоялось. Туда! — взмахнула она рукой в сторону сравнительно пустого пространства на другом конце конференц-зала. Рамос предложил руку Элис, близнецы подтолкнули О'Нила в спину и все двинулись в указанном направлении.

Дойдя до выбранного места, Мэри остановилась. Перед ней стояли Рори, торжественно подведенная к нему Рамосом Элис и резко посерьезневшие братья Рафферти. Остальные полукругом расположились за спинами главных действующих лиц. Вкатившим сервировочные столики буфетчикам знаками велели соблюдать тишину.

Мэри медленно выдохнула, вытянула перед собой руки ладонями вверх, потом повернула их и, повинаясь этому жесту, одновременно повелительному и благожелательному, Рори и Элис опустили на колени.

— У нас не так уж много времени, — начала она, глядя на жениха и невесту, — да и службу я знаю не слишком хорошо, так что опустим детали. Я, Мэри Александра Гамильтон, командир корабля «Джoker», в присутствии свидетелей спрашиваю тебя, Рори Найджел О'Нил: согласен ли ты взять в жены находящуюся здесь Элис Вирджинию Донахью?

— Согласен, — твердо ответил Рори. Ладонка Элис утонула в его лапище, сжимавшей ее пальцы бережно, но крепко.

— Согласна ли ты, Элис Вирджиния Донахью, взять в мужа находящегося здесь Рори Найджела О'Нила?

— Согласна, — голос Элис слегка подрагивал, но личико словно светилось изнутри.

— Властью командира корабля объявляю вас мужем и женой, и да благословит вас Господь. Аминь.

Можешь поцеловать невесту, Рори, только не слишком увлекайся, нам еще воевать. — Торжественность момента испарилась вместе с последними словами Мэри. Все разом заговорили, засмеялись, протолкавшийся вперед служащий миссии смущенно вручил Элис букет цветов, явно набранных на ближайшей клумбе, бортинженера хлопали по плечам, второму пилоту целовали ручку...

Мамонтов приблизился к отошедшей в сторонку, поближе к сервировочному столику,

Мэри и негромко спросил:

— Вы уверены в том, что это было необходимо? Ведь в бою случается всякое, а кроме того, не отвлекутся ли ваши люди на мечты о медовом месяце?..

— Уверена, Аркадий Евгеньевич, — так же тихо ответила она. — Именно потому, что у них будут эти самые мечты. Насколько я знаю Рори О'Нила — а знаю я его всю свою жизнь, — он не позволит каким-то там москитникам встать между ним и упомянутым вами медовым месяцем. Глядишь, и я уцелею, за компанию.

Не ожидавший, должно быть, услышать столь циничное рассуждение Мамонтов слегка попятился, глядя на Мэри во все глаза.

— Эээээ... Мария Александровна, а вам когда-нибудь говорили, что вы...

— Кто? Стерва?

Глава миссии замялся, потом все-таки кивнул.

— Неоднократно. По моим наблюдениям, женщину, как правило, называют стервой тогда, когда после долгих поисков так и не нашлось повода назвать ее дурой. С вашего позволения... — она едва заметно поклонилась и направилась к Рамосу, прихватив попутно со столика бутерброд и стакан с тоником.

Глава 9

Косые лучи вечернего солнца лежали квадратами на узорном паркете пола, но до большого стола дотянуться не могли, и в кабинете императора царил полумрак.

— Все маяки межзвездной навигации отдельно взятой зоны перехода могут замолчать лишь в одном-единственном случае, — тихо проговорил Ираклий Давидович Цинцадзе.

— Вы имеете в виду сознательное выведение из строя, то есть отключение или подавление сигнала? — сухо уточнил хозяин кабинета.

— Именно так, ваше величество. Боюсь, что на Кортесе вспыхнул-таки мятеж, которого опасался сеньор Ватъдес. Признаю свою ошибку: я счел его подозрения не то чтобы безосновательными, но... скажем так — чрезмерными.

Георгий встал, нетерпеливо отмахнулся — сидите уж! — и, заложив руки за спину, начал мерить шагами пространство между столом и окном. Просьба Цинцадзе принять срочный доклад застала его в тот момент, когда он собирался поиграть с младшими сыновьями. В течение дня было не так уж много минут, которые русский император проводил так, как ему хотелось, а не так, как приказывал долг перед вверенной его попечению державой. Поэтому сейчас к тревоге правителя по поводу сложившейся ситуации примешивались недовольство намеревавшегося отдохнуть человека и отцовское чувство вины перед мальчиками. Этот час традиционно принадлежал им, они ждали, а тут...

— Сколько там наших людей? — вернувшийся к столу Георгий Михайлович облокотился на спинку своего кресла и пытливо посмотрел на князя.

— Около двух тысяч человек, государь. Персонал русской миссии, сотрудники торгпредства, служащие филиалов нескольких фирм... — Цинцадзе слегка замялся, что немедленно привлекло внимание императора.

— И?

— Ваше величество?

— Вы уж договаривайте, Ираклий Давидович. Договаривайте.

— По непроверенным данным, графиня Мария Сазонова также в настоящее время находится в системе Таро, — Цинцадзе покосился на Константина. Великий князь сидел верхом на стуле, выпрямившись, сжав пальцами спинку и глядя прямо перед собой.

— Почему вы говорите о непроверенных данных? — ворчливо осведомился Георгий Михайлович.

— Потому, что я не могу их проверить. В данный момент не представляется возможным связаться ни с кем из находящихся на Кортесе. Коммуникатор Марии Александровны не принимает вызов, но мне доподлинно известно, что в систему Таро ее

яхта вошла благополучно.

— Известно? — вскинулся Константин. — Откуда?!

Глава Службы безопасности сухо усмехнулся:

— Я приказал установить на «Джокер» передатчик, срабатывающий в тот момент, когда яхта фиксирует сигнал принимающего маяка зоны перехода. С Марией Александровной не соскучишься, вы это прекрасно знаете и без меня.

— Да я-то знаю, но... как-то все это уж больно похоже на слежку, — поморщился Константин.

— А это и есть слежка, — невозмутимо кивнул князь. — Во-первых, как бы графиня Мария мне ни нравилась, я должен иметь возможность сопоставить то, что она говорит, с тем, что она делает. Это входит в мои прямые обязанности, ваше высочество, не более, но и не менее того.

— И каковы же результаты? — император насмешливо улыбался.

— Пока — совпадает, — столь же насмешливо ответил Цинцадзе.

— А во-вторых? — Константин признавал правоту Ираклия Давидовича, но эта самая правота ему совершенно не нравилась.

— А во-вторых... дочь моего крестника мне все-таки действительно очень нравится. И я хочу знать, куда в случае чего бежать на выручку. Беда только в том, что в данной конкретной ситуации вопрос «куда?» не имеет никакого смысла.

Георгий Михайлович снова прошелся по кабинету. Остановился у экрана, занимавшего почти всю, противоположную окнам, стену. Нахмурился.

— У нас есть какие-нибудь силы поблизости? Я имею в виду, такие, которые смогут максимально быстро прибыть на место при условии возобновления работы маяков?

— «Андреевская» эскадра. Четыре крейсера и четыре эсминца.

— Ну что ж... Я немедленно свяжусь с Адмиралтейством. Пусть командование прикажет эскадре приблизиться к нужной зоне перехода на расстояние разгона перед прыжком и ждать сигнала. Либо заработают стационарные маяки, либо Поисковый флот разыщет нужный выход из подпространства и установит временные. В любом случае терпеть в отношении подданных Империи произвол какого-то выскочки я не намерен.

* * *

Точно в назначенное время Мэри подвела «Джокер» к ею же самой указанной точке. Майор Гамильтон ловила себя на почти непреодолимом желании сказать себе «Хорошая девочка!» и погладить по вновь обритой голове. Одновременно с гравикомпенсаторной броней она приобрела в системе Гете подходящие для бельтайнцев боевые шлемы. Так, на всякий случай. Вот и пригодилось. Всегда хорошо иметь дело с давно привычным оборудованием. Не говоря уж о том, что шлемы, входящие в стандартный комплект поставки, не были рассчитаны ни на использование импланта, ни на подключение тактического анализатора. Да, конечно, покупка обошлась в изрядную сумму, зато теперь можно было не беспокоиться.

Все пока шло по плану: «Конкистадор» миновал Кубок и сейчас под крепостью был океан. С островами, да, но на этих островах никто не жил: даже континенты не были пока что терраформированы полностью. Если все пойдет так, как она рассчитывает... Ну конечно, можно подумать, тебе хоть раз довелось участвовать в бою, который шел в соответствии с предварительными разработками! Ладно, отобьемся — разберемся. А на «Конкистадоре»-то зашевелились, вот уже и москитники показались... Пока от крепости не отходят, но это только пока. Если они хотят не позволить «Сантьяго» приблизиться на дистанцию главного калибра — отойдут, никуда не денутся. Тут-то мы их и прихватим. Что бы там ни воображал себе Маркес, восемнадцать (точнее, девятнадцать, считая «Джокер») бельтайнских боевых единиц — это серьезно.

Руки жили собственной жизнью, сгоняя подчиненным корветам тактические выкладки.

Несколько минут назад пульсация мастер-ключа подтвердила принятие командирами кораблей эскорта «поводков» и сейчас между «Конкистадором» и «Сантьяго» висел в пространстве ордер «Стоунхендж». Да, урезанный. Для полного требовалось двадцать четыре корвета плюс сцепка, но они и так справятся. Наверное. Там видно будет.

Прикинув дистанцию, Мэри скоординировала плавный отход. Для того, что она задумала, ей были нужны полчаса до огневого контакта. Некоторое время назад на связь вышел Агилар и подтвердил готовность подчиняться указаниям. Вот это Мэри радовало по-настоящему: ни времени, ни желания тратить нервы на схватку авторитетов у нее не было. Итак... пора начинать предварительную подготовку.

Поймав диапазон «Конкистадора», Мэри подключилась к передающей станции крейсера — ее собственный передатчик могли и заглушить — и заговорила:

— Всем командирам кораблей москитного флота орбитальной крепости «Конкистадор», циркулярно. С вами говорит майор В КС планеты Бельтайн Мэри Александра Гамильтон. Желающие могут ознакомиться с моим досье в Галанете — портал «Наемные войска», подраздел «Бельтайн». Пусть вас не смущает моя официальная отставка, для вас она не меняет ничего, — она помедлила около полутора минут, давая возможность вероятному противнику понять, с кем они имеют дело. Репутация, та самая репутация, которую она кропотливо создавала себе на протяжении всей действительной службы, сейчас должна была работать на нее. — Довожу до вашего сведения, что при попытке не допустить сближения крейсера «Сантьяго» с орбитальной крепостью или причинить ему вред вы будете уничтожены. Вы в незавидном положении, сеньоры, но выход все-таки есть. Генерал Хавьер Рамос, командующий полицией Кубка, дал мне честное слово, что всем, кто, не вступая в бой, уйдет в атмосферу и приземлится на Кубке, будет гарантирована полная амнистия. У тех, кто так поступит, сеньоры, есть шанс выжить в этой нелепой войне. Остальных мы будем жечь, расчищая дорогу крейсеру. Капитуляция не принимается. Даю вам тридцать стандартных минут на размышление. Время пошло.

А вот теперь можно и немного передохнуть. Еще чуть-чуть назад... Все-таки Агилар молодец, надо отдать ему должное. «Сантьяго» не самый удачный корабль с точки зрения маневренности и то, что сейчас он движется плавно и мягко, целиком и полностью заслуга экипажа вообще и командира в частности. Мэри не представляла себе, что она сама делала бы с такой неповоротливой громадиной. У нее вообще всегда вызывали уважение те, кто управлял крупными кораблями. Она прекрасно понимала, что поставь ее командовать... нет, ну с эсминцем, она, возможно, и справилась бы, хотя... а вот крейсер, тем более — тяжелый крейсер...

Смотри-ка, одна из красных точек на тактическом экране шлема отделилась от общей массы и скользнула вниз. За ней другая... третья... ну надо же, осознали! Так, а теперь стоим на месте. Надо дать понять этим гаврикам, что существует граница, за которую их не пустят. Иначе у Маркеса — Мэри почему-то не сомневалась, что он на «Конкистадоре» — может возникнуть шальная идея дотянуть до Меча и выполнить-таки свою угрозу. А вот хрен тебе. Не позволю. Даже не мечтай. Да, подобные ситуации отрабатывают на тактической кафедре, только... Образование — это одно, а вот годы боевой практики ничем не заменить. Интересно, кстати, на что ты вообще рассчитываешь? Тоже мне, тактик выискался. Тут тебе не тренажер и даже не учебный бой. И шанса я тебе не дам, можешь не надеяться. Один раз я тебя пощадила и, кажется, напрасно. Ничего, на ошибках учатся, и свою я не повторяю.

А, черт! Открыть огонь по покидающим строй... что ж, это можно было предвидеть. Теперь будет сложнее. Нет, все равно уходят. Все правильно: москитник — та еще блоха, его видно плохо, а из него — хорошо, такой малыш вполне в состоянии так выстроить траекторию движения, что попасть в него будет задачей нетривиальной. Тем более для стационарного огневого поста, крепость — не корвет. Что у нас там со временем? Еще пять минут? Отлично. Поразмыслить, что ли, на досуге, о чем-нибудь нейтральном... Например, о том, что хотела, но так и не решилась попросить Мамонтова передать несколько слов Никите в случае, если этот бой окажется последним. Нет, это не годится. Так и лапки сложить

недолго. Тогда о чем? Что-то ничего путного в голову не приходит, и от этого нервы только пуще разгуливаются. К черту. А пустим-ка мы по всем корветам «Свечу на ветру». Потанцевать, конечно, не получится, но вот настроение создать... ага, пошло дело!

Мэри почувствовала, как ордер становится монолитом. Физическую составляющую процесса она никогда не понимала до конца, но определенные рекомендации на каждый конкретный случай помнила четко. И теперь — даже еще до введения коктейлей — ощущала, как крепнут «поводки», как ее ведомые становятся частью ее самой, как вибрируют в одном ритме все связи между кораблями. Чуть-чуть подтянуть... пятнадцатый задержался... успокоить... все хорошо, Макмерфи, все хорошо... это просто предбоевой мандраж... второй, пригляди за шестым... умница... а вот теперь можно отдать команду на введение коктейлей... вот ведь... раньше это как-то по-другому ощущалось... ладно, будем живы — разберемся. А не подпортить ли настроение другу Энрике? Майор Гамильтон — сеньору Маркесу, персонально: здесь нет каналов, но я найду, где тебя утопить, можешь не сомневаться, сукин ты сын!.. А может, надо было все-таки передать Корсакову... нет, не надо. Поздно, да и незачем. Ну что, пора?

— Всем командирам кораблей москитного флота орбитальной крепости «Конкистадор», циркулярно. У вас осталось тридцать секунд... двадцать пять... двадцать... пятнадцать... десять... Святой Патрик, храни своих детей! Аминь!

Привычная и всякий раз незнакомая карусель боя закружила ее, и вдруг все стало просто и понятно.

Капитан Агилар с напряженной полуулыбкой наблюдал за разворачивающимся на его глазах действием. Эти бельтайнцы... Кто додумался использовать таких бойцов в качестве почетного эскорта? Форменный идиотизм! Как это говорили в древности — «забивать гвозди микроскопом»? Но что творят, что творят! Вот это работа! Досье — штука неплохая, конечно. Но увидеть воочию, как майор Гамильтон управляется со сцепкой... Какое зрелище! Святые угодники, если эта женщина в горизонтальной плоскости так же темпераментна, как в бою... Куда это его завернуло, с каких пор его привлекают вояки, не знающие места, положенного женщине от природы?!

Агилар исподтишка окинул взглядом рубку и с облегчением понял, что все заняты своими непосредственными обязанностями и на него никто не смотрит. Впрочем, выражение лица военного министра... что, сеньор Фернандес, вас тоже зацепило? Да уж, есть вещи, изысканная прелесть которых доступна даже дилетантам. Не надо быть знатоком живописи, чтобы понять... ну, раз уж речь зашла о Бель-тайне... насколько гениален тот же Тимоти Мак-клейн. И можно весьма посредственно разбираться в тактике ведения космического боя, но действия бельтайнских корветов под командованием этой странной седой сеньориты... Черт побери, это просто восхитительно. Восхитительно — и страшно. Как она это делает?!

Дон Мигель вывел себе на клипсу переговоры между корветами, благо техника крейсера это вполне позволяла, и чуть не оглох. Не от громкости даже, она вполне регулировалась. Но вот то, что вбил в его не ожидавшее такой нагрузки ухо автоматический переводчик... Да в каком портовом кабаке такое услышишь? И в то же время... В то же время все, что сейчас гнала в эфир сеньорита Мария, гнала, не стесняясь в выражениях до такой степени, что покраснели бы самые грязные шлюхи... это было настолько сообразно происходящему, что совершенно не вызывало отторжения. Пожалуй, впервые Мигель Карлос Диего Агилар понял истинный смысл выражения «убийственная красота». Это она и была, ни убавить, ни прибавить...

— Минус пятый... держать строй, черти, держать! Две с половиной сотни — это многовато, даже оставшиеся две с хвостиком... Ничего, живы будем — не помрем. Ордеру — внимание на левый фланг.

Какофония в ушах не раздражала и не отвлекала, поляризаторы делали яркость вспышек вполне приемлемой. Восемнадцать оставшихся бельтайнских кораблей входили в образованную москитниками рыхлую конструкцию, как горячие ножи в масло, крутились

бешеными волчками, успевая... и не успевая.

— Минус тринадцатый... Спокойно, спокойно, проскочим, не впервой! Третий сектор закройте! Хиггинс, брысь! Ай, молодцы!

Адская похлебка бурлила вокруг «Джокера». Корветы, подчиняясь приказам, влетали в самую гущу растерявшихся противников, взрывались беглым огнем и выскакивали наружу, разворачивались — и все начиналось снова. Правда, не для всех...

Минус восьмой... как же больно! Но и противников все меньше... что за чертовщина?! Откуда здесь взяться кораблю, готовому к сцепке?! Все оставшиеся в живых свои и так уже на «поводках», а это что еще такое? Но знакомая щекотка в кольце мастер-ключа не оставляла места для сомнений: рядом был кто-то, готовый подчиниться. И, кажется, не один. А ну-ка... В следующую секунду Мэри восхищенно выругалась: количество зеленых огоньков на тактическом экране шлема сравнялось с изначальным числом... выросло... да мать же твою!

— ... всем внимание на тактику... они переходят на нашу сторону... не бейте по своим... следите за тактикой, я их держу.... держу — и буду держать.... не распыляться!

Что, скушали? Ничего, мы еще попрыгаем... однако на сцепке уже двадцать один... двадцать шесть... двадцать четыре... а это еще кто? Мои, не отдам, слышишь, ты?!, тридцать два... тридцать пять... выдержать, выдержать! Тридцать девять... тридцать шесть... сорок три... так не бывает... плевать... разберемся... сорок четыре... снова сорок... пятьдесят один... голова... ничего, авось не сдохну... сорок восемь... пятьдесят пять... пятьдесят два... да что же это... пятьдесят девять... пятьдесят три... Что, все?!

— Гамильтон — Агилару!

— Здесь Агилар!

— Путь открыт. Прошу вас, сеньор!

Ордер, странный, небывалый ордер раздался в стороны, образовав что-то вроде овала, и в открывшееся пространство величественно всплыл «Сантьяго».

Мэри не понимала, что происходит. На сцепке у нее сейчас висело пятьдесят три корабля, и если по поводу пятнадцати у нее не было никаких сомнений, то остальные тридцать восемь... Москитники, да. Но как? Как?! И кто — или что? — пытался вернуть контроль над ними в процессе боя? Странная мысль мелькнула почти на грани сознания, едва выдерживающего небывалую нагрузку. Мелькнула — и попыталась исчезнуть. Но Мэри поймала ее за шкурку, рассмотрела со всех сторон — благо подстегнутый коктейлем мозг работал в полную силу, — и результат рассмотрения показался ей хоть и безумным, но вполне рабочим.

— Сеньор капитан первого ранга, вы будете сбрасывать десант?

— Так точно, сеньорита майор! — отозвался Агилар.

— Дайте мне возможность обратиться ко всем абордажникам. Поверьте, это очень важно.

Если Агилар и был удивлен, то никак этого не показал.

— Вы в канале, сеньорита. Прошу.

— Сеньоры! Вам предстоит зачистка крепости «Конкистадор». Я знаю, что первостепенная ваша задача — возобновление работы маяков зоны перехода и установок межсистемной связи. Однако прошу вас быть очень внимательными. Возможно, при проведении операции кому-то из вас попадетсЯ — в весьма защищенном помещении! — контейнер с человеческим мозгом в питательной среде. Не повредите его. Не повредите оборудование, подключенное к нему. Выставьте охрану и дайте знать мне. Обещаю, Российская империя не забудет такой услуги, — Мэри поймала себя на том, что почти дословно повторяет фразу доктора Тищенко, когда-то произнесенную в ее адрес, но это не имело сейчас никакого значения. — Удачи вам, кабальерос.

Первым делом Мэри отпустила со сцепки бельтайнский эскорт. Спроси ее кто — и она не смогла бы уверенно объяснить, чем отличаются «поводки» корветов от «поводков»

москитников, однако не ошиблась ни разу. Тут же стало легче дышать: тридцать восемь кораблей — это даже не полный «Хеопс», это привычно. Теперь аккуратно в сторонку... прикройте нас... да не знаю я! Пристыкуемся — посмотрим. Заткнись! Заткнись, кому сказано, я их не отпущу, что бы ты ни делал. Спокойно, ребята, спокойно. Я здесь, я рядом, я вас не брошу, не волнуйтесь. Давайте поближе ко мне, моих рук хватит, чтобы обнять вас всех... Отстань, Джонни, я в порядке. Ну хоть ты до меня не докапывайся, лучше подготовь еще дозу коктейля, она может понадобиться. Джонни, я их держу только на полном разгоне, чуть только активность спадет, и они разлетятся. Или еще того хуже — эта дрянь снова возьмет их под контроль. Да чтоб тебе пусто было, кто командир этого корабля и будет ли здесь когда-нибудь дисциплина?! Тише, тише, я не сержусь... то есть сержусь, но не на вас... все хорошо, все просто замечательно... Джонни, не зли меня, мне сейчас нельзя злиться.

Краткая пробежка по бельтайнским экипажам... все в норме. Отлично, дамы и господа, отлично. Отдых немного откладывается. Медикам — доложить о готовности к компенсационным процедурам. Молодцы. Канонирам — не расслабляться, тут вам не берег Маклира. Капитану Кромарти, конфиденциально: Дейдре, и как тебе понравилась эта заварушка? Понятия не имею, веришь? Есть у меня одна мыслишка... Конечно, поделюсь, о чем разговор, только не сейчас. Сама видишь, что творится. Ничего, проскочим.

Полтора часа спустя внутри «Конкистадора» еще продолжался бой, и было похоже, что сил десантников с «Сантьяго» может не хватить на то, чтобы взять под контроль всю орбитальную крепость целиком. Ладно, там видно будет. Может быть, удастся что-нибудь придумать. Если заработают маяки...

Мэри связалась с генералом Рамосом и не без удовольствия выслушала его слегка растерянный доклад. По славам дона Хавьера выходило, что в деле наведения порядка на помощь полиции пришли отряды самообороны, состоящие из выходцев из Небесной империи. Причем, что интересно, происходило это не только на Кубке, но и на остальных трех континентах. Заметьте, ссылаются они на мастера Чжана, а тот, в свою очередь, на некую Маргарет Эштон...

Не знаю, сеньорита, как вам это удалось, но результаты впечатляют. Мятежники складывают оружие, попытки мародерства пресекаются, нуждающимся оказывается вся необходимая помощь, паника погашена почти полностью. Могу ли я рассчитывать на наше дальнейшее сотрудничество?

Правду сказать, изрядно уставшей майору Гамильтон было чем заняться и без выслушивания комплиментов и плохо завуалированных просьб о помощи. К счастью, в этот момент Мэтью доложил о том, что межсистемная связь заработала, и Мэри торопливо распрощалась со словоохотливым командующим полицией. Следовало немедленно сообщить о случившемся на Кремль. Разумеется, Мамонтов тоже не зевает, но вот есть ли у него личный код князя Цинцадзе — большой вопрос, а даже самое краткое путешествие по инстанциям может сейчас дорого обойтись, ситуация покамест контролируется далеко не полностью.

Как и предполагалось, глава Службы безопасности пребывал на посту и в отвратительном настроении, состоящем из усталости, злости и досады. Кто бы сомневался. Впрочем, возможности высказать свое мнение ему предоставлено не было — Мэри сразу взяла быка за рога:

— Ираклий Давидович, в системе Таро произошла небольшая неприятность. Пока мы справляемся, но одного мексиканского крейсера, боюсь, недостаточно для окончательного наведения порядка в околопланетном пространстве. У наших союзников элементарно слишком мало десантников для полного взятия под контроль орбитальной крепости.

— Небольшая неприятность? Интересные у тебя представления о масштабах, дорогая. И ты, конечно, в самом центре, судя по тому, что я вижу на экране?

Мэри, поднявшая забрало боевого шлема и этим ограничившаяся, иронично усмехнулась.

— О, я не просто в центре. Я еще и в полном восторге. И вы будете, обещаю. Но для того, чтобы восторг был максимальным, мне понадобится помощь.

— «Андреевская» эскадра тебя устроит? Они уже начали разгон для прыжка, идут к вам от системы Терция.

— Даже так? Великолепно. От Терции, говорите... — Мэри ненадолго задумалась, — значит, одной проблемой меньше. Я болтаюсь на орбите в окрестностях крепости «Конкистадор», ее сейчас как раз приводят в норму. Мятеж, Ираклий Давидович, сеньор Вальдес был совершенно прав. Долго рассказывать. Я сейчас немного занята, так что дайте команду соединить с вами Аркадия Мамонтова сразу же, как только он выйдет на связь хоть с кем-то на Кремле.

— Он уже на связи, ждет своей очереди, — фыркнул Цинцадзе. — А чем это ты занята? — подозрительно осведомился он. — Насколько я могу судить, боевые действия в космосе уже прекратились?

— Прекратились, угу. Но прекратились настолько интересно... говорю же, вам понравится. Да, и вот еще что. Присутствие нашей эскадры в системе — это одно. В конце концов, там, внизу, наши соотечественники, а Империя своих не бросает, — в этом месте князь довольно усмехнулся. Судя по всему, ее упоминание «наших» соотечественников пришлось ему по душе. — Помощь десанникам с «Сантьяго» тоже вполне допустима, в качестве основания для вмешательства можно использовать запись выступления Энрике Маркеса, пусть вам Мамонтов сбросит копию. Но на поверхность без специального приглашения соваться не стоит. Пусть местные сами разбираются с повстанцами. Вот если попросят помощи...

— Ты еще будешь меня учить?! — возмутился Ираклий Давидович, но возмутился как-то уж очень картинно, напоказ, со смешинкой, прячущейся под густыми усами. Мэри готова была побиться об заклад на что угодно, что отцовский крестный доволен тем, как она расписала ситуацию.

— Не буду, — примирительно улыбнулась она. — Я могу связаться с командующим эскадрой, или это лучше сделать вам? Мне нужна не то чтобы огневая поддержка, скорее чисто техническая. Надо куда-то пристроить почти четыре десятка истребителей, которые сейчас держатся на сцепке.

— О господи! — теперь Цинцадзе смеялся уже в открытую. — Пустили козу в огород! Кто-кто, а уж некая второй лейтенант полиции истребители себе под командование отыщет даже в чужой системе. Где ты их взяла?

— А это москитники с «Конкистадора». Сами под руку попросились. Я не шучу, — покачала Мэри головой, видя, как мгновенно напрягся, придвигаясь к экрану вплотную, князь. — Не шучу, не пьяна и не свихнулась. Они были готовы к сцепке, и я их на сцепку взяла. Но в открытом космосе я ими разобраться не могу. Мне даже не стоит ждать эскадру на месте, надо идти к ней навстречу. Времени мало. Я не знаю, насколько рассчитаны системы жизнеобеспечения этих малышей, но вряд ли уж очень надолго, а на пилотов — живых! — я хочу посмотреть очень внимательно. Кроме того, мне вот-вот придется вводить вторую дозу коктейля, без этого не удержать, а третья превратит меня в растение, без вариантов.

— Так бросай их к чертовой матери! — взорвался князь и осекся, наткнувшись на холодный, упрямый взгляд. Подбородок Мэри вздернулся вверх, нижняя челюсть, на глазах потяжелевшая, выдвинулась вперед, губы скривились... покойный батюшка в чистом виде, пробы негде ставить!

— Не брошу. И вы мне еще скажете спасибо, вот увидите. А сейчас — извините. Пора двигаться к зоне перехода. Предупредите адмирала Гусейнова, договорились?

— Договорились, — скрипнул зубами Ираклий Давидович и отключил связь.

Мэри пристыковалась к «Андрею Боголюбскому» последней. Ее изрядно волновал вопрос, сохранится ли сцепка в целости после того, как пилоты истребителей покинут свои

корабли, но все обошлось. И сейчас, после короткого разговора с адмиралом Гусейновым — его высокопревосходительство лично прибыл на причальную палубу, чтобы поприветствовать «ах, какого пилота!» — она направлялась в лазарет. Там, по ее просьбе, были приготовлены тридцать восемь гибернаторов. С точки зрения Мэри, это был единственный способ освободить ее от сцепки, не позволяя в то же время таинственному незнакомцу перехватить контроль. Правду сказать, чем дальше они уходили от «Конкистадора», тем тише звучал в ее голове голос, пытавшийся вернуть ее подопечных, но рисковать она не собиралась.

Тем более что сил почти не осталось. Она затылком ощущала, как делается все более тревожным взгляд Джона, увязавшегося вслед за ней и теперь сидящего на заднем сиденье маленькой верткой машины. В висках пульсировала боль, сознание норовило уплыть в голубые дали, руки и ноги подрагивали, держать глаза открытыми становилось все труднее. Похоже, тот, кто учил ее новых подчиненных держаться на сцепке, использовал какую-то другую, не вполне бельтайнскую, технику. «Поводки» истребителей были странно липкими и при этом хрупкими. Вот она, разница, которую она не смогла уловить сразу после боя. А самое главное, она была готова поклясться, что пилоты истребителей понимают не только привычные ментальные импульсы, но и мысленную речь. Или это ее восприятие сбоят? Ничего, осталось недолго. Поворот... еще один... прибыли.

В просторном помещении, оцепленном по периметру десантниками в полной броне, деловито сновали врачи и медтехники. Гибернаторы стояли рядами, а в центральном проходе между ними сбились в кучу, как замерзшие птенцы, женщины в одинаковой форме. Все молодые, явно не старше двадцати. Молчаливые. Безучастные. С неподвижными, словно застывшими лицами. И с тарисситовыми имплантами. Тариссит был искусственным, это Мэри видела ясно. А еще ей показалось... да нет, не показалось, судя по тому, как хрипло ахнул за ее спиной Джон Рафферти, когда все девушки обернулись и посмотрели в их сторону.

— А вот за это я могу и голову оторвать, — произнес незнакомый, скрежещущий голос. И только закрыв рот, Мэри поняла, что сей звуковой шедевр принадлежит ей. У нее вдруг закружилась голова, и она оперлась на руку подскочившего Джона, продолжая до рези в застилаемых красным туманом ярости глазах вглядываться в совершенно одинаковые лица. Клоны. Все. Причем явно бельтайнский тип, вот только кто конкретно послужил основой? Или это композит? Такое вполне возможно, Генетическая Служба чем только не занималась, а уж если говорить о ее последнем главе... ну, Монро... жаль, что казнь уже состоялась.

Мэри решительно встряхнулась. С происхождением ее странных протезов можно будет разобраться позднее. А для этого, в первую очередь, надо остаться в живых и не сойти с ума.

— Хорошо, дамы и господа. Давайте начнем, — проговорила она вслух и мысленно обратилась к своим — теперь уж точно своим! — людям: «Не бойтесь. Все хорошо. Сейчас вы будете отдыхать. Вам не причинят вреда, я обещаю. Эти люди — друзья, они помогут и вам, и мне. Вы уже видели такое оборудование? Отлично. Пожалуйста, ложитесь».

Было что-то жуткое в той покорности, с которой девушки подходили к гибернаторам, снимали одежду и забирались внутрь. Черт, этого она не учла... раздеваться при мужчинах... с другой стороны, а ты вообще-то уверена, что они люди, а не машины в человеческих телах? Ох, добраться бы до хозяев...

— Кто здесь главный? — спросила Мэри, окидывая взглядом медиков. К ней тут же подошел мужчина лет пятидесяти, подтянутый и деловитый.

— Военврач Долгих, Максим Леонидович, замначальника медслужбы, — представился он, профессионально-внимательно всматриваясь в ее лицо.

— Максим Леонидович, я прошу вас отключать их не одновременно, а по одной. Если все «поводки» оборвутся сразу, болевой шок меня убьет. А комбинировать анальгетики с боевым коктейлем — задача нездоровая, поверьте. Кроме того, я хочу пожелать добрых снов каждой из этих девчонок.

С этими словами она двинулась вдоль ближнего ряда гибернаторов. Первый.

«Отдыхай, сестричка, ты все сделала правильно и теперь можешь полетать просто ради удовольствия». Кивок технику. Обрыв. Вроде бы терпимо. Второй. «Ты умница, малышка, мне очень понравилось, как ты работала в сцепке. Спи». Кивок технику. Обрыв. Ничего, справимся. Третий. «Знаешь, каким бывает океан? Посмотри моими глазами. Тебе нравится? Увидь его во сне!» Кивок технику. Обрыв. О-о-о-о-ох... Мэри пошатнулась, мир вокруг завертелся. Спустя какое-то время выяснилось, что она сидит в гравикресле, а стоящий на коленях Джон растирает ей руки, попутно запрещая использование чего бы то ни было: нарушите сцепку — мало не покажется. За спиной кто-то невидимый осторожно массировал голову, держа большие пальцы рук на импланте и мягко пробегаясь остальными пальцами по татуировкам. Сознание прояснилось, и она попробовала подняться на ноги, но Раф-ферти вскочил, решительно нажал ладонями на плечи и таким тоном процедил сквозь зубы: «Не смей, командир!», что Мэри почла за лучшее не возражать.

— Сидите спокойно, Мария Александровна, — повелительно проговорил кто-то, должно быть, хозяин поглаживающих ее череп рук. — Я сниму часть боли, не мешайте мне резкими движениями.

— Хорошо, — прошептала она, и процедура продолжилась. Теперь действительно стало легче. Четвертый губернатор. Десятый. Двадцать второй. Тридцать пятый. Всё.

Мэри облегченно выдохнула и снова попыталась встать. Разумеется, попытка была тут же пресечена бдительным Джоном, который, не тратя даром слов, попросту сунул ей под нос кулак. Впрочем, он тут же отошел и о чем-то заговорил с Долгих — тот развернул дисплей и теперь, слушая коллегу, быстро делал какие-то пометки. Место Рафферти занял кто-то из медтехников — все они почему-то казались сейчас Мэри одинаковыми — и поднес к ее губам трубочку, уходящую в пластиковую флягу. Она успела сделать несколько глотков, уловила краем уха возмущенный возглас Долгих: «Это что же, она проходит через такое в каждом бою?!» — и провалилась в забытие.

Адмирал Гусейнов с улыбкой наблюдал за «молодежью». В центре довольно многочисленной группы старших офицеров «Андрея Боголюбского» стояла графиня Сазонова. Да что там — стояла. Царила! Сочетание принадлежности к женскому полу с безусловной профессиональной компетентностью заставляло подчиненных Теймура Ибрагимовича держать ухо востро, и от этого в кают-компании было еще веселее. Доброжелательные комментарии перемежались ехидными шуточками и подначками, на любой вопрос у хозяйки «Джокера» имелся ответ. Причем ответ этот иногда заставлял вопрошающего застыть в попытке ^юнуть, где здесь логика и не издеваются ли над ним. Логика, впрочем, исправно находилась. Иногда — сама по себе, иногда — после насмешливых разъяснений.

Адмирал прислушался.

— Скажите, Мария Александровна, а что, ваш бортинженер и второй пилот по какой-то причине обиделись на нас?

Ответ занимал и Теймура Ибрагимовича, и он подошел поближе.

— Почему вы так решили? — казалось, графиня искренне удивлена.

— Они только один раз ненадолго покинули корабль после второй стыковки, и в последние сутки мы их не видели. С канонирами все ясно — они пропадают на артиллерийских палубах, а что же господин О'Нил и госпожа Донахью?

— Ах! — звонко хлопнула себя по лбу Мэри и заразительно рассмеялась. — Ну надо же, совсем забыла изменить запись в судовой роли! Спасибо, что напомнили, каплей! Видите ли, дело в том, что в данный момент госпожи Донахью не существует в природе. Есть госпожа О'Нил. Я лично, как командир корабля, поженила эту парочку примерно за полтора часа до старта с Кортеса. Так что сейчас у них медовый месяц, и я подозреваю, что эти стервецы нахально заняли мою каюту — в ней единственной имеется достаточно широкое ложе. Собственно, именно поэтому я до сих пор пользуюсь вашим гостеприимством, не хочу идиллию нарушать!

От дружного хохота дрогнули стены. Гусейнов присоединился к окружившим Мэри офицерам — ему, потеснившись, освободили место — и откровенно залюбовался «мери», как за глаза называл ее с тех пор, как Никита Корсаков явился к нему для доклада после боя в зоне Сигма. Правду сказать, выглядела она неважно. Осунувшееся лицо с темными кругами, в которых искрились смехом выразительные глаза, было пока еще болезненно бледным. Да и едва пробившийся седой ежик не добавлял графине Сазоновой ни молодости, ни красоты.

Но имелось в ней что-то такое, что заставляло задуматься — а таким ли уж вздором были распространившиеся в последнее время слухи? М-да, если великий князь, как поговаривают, имеет на нее свои виды... а почему бы, собственно, и нет? Женился же его величество на мексиканке? У этой хоть половина русской крови имеется, а если только на внешность опираться, так и вовсе — где тот Бельтайн? Опять же офицер, и не просто офицер, а военный факультет Академии Свободных Планет за плечами, с отличием, причем по кафедре командования... Про боевой опыт и говорить нечего. Умеет принимать решения. Знает себе цену. И Константину Георгиевичу такая цена по карману, а вот контр-адмиралу Корсакову — это еще большой вопрос.

Глава 10

— В настоящее время орбитальная крепость «Конкистадор» полностью контролируется совместными силами десантников «Сантьяго» и «Андреевской» эскадры. Энрике Маркес арестован. В одном из отсеков обнаружен объект «Доуэль». К несчастью, обслуживающий персонал прежде, чем покончить с собой, умертвил мозг и сильно повредил подключенное к нему оборудование. Поэтому в дальнейших оперативных разработках хмы сможем опираться только на клонированных пилотов, лежащих в гибернаторах на борту «Андрея Боголюбского». Они были помещены туда по приказу графини Сазоновой, которая взяла их на цепку в процессе боя с москитным флотом «Конкистадора», — Цинцадзе был, как всегда, обстоятелен и невозмутим.

— Как самочувствие графини? — негромко осведомился император, быстро просматривая файлы, которые комментировал князь.

— Не очень хорошо, ваше величество, — Ираклий Давидович слегка поморщился. — Доктор Долгих констатировал ментальное перенапряжение, повлекшее за собой острое истощение центральной нервной системы. По своему обыкновению графиня взяла на себя больше, чем смогла унести, и теперь в очередной раз пребывает в лазарете. Мария Александровна, как правило, восстанавливается чрезвычайно быстро, но следует принять во внимание неординарность нагрузки, которую она взвалила на свой организм. Одно только двукратное введение боевого коктейля... и это не считая собственно боя и удерживания на цепке почти в полтора раза большего количества кораблей, чем это до сих пор считалось возможным... да и зрелище клонированных девушек... а ведь главного она пока не знает, я запретил ставить ее в известность. При создании клонов использовалась генная комбинация, больше половины состава которой приходится на некую Мэри Александру Гамильтон. Покойный принципал Совета Бельтайна «никчемную полукровку» ненавидел и громогласно презирал, но генетический материал использовать — или продать, черт его знает — не постеснялся. Его самого уже не спросишь...

— Да уж, — невесело усмехнулся Георгий Михайлович, — бельтайнские пилоты склонностью к истерии не отличаются, но такую информацию лучше все-таки пока попридержать. Во избежание.

— Таково и мое мнение, государь, — кивнул Цинцадзе. — Людей, подобных графине Марии, следует всячески беречь. В частности потому, что сами они беречь себя не склонны вообще. А между тем польза от них Империи, как бы велика она ни была одномоментно, стократ возрастает при грамотном и, главное, долговременном использовании имеющегося потенциала.

Ираклий Давидович никак не мог придумать, каким образом перейти к вопросу, который его занимал с той минуты, как он узнал о планах правительства Рах Мехисана в отношении его «крестной внучки». Впрочем, император еще раз продемонстрировал главе Службы безопасности, что корону двенадцать лет назад он получил отнюдь не за красивые глаза.

— Беречь мало, Ираклий Давидович. Надо еще поощрять. И награждать сообразно заслугам. У вас есть какие-либо соображения по данному вопросу?

Цинцадзе сделал вид, что задумался. На самом деле, ответ у него был готов, но вот под каким соусом его преподнести... Существовала одна тонкость, смущавшая старого лиса. Однако молчать дольше было нельзя.

— По совокупности заслуг перед Империей и в свете последних событий, я думаю, «Анна» второй степени. С мечами и бантом, — твердо сказал он.

— Бантом? — приподнял брови Георгий. — Позвольте, но графиня Мария не состоит и никогда не состояла на имперской военной службе, она лицо сугубо гражданское...

— Взгляните сюда, ваше величество, — князь протянул руку и вставил в терминал еще один кристалл. — Это пока исключительно конфиденциальная информация, но...

Императору хватило одного взгляда на экран. Он неопределенно хмыкнул, совсем простежки почесал в затылке и улыбнулся. Впрочем, до глаз улыбка не дошла, они остались абсолютно серьезными.

— Даже так... Вы правы, Ираклий Давидович, надо что-то делать, а то мы на всю Галактику прослыдем недалёковидными крохоборами. Может быть, заготовить два приказа? Один о приеме на службу, скажем, в чине капитана третьего ранга, другой об отставке. Промаркировать первый задним числом, чтобы в системе Таро действовал русский офицер.

— В отпуску, — деликатно подсказал князь.

— Вы правы, так будет лучше, — согласился Георгий. — Сразу отпадут вопросы, почему она не представилась местным властям официально. Далее. За Кортес присвоить кавторанга. Конечно, ей только тридцать три, ну да ладно, прецеденты есть. В отставку отправить капитаном первого... Кстати, Мария Александровна может ведь и захотеть остаться на действительной, вам так не кажется? Тогда второй приказ не понадобится...

— Пожалейте потенциальных командиров, ваше величество! — шутливо взмолился Цинцадзе. — Кроме того, вряд ли она согласится вернуться в строй по-настоящему. Не тот характер, одно только ее высказывание о том, что я ей не указ, чего стоит... Да и зачем? Толковых офицеров в Империи много, а от графини Сазоновой на вольном выпасе пользы будет существенно больше, чем на службе. Уж поверьте моему опыту. Кроме того, ей уже за тридцать, тут — женщине — не о карьере надо думать...

* * *

Тишина, царившая на одной из причальных палуб «Конкистадора», тяжелым грузом лежала на плечах, гудела в ушах током крови, заставляла вибрировать нервы. Казалось — падение волоса прозвучит громче, чем грохот праздничного салюта. За правым плечом Мэри стоял дон Аугусто Фернандес, за левым — Мигель Агилар. Свитские держались чуть поодаль, придавленные торжественностью момента и несколькими, произнесенными вполголоса, фразами сеньориты Сазоновой.

Мэри еще раз окинула взглядом строй — пятнадцать уцелевших экипажей бельтайнского эскорта — и медленно двинулась вдоль него от левого фланга к правому.

Остановка.

— Капитан Джоанна Мэй Эванс и ее экипаж! Фернандес и Агилар одновременно отдали честь в ответ на молчаливое приветствие команды и шагнули дальше вслед за своей провожатой. Остановка.

— Капитан Лаура Дженнифер Макфи и ее экипаж!

Отдать честь. Дальше. Остановка.

— Капитан Кэтрин Маргарет Лэнгли и ее экипаж! Вперед, размеренно и церемонно, на шаг позади напряженной доньи Марии. Военному министру было не по себе, и он уже раз десять пожалел о том, что попросил сеньориту Сазонову организовать церемонию представления. Должно быть, у этих сумасшедших... ландскнехтов?.. имелись свои взгляды на то, как следует показывать товар лицом. Дон Аугусто ощущал противную дрожь где-то в районе копчика. Пожалуй, впервые он осознал правоту тех, кто говорил, что человеку, выслужившемуся на паркетe, в его должности делать нечего.

— Капитан Дейдре Патриция Кромарти и ее экипаж!

Фернандес расслабился было и, как оказалось, совершенно напрасно. Донья Мария остановилась на правом фланге, глядя вдоль строя. Немного помолчала и заговорила вновь:

— Капитан Марта Кэролайн Дуглас и ее экипаж!

— В строю! — глухим хором отозвались бельтайнцы.

— Капитан Эвелин Джемайма Макконахи и ее экипаж!

— В строю!

— Капитан Джейн Гвендолен Мюррей и ее экипаж!

— В строю!

— Ваше превосходительство! — повернулась Мэри к застывшему дону Аугусто. — Экипажи эскорта построены!

Военный министр сбросил наконец с себя оцепенение и сделал шаг вперед.

— Я благодарю вас всех, — сдавленно произнес он, склонив голову и надеясь, что дрожь в голосе сойдет за проявление упомянутой благодарности. — Я благодарю тех, кто присутствует здесь, и тех, кто, несмотря ни на что, стоит сейчас в одном строю с вами.

Слова внезапно закончились. Аугусто Фернандес, произнесший на своем веку не одну речь и даже не сотню, вдруг понял, что сказать ему нечего. Впрочем, судя по выражению лица сеньориты Сазоновой, больше ничего говорить и не следовало. Она удовлетворенно кивнула, скомандовала: «Вольно! Разойдись!» и, подойдя к капитану Кромарти, о чем-то негромко с ней заговорила. К ним тут же присоединились еще несколько капитанов, скорбь исчезла, смытая чем-то вроде спора... кельтика сеньор Фернандес не знал и теперь жалел об этом. Об этом, и еще о том, что ему не с кем вот так пообщаться на профессиональные темы. Ведь по большому-то счету профессии как таковой у него и не было. Политик — это не профессия, а способ мышления. Чего стоит его звание полковника запаса, полученное в результате «ковровой выслуги», по сравнению с мастерством этих женщин? Фикция и ничего больше... от невеселых мыслей его отвлекло деликатное покашливание Агилара.

— И что вы обо всем этом думаете, ваше превосходительство? — негромко спросил его командир крейсера.

— Я? Сеньор Агилар, я не думаю. Я знаю. Два часа назад я имел честь беседовать с президентом.

— И? — дон Мигель заинтересованно прищурился.

— «Ацтекский орел» всем бельтайнцам, которые принимали участие в операции, включая экипаж сеньориты Сазоновой. Погибшим — посмертно.

— Ей тоже?

— Нет. Ей — «Милитар де Сантьяго».

— Что?! — слишком громко, должно быть от потрясения, выдохнул Агилар. Впрочем, он тут же понизил голос: — Женщине?! Иностранке?!

— А Изабелла Хуарес что же, по-вашему, была мужчиной? — саркастически усмехнулся военный министр.

— Да, но...

Дон Аугусто положил ладонь на локоть ошарашенного собеседника и максимально незаметно отвел его поближе к переборке, знаком приказав свитским держаться на расстоянии.

— Если оставить в стороне ее пол, то оправданий такого решения предостаточно. Воин, католичка, воспитывалась в монастыре... Иностранка? А как вам понравится почетное

гражданство?

Фернандес потер лоб, криво усмехнулся и продолжил:

— Должен вам сказать, Президент сейчас находится в крайне сложном положении. На родине творится черт знает что. У Дома правительства митингует толпа, требующая отставки правящего кабинета. Какой-то деревенский поп вылез в общую сеть с заявлением, что видит перст Провидения в том, что детей Санта-Марии спасла Мария. С легкой руки семейки Вальдес — уж эти своего не упустят! — каждый мальчишка в курсе, что эта особа была ученицей Эстебана Родригеса. Последней, судя по всему. Той самой.

— «Если сердце женщины отдано космосу...»?

— Именно. Точно никто ничего не знает, но очень на то похоже. Любой желающий может полюбоваться парой весьма трогательных голосников, на которых красуются сеньор Родригес, сеньорита Сазонова и сам младший сыночек старого дона Алехандро. Как и послушать сентиментальные воспоминания этого прохвоста об их совместном обучении на Картане, — дон Аугусто все больше распалялся. — Я уж не говорю о том, что показ записи танго, которое дон Хуан и донья Мария изволили станцевать на фиесте в нашем посольстве на Кремле, вообще следовало бы запретить. По соображениям защиты общественной нравственности. Тем не менее упомянутую запись выложили для всеобщего просмотра и... да что я вам рассказываю, взгляните сами. И как будто мало этого, на награждении ее орденом «Сантьяго» настаивает семья Мендоса. А это, согласитесь, довольно серьезно — дон Луис, как-никак, тесть русского императора... Уж когда и как она ухитрилась заинтересовать собой таких людей — бог весть, но факт остается фактом. В общем, либо она посетит Санта-Марию, либо орден доставят на Кремль и вручат в посольстве. А Хуан Вальдес будет моим заместителем и, готов поспорить, в самом обозримом будущем сменит меня на посту военного министра. Молодому негодяю нет еще и сорока, но кого волнуют такие мелочи?

Фернандес обреченно пожал плечами и, ссутулившись, убрел в глубь крейсера.

Через неделю «Андреевская» эскадра покинула пределы системы Таро, унося на борту флагмана губернаторы с пилотами москитников. На ближайшей базе флота их предстояло перегрузить на корабль, идущий непосредственно на Кремль. Князь Цинцадзе категорически настаивал на том, чтобы Мэри вернулась домой таким же способом, но у нее были свои резоны отказаться.

Во-первых, ее беспокоило состояние второго пилота. Естественный при сложившихся обстоятельствах гормональный всплеск ничего не менял в повседневной жизни. Однако доверить корабль пилоту, чей организм не привык еще к новому для него состоянию, Мэри не рисковала. Во-вторых, ее учтиво, но весьма настойчиво просил задержаться генерал Рамос — окончательно признав в Мэри коллегу, он жаждал консультаций по вопросам взаимодействия с подданными Небесной империи. В-третьих же (и в-главных), ей хотелось еще немного погулять на свободе. Она прекрасно отдавала себе отчет в том, что по прибытии на Кремль ее ждут отчеты, доклады и — Господи, пронеси! — церемонии.

Поэтому эскадра отбыла восвояси, оставив Мэри и ее экипаж на Кортесе, в одном из приморских отелей на Кубке. Планета затихла так же быстро, как всколыхнулась, дела шли на лад. Правда, не обошлось без жертв и естественной в такой ситуации вспышки насилия.

Погиб глава континентальной полиции Денария — отказавшийся примкнуть к повстанцам старик забаррикадировался в своем кабинете и отбыл на тот свет в весьма многочисленном сопровождении. Во многих городах Денария и Жезла начались погромы, быстро, впрочем, сошедшие на нет. И дело было не только в быстроте и непреклонности соотечественников мастера Чжана. Среди мятежников оказалось немало полицейских командиров низшего и среднего звена, но, похоже, работа с личным составом была поставлена у них из рук вон плохо. Рядовые патрульные, по недостатку образования не видящие в смуте никакого проку, попросту арестовали (а кое-где и пристрелили) своих начальников и отправились на улицы наводить порядок.

Так что Маркес проиграл не только в пространстве, но и на тверди. Проиграл по всем статьям, застрелиться то ли не успел, то ли струсил и теперь ожидал отправки на Санта-Марию, будучи запертым в карцере «Сантьяго». Впрочем, гонора дон Энрике не растерял. Во всяком случае, попытка его допросить, предпринятая Фернандесом, закончилась пшиком. Хотя, с точки зрения Мэри, это было вполне предсказуемо. Уж если ты решился поднять мятеж и ради достижения цели готов был угробить десятки тысяч человек, что тебе до вопросов, которые задает один из них? Тут профессионал должен работать. Грамотный, толковый профессионал. А дон Аугусто...

Дон Аугусто уговорил Мэри помочь ему с допросом, но ее появление только повредило делу. При виде женщины, которая сдержала-таки обещание его утопить, пусть даже фигурально, Маркес взбесился. Покраснев так, что смуглое лицо стало исчерна-багровым, он, брызжа слюной, заорал что-то не слишком разборчивое о потаскухах, стервах и ведьмах, которых следует жечь на костре. Мэри на протяжении трех примерно минут выслушивала поток перемежаемых богохульствами оскорблений, не меняя подчеркнуто-любезного выражения лица. Давалось оно ей с немалым трудом, но глядя на нее можно было подумать, что она присутствует на светском приеме в свою честь. Фернандесу она сделала знак не вмешиваться. Наконец, когда Маркес начал повторяться, графиня Сазонова выбрала момент, с усталым высокомерием заметила, что ожидала от дон-Энрике большей изобретательности, пожала плечами и вышла за дверь. От извинений военного министра она со смехом отмахнулась, заявив, что узнала целых два новых слова на спанике, так что затея себя оправдала. Однако, поскольку целью допроса сеньора Маркеса является отнюдь не расширение ее словарного запаса, в дальнейшем она отказывается принимать участие в процессе.

Хорошо все-таки иметь возможность перебросить часть своих хлопот на чужие плечи. И, кстати, не надо думать, что так поступают только слабаки и неумехи: любому нормальному человеку свойственно минимизировать нагрузку. Посему Мэри, которой быстро и прочно надоели постоянные просьбы генерала Рамоса проконсультировать его по тому или иному вопросу, напрямую связала его с Генри Морганом. Мотивировка была простой и незамысловатой: совсем недавно командующий планетарной полицией Бельтайна столкнулся с проблемами, которые в данный момент беспокоили дон-Хавьера. Немедленно выяснилось, что вопросов у шефа полиции Кубка не так уж много, во всяком случае, Дядюшку он побеспокоил всего пару раз, и только по существу. Создалось впечатление, что, в отличие от Хуана Вальдеса, Рамос интересуется именно «очаровательными ушками», а не находящимся между ними содержимым черепной коробки. Что ж, тем хуже для генерала: беседовать с доном Хавьером на отвлеченные темы Мэри не имела ни малейшего желания. Не то чтобы он ей не нравился, но одно дело симпатизировать коллеге, и совсем другое — все время пытаться удержать разговор в рабочем русле. Утомляет.

Правда, следовало признать, что определенная польза от сеньора Рамоса все-таки была. Во всяком случае, именно он придерживал вездесущих журналистов на коротком поводке, не давая им наброситься на Мэри. После того как один из репортеров, прибывший с Санта-Марии и пробравшийся в отель под видом посыльного, был с треском выдворен за пределы планеты, остальные малость попритихли. Графиня Сазонова отнюдь не горела желанием давать интервью и позировать перед камерами. Да, был бой. Непростой бой. Но это, в конце концов, ее работа и нечего делать из нее икону. Тем паче что, судя по нескольким фразам, вскользь оброненным Фернандесом, всего этого она еще успеет нахлебаться. Однако польза пользой, но как мужчина дон Хавьер был совершенно не во вкусе Мэри, и она постаралась как можно мягче дать ему это понять. По счастью, к своему поражению генерал отнесся философски и мстить — к примеру, выпускать журналистов из-под контроля — не стал.

Отвязавшись от назойливого поклонника, Мэри погрузилась в нирвану. Большую часть времени она проводила на берегу океана, в шезлонге или в гамаке. Команда занималась кто чем, прислуга была предупредительна, но ненавязчива, дневное тепло сменялось вечерней

прохладой и снова дневным теплом, а в голове, казалось, не осталось ни одной связной мысли. Однако на шестой день блаженного ничегонеделания Мэри почувствовала смутный дискомфорт. Все было прекрасно — и все было не так. В глубине души тлел подспудный огонек недовольства собой. С одной стороны, она что же, не имеет права на отпуск?! С другой — где-то на грани слуха укоризненный голос — то ли князя Цинцадзе, то ли деда, то ли еще чей-то, не разобрать — вьедливо напоминал о том, что работа не доделана. Вольно ж тебе было сбить с рук этих несчастных и прохладиться в гамаке, любуясь набегающими на берег волнами... Да, конечно, неспешно раскачиваться, потягивая прекрасный кофе, приятно, но... вот именно, но.

Додумать она не успела. После подтверждения приема вызова деликатное мурлыканье в клипсе коммуникатора сменилось знакомым баритоном.

— Приветствую вас, госпожа капитан третьего ранга!

Мэри не заметила, как выпрыгнула из гамака. Отброшенную чашку подхватил оказавшийся поблизости служащий отеля, но она не обратила на него никакого внимания. Это уже было неинтересно, совсем. Плечи сами собой развернулись, прибой, только что монотонно-успокаивающий, загремел медью литавр.

— Ваше высочество не ошиблись в терминологии? — осторожно поинтересовалась она, но знакомая щекотка в позвоночнике не оставляла места для сомнений, что бы там ни думала разленившаяся на отдыхе голова.

— Ни в коем случае. Извините, что не спросили вашего мнения, но для Империи было предпочтительно, чтобы в системе Таро корветами бельтайн ского эскорта командовал русский офицер, находящийся на действительной службе. Приказ подписан числом, следующим за днем принятия вами имперского подданства. Я не вполне уверен в том, что в данном случае так уж уместны поздравления, ведь вы, насколько мне известно, не собирались возвращаться в строй...

Пользуясь тем, что собеседник ее не видит, Мэри бесшабашно махнула рукой:

— Мало ли чего я не собиралась делать? Если Империя считает, что мое место в строю, кто я такая, чтобы кочевряжиться... я правильно употребила слово?

— Абсолютно, — усмехнулся Константин. — Не кокетничайте, Мария Александровна, вы великолепно владеете русским. Ну что ж, раз вы так смотрите на вещи — поздравляю вас. Могли ли я надеяться в ближайшее время встретиться с вами на Кремле?

Теперь настала очередь Мэри усмехаться.

— Несомненно. Когда это у офицера — неважно, русского или бельтайнского — сборы занимали больше десяти минут?

Возвращение на Кремль получилось тихим и будничным. Никаких встреч на посадочном квадрате, никакой помпы. Правда, Мэри немало позабавили ревнивые взгляды, которые бросали друг на друга Степан и Иван Кузьмич, стоящие бок о бок и совершенно одинаково вытягивающие шеи. Ей опять предстояло разделиться с экипажем: супруги О'Нил и близнецы отправлялись непосредственно домой, а ее саму дед настоятельно попросил прибыть в дом Сазоновых. Удивляясь, что бы это значило — ну не стал же отцовский крестный распространяться о ее пребывании в лазарете? — Мэри приветливо кивнула Степану и прошла вслед за ним к машине.

С удобством расположившись на заднем сиденье, она еще раз прикинула, что можно рассказывать в доме деда, а что нельзя. Цинцадзе не счел нужным предупредить ее о чем-либо. Однако Мэри казалось, что информацию о странных пилотах, которых она так элегантно (сама себя не похвалишь — никто не догадается!) взяла на сцепку, следует пока попридержать. Не стоит расстраивать стариков. Хватит и того, что сама она скоро будет не в состоянии думать о чем-то другом. Ох, девочки-девочки... Что же с вами делать? Да, майор, — пардон, кап-три — это тебе не группа из двух десятков вчерашних кадетов, еще совсем недавно служившая мерилom возможных неприятностей с личным составом... Глубоко задумавшаяся Мэри не заметила, как машина приземлилась и вернулась к

окружающей действительности только в тот момент, когда Степан предупредительно распахнул дверцу. Что ж, улыбку на лицо и вперед!

В холле не было ни души. Мэри удивленно оглянулась на вошедшего вслед за ней Степана, не очень-то понимая, куда ей теперь следует идти и где, собственно, все.

— Поднимитесь наверх, Мария Александровна, вам надо переодеться, — где-то в глубине глаз старого служачки горел странный огонек, но лицо оставалось серьезным. — В вашей комнате все приготовлено.

Недоумевая — чем это плох ее повседневный наряд здесь, в доме деда, — Мэри поднялась на второй этаж, распахнула дверь и понимающе присвистнула. На стоящей посреди комнаты вешалке, поблескивая всеми ее орденами, висел парадный китель флота Российской империи с погонями капитана третьего ранга. Не иначе, ей подготовили торжественную встречу? Ну что ж. Не будем заставлять себя ждать.

Переодевание не заняло много времени — форма сидела так, словно ее сшили специально на Мэри. Впрочем, не исключено, что так и было: принесла же Катенька племяннице некоторое время назад платье для танцев, которое та ни разу не примеряла. Надо думать, и тут без тетушки не обошлось. Однако странно видеть себя в черном с голубым... ничего, вот к этому она привыкнет быстро и с удовольствием. Поправить аксельбант... попытаться хоть немного облагородить седой ежик... ох, что-то еще скажет Галочка... ладно, пока фуражка, а там видно будет... перчатки... все, пора.

Мэри сбежала по ступенькам в холл, и ничуть не удивилась, обнаружив у закрытой двери в гостиную Степана, тоже в парадной форме и при всех регалиях.

— Прошу вас, госпожа капитан третьего ранга! — величаво провозгласил он, распахивая створку.

Она вошла — и обомлела. Казалось, просторная комната битком набита людьми, хотя на самом деле на нее сейчас смотрели не более дюжины человек. Похоже, здесь собрались все члены семьи Сазоновых, имеющие отношение к флоту. В глазах сразу зарябило: из всех присутствующих только на стоящей у окна бабушке Ольге не было парадной формы и только ее голова оставалась непокрытой. В центре возвышался дед — точно такой же, как во время ее представления императору, разве что фуражка была на голове, а не на сгибе локтя. Рядом с ним сдержанно улыбался Антон. Алексея и Андрея она раньше не видела, но кем еще могли быть эти, такие похожие на отца, Антона и деда мужчины средних лет? Двое парней с лейтенантскими погонями лет по двадцать восемь, такие одинаковые, что даже братья Рафферти обзавидовались бы — это, разумеется, Сергей и Савелий, сыновья Андрея. А вот и Катенька, юноша рядом с ней, наверное, Виктор, старший сын, курсант училища на Белом Камне. За их спинами еле заметно тянули шеи еще двое курсантов, но кто из них Дмитрий Антонович, а кто Леонид Алексеевич, было пока не ясно. Мэри, лентяйка, ну что тебе стоило поинтересоваться семейным архивом?! Впрочем, времени предаваться самоуничижению ей не предоставили.

— Мария Александровна! — торжественно проговорил адмирал Сазонов. — Поздравляю тебя капитаном третьего ранга!

Он бросил ладонь к виску. То же сделали остальные мужчины и Екатерина. Ответное приветствие Мэри получилось несколько смазанным. Она привычно уперлась в тарисситовый крест двумя пальцами и только потом сообразила, что теперь ее жест — открытая ладонь. Однако никто не обратил на это внимания: сначала ее ребра хрустнули в объятиях деда, потом она обменялась рукопожатием с Антоном. Дальше, строго по старшинству, подошли остальные. Официоз быстро закончился, все заговорили разом, кузены-курсанты глядели на нее во все глаза, бабушка прослезилась было, но тут же рассмеялась... Степан тихонько стоял у дверей, притворяясь предметом обстановки, но Мэри не дала ему остаться в стороне. Видя, что старик не решается приблизиться, она сама подошла к нему и крепко обняла.

— Вот ведь как бывает, Марьсанна, — пробормотал он. — Я, когда впервые вас увидел, сказал, мол, добро пожаловать, госпожа капитан третьего ранга.

Тогда-то я, грешным делом, просто ваше бельтайнское звание на русские деньги перевел, а оно вон как вышло...

— Как в воду глядел, Степан! — пророкотал приблизившийся Николай Петрович. — Впрочем, одна маленькая птичка мне чирикнула, что в капитанах третьего ранга Мария Александровна надолго не задержится.

— Ну, это уж само собой, — степенно кивнул дворецкий.

— Дедушка?! — вопросительно вскинула брови Мэри, оборачиваясь к старому адмиралу, но тот только заговорщицки подмигнул ей в ответ, и громогласно пригласил присутствующих к столу.

Уже около полуночи, когда гости частью разъехались по домам, а частью разошлись по комнатам второго этажа, в спальню Мэри, оставшейся ночевать в отцовском доме, заглянул дед.

— Не спишь, Машенька? — он тихонько прикрыл за собой дверь и подошел к сидящей на подоконнике внучке.

— Не спится, дедушка, — пожалла она плечами, с наслаждением вдыхая прохладный воздух. В распахнутое настежь окно врвался ночной ветер, приносящий едва заметный аромат опавших листьев, слегка отдающий ржавчиной. Облака неслись по небу, словно табун испуганных лошадей. Луна то скрывалась за ними, то вновь показывалась во всей своей красе, и тогда тени от кустов становились резкими и бритвенно-острыми, как клинок парадного кортика. — Ты доволен вечером?

— Не то слово. Не каждый день удастся собрать за одним столом весь мой флот. Пришлось кое на какие кнопки нажать, чтобы все вырваться смогли, ну да это ничего, главное, получилось. Еще бы ты поменьше скромничала — совсем было бы хорошо, — Николай Петрович задумчиво помолчал. — Тяжело пришлось при Кортесе?

— Не слишком. Была, конечно, парочка нестандартных ситуаций, но ты не хуже меня знаешь, что в бою всего не предусмотреть, на то он и бой.

— Знаю, как не знать. Всякое бывало, иной раз такое, что глаза на лоб и волосы дыбом. А, кстати, что это за пилотов ты по гибернаторам рассовала?

— Откуда ты?.. — потрясенно ахнула Мэри, спрыгивая с подоконника.

— Ну-ну, что ты всполошилась, — дед был на удивление добродушен. — Информация не сказать чтобы совсем уж закрытая, да и Ираклий Давидович не настолько хитер, как сам о себе думает. Что-то важное о тебе от меня скрыть — это еще постараться надо, а его светлость аж распирало. Всего-то делов — задать правильный вопрос, да взгляд держать, не отпуская. Ольга Дмитриевна не в курсе, не беспокойся. Это дело флотское, а бабушка твоя всегда понимала, что ей следует знать, а что нет.

Мэри ехидно прищурилась:

— Это что же, один из признаков правильной жены по-русски?

— Верно. Не то чтобы главный, но тем не менее существенный. Учти на будущее, пригодится, — усмехнулся граф, проигнорировав скептическое хмыканье внучки. — Однако речь сейчас не об этом. Так что там произошло? Кто эти женщины?

— Не знаю. Пока — не знаю. Клоны — вот и все, что я сейчас могу о них сказать, и то не наверняка. Возможно, близнецы, но тогда это вообще ни в какие ворота не лезет. Хотя в Галактике всякое бывает, и такое в том числе. Так или иначе, работа, похоже, бельтайнская. Во всяком случае, фенотип наш. Жаль, что Джастин Монро уже поджаривается в аду, я бы его поспрашивала со всем усердием. Впрочем, тут тоже есть кому разобраться. Скверное дело, дед. Что произошло... понятия не имею, веришь? До сих пор такого не случалось, и не только со мной. Вообще ни с кем.

Адмирал Сазонов покачал головой — то ли сокрушенно, то ли неодобрительно, не разобрать — и прошелся по комнате.

— И что ты намерена с ними делать? Как ни крути, но это теперь твои люди.

Мэри, которая тоже воспринимала принятых под крыло пилотов как своих людей, досадливо скривилась.

— Еще не знаю. Что-то буду. Но это, думаю, вопрос завтрашнего дня.

— Послезавтрашнего, — веско уточнил дед. — Завтра у тебя дела во дворце.

С этими словами он включил терминал, выбрал нужное сообщение, пересланное, должно быть, из ее дома, и приглашающе поманил ее рукой.

— О господи... — только и смогла сказать Мэри, пробежав взглядом текст. — О господи...

— Не поминай всуе, — ухмыльнулся Николай Петрович. — И давай-ка укладывайся. Я сейчас Степана пришлю. Пусть принесет тебе... гм... снотворное.

Несколько недель, последовавшие за ее возвращением с Кортеса, выдались на редкость суматошными. На следующий день после прибытия Мэри на Кремль на ее шее руками императора была закреплена красная с желтой каймой орденская лента с крестом Святой Анны. Тогда же ей зачитали приказ о присвоении очередного звания, и это было... приятно. Именной корвет — штука неплохая, кто бы спорил, но и в принятой в Империи системе поощрений что-то определенно есть. Ее удовольствие было бы полным, если бы не внимательный, испытующий взгляд присутствовавшего на церемонии Константина. И она ничуть не удивилась, когда по окончании процесса награждения великий князь решительно вклинился в велеречивые поздравления министра обороны и предложил ей немного прогуляться.

— Я рад, Мария Александровна, что вы последовали моему совету, — начал Константин, когда под их ногами еле слышно закрипел темно-красный песок, которым была посыпана одна из дальних аллей дворцового парка. До того великий князь молчал, уводя Мэри все дальше от строений и любопытных глаз. — Правда, говоря о передрыге, в которую вам следовало бы встрять, я не рассчитывал, что она окажется настолько серьезной. Вы отдадите себе отчет в том, что именно ваши действия уберегли как минимум два из четырех континентов Кортеса от орбитальной бомбардировки?

— Разумеется, — кивнула Мэри. На собеседника она не смотрела, рассеянно переводя взгляд с роняющих листья деревьев на мелькающее в просвете между ветвями пронзительно-синее небо и снова принимаясь рассматривать толстые кряжистые стволы. Осень в Новограде разительно отличалась от духоты Кортеса, пропитанной сладковатым запахом лени. Здесь дышалось легко, каждая мышца словно заряжалась энергией и пела в предвкушении чего-то значительного.

— Разумеется, — повторила она, — я отдаю себе в этом отчет. Возможно, мне следовало бы проявить приличествующую скромность...

— Ни в коем случае! — фыркнул Константин.

— ...но в Корпусе нас учили, что чем большего успеха ты намерен достичь, тем чаще и громче следует заявлять об уже имеющихся достижениях.

— Я всецело поддерживаю ваших наставников, Мария Александровна. Как раз о ваших достижениях — настоящих и будущих — я и намерен сейчас поговорить. Присядем?

Скамья подвернулась как нельзя кстати, и великий князь, дождавшись, когда его спутница усядется, опустился рядом с ней на широкую медово-золотистую доску.

— Так вот, о ваших достижениях, — продолжил Константин. — Приказ о вашей отставке заготовлен, и вы можете в любой момент уволиться с флота. Уволиться в чине капитана первого ранга. Однако я хотел бы, чтобы вы обдумали возможность задержаться на действительной службе.

— Задержаться — в каком качестве? — Мэри была удивлена и не скрывала этого. — Согласна, я неплохо проявила себя при Кортесе, но давайте смотреть на вещи здраво: Империя практически не оперирует малыми кораблями, если не считать штурмовых катеров. А в том, что касается кораблей крупных, я понимаю еще меньше, чем пресловутая свинья в апельсинах — свинья апельсины хотя бы ест. Кроме того... У меня есть некоторые основания полагать, что найдется не так уж много командиров, которым понравится идея видеть меня у себя в подчинении. Не говоря уж о том, что такая идея не слишком нравится

мне.

Великий князь помедлил, собираясь с мыслями. Всякий раз, когда в его общении с графиней Сазоновой случался перерыв, ему начинало казаться, что скорость, с которой она оценивает сложившуюся ситуацию, преувеличена его воображением. И неизменно выяснялось, что воображения у него нет вовсе, потому что ее выкладки возникали чуть ли не раньше, чем он успевал озвучить вводные.

— Я намерен сделать вам достаточно своеобразное предложение, — начал он. — Ваш... не то чтобы конфликт... назовем это разногласием... с князем Цинцадзе перед тем, как вы отправились на Кортес, навел меня на весьма интересную мысль. Как мне кажется, для наиболее полного использования ваших способностей следует исключить необходимость согласования ваших действий с большим количеством начальников. Или тех, кто в силу разных причин полагает себя таковыми. Что вы скажете о должности офицера для особых поручений? Моего офицера?

Ответом ему был прищур, на секунду остекленевший взгляд и медленный кивок.

— Предложение действительно... своеобразное. Я вижу в нем много плюсов, но и минусов тоже хватает. Впрочем, только один из них можно назвать по-настоящему существенным, да и то это минус скорее для вас, чем для меня.

— И что же это за минус? — Константину было интересно, совпадет ли точка зрения Мэри с его собственной.

— Изрядное количество окружающих нас людей сочтет, что упомянутые «особые поручения» я выполняю в вашей спальне. Для меня это безопасно и даже выгодно, но вы рискуете тем, что...

— Безопасно? Выгодно?! — великий князь не знал возмутиться ему или рассмеяться, но в конце концов остановил свой выбор на смехе. — Мария Александровна, у меня покамест не было серьезных оснований считать себя дураком, но все-таки не считите за труд — озвучьте ход ваших мыслей!

— А все очень просто, — улыбка Мэри была доброжелательной, но холодноватой. — Тем, чье мнение для меня действительно важно, никакие глупости в голову не придут. Что же касается остальных, то по большей части они, я думаю, просто не рискнут что-либо комментировать. А в случае острой — я подчеркиваю, острой — необходимости мне не составит большого труда объяснить всем желающим, что лесом — это туда, — она ткнула большим пальцем правой руки налево. — Или туда, — такой же жест направо. — Или даже туда, — палец указал за спину. — Но это точно не здесь.

Константин злорадно захихикал, как школьник, которому удалось придумать отличную каверзу.

— Будь вы моей подружкой, я сказал бы, что вы прелесть. Хотел бы я присутствовать при таком разговоре! А что с выгодой?

— Числясь вашей фавориткой, я буду избавлена от необходимости рассматривать предложения, которые я рассматривать не хочу. Правда, есть один нюанс.

— Я даже боюсь спрашивать какой, — рассмеялся Константин.

— Рано или поздно — и скорее рано — я сделаю что-нибудь такое, что по определению не сможет понравиться моему... эээ... сиятельному любовнику. И вам следует заранее решить, как следует относиться к моей выходке. Точнее, какое отношение демонстрировать окружающим.

— Я буду загадочно улыбаться. Устроит?

— Вполне!

Они сидели на скамье в полуметре друг от друга, совершенно одинаково скрестив вытянутые ноги и положив локти на низкую спинку. И когда они переглянулись — два человека, прекрасно понимающие себя, собеседника и правила затейной игры, — их улыбки тоже были одинаковыми. Мэри мельком отметила эту идентичность, и она ей понравилась. Но в тот момент ей даже не пришло в голову (и совершенно зря), что увидь такое, выраженное в мимике и позах, единомыслие кто-то еще — и выводы этот человек может

сделать весьма пикантные.

Помощник озеленителя постарался пройти мимо как можно быстрее, чтобы не попасться на глаза наследнику престола, который уж точно не просто так привел даму в столь уединенный уголок. Даму, однако, служащий узнал. И когда (под большим секретом!) рассказывал одному из своих приятелей об увиденном, то — красного словца ради — упомянул, что пара держалась за руки. Приветливость взглядов можно было не додумывать, она и так имела место быть, так что приятель, передавая новость подружке, присочинил еще кое-что. А что такого? Ведь не вранье же, так, украшение рассказа...

Глава 11

Отчет об использовании материально-технических ресурсов — преизрядная гадость. Особенно если ты его не составляешь, а проверяешь. И вроде бы нет никаких оснований не доверять тем, кто непосредственно приложил к нему руку, но порядок есть порядок. За эскадру отвечаешь ты, отвечаешь как в це лом, так и в частностях. И подписывать отчет тоже тебе. А посему — будь добр, вникай. Деваться тебе некуда.

Никита Корсаков устало потер виски, откинулся на спинку кресла и с изрядным облегчением прикоснулся к сенсору, открывающему дверь в его апартаменты на крейсере. Вот так, без предварительной договоренности, к нему мог зайти только один человек — командир «Александра» каперанг Дубинин, а его Никита был рад видеть всегда. Они знали друг друга еще по Академии. Правда, Капитон был курсом старше, но это не помешало знакомству стать приятельством, а приятельству перерасти в дружбу. После Академии они оказались в одном и том же подразделении, хоть и на разных кораблях, и в системе Веер именно действия Дубинина помогли Никите достичь успеха. Порой Корсакову казалось, что это Капитону следовало бы носить контр-адмиральские погоны и командовать «Александровской» эскадрой. Он даже высказал однажды эту мысль в разговоре с другом, на что Дубинин выразительно покрутил пальцем у виска и, на правах старшего товарища, велел Никите не валять дурака. Больше эта тема между ними не поднималась.

Сейчас Капитон стоял в дверях кабинета и сочувственно глядел на Корсакова.

— Что, брат, замучился?

— Не то слово. Головы не поднять. Плюнул бы — да еще отец учил, что мужчина должен отвечать за свои слова, неважно, произнесенные или написанные. А уж если он свое имя под чем-то ставит, так вдвойне.

Дубинин, знакомый с отставным каперангом Борисом Корсаковым, понимающе кивнул. Никита был младшим ребенком и единственным сыном в семье, а потому Борис Никифорович пуще всего боялся, что «девки с бабами» испортят мальчишку, и держат его в ежовых рукавицах. «Мальчишка» давно вырос, заматерел, уже почти три года был старше батюшки по званию, командовал эскадрой — но до сих пор свои действия сопоставлял с тем, что сказал или сделал бы на его месте отец. Впрочем, это было вполне в порядке вещей, Дубинин и сам искренне полагал, что отец дурного не посоветует. Другое дело, что, в отличие от Бориса Корсакова, Анатолий Дубинин к флоту никакого отношения не имел, будучи детским врачом в Серебрянске, маленьком городке на Белом Камне.

— Доверяй, но проверяй — хороший принцип, правильный, — усмехнулся Капитон. — Только ты, как я погляжу, совсем тут закопался, света белого не видишь. Тебе адъютант последние приказы по флоту показывал?

— Не показывал, — покачал головой Никита. — Он было сунулся, да мне не до того сейчас. А что, я пропустил что-то важное? Меня разжаловали, а я не в курсе?

— И сам ты, конечно, тоже не смотрел. Все с тобой ясно. Приказы ты не смотришь...

— Капитон!

— ...околопридворными новостями тем более не интересуешься...

— Ка-пи-тон!

— Короче, так. Капитан третьего ранга Мария Сазонова получила кавторанга и «Анну»

второй степени.

Никита забросил руки за голову. Лицо его было нарочито бесстрастным.

— И за что же?

— За Кортес. Слышал, там корветы, эскортирующие крейсер «Сантьяго», две с половиной сотни москитников размолотили?

— Слышал. Уж такое-то не пропустишь.

— Ну вот. А командовала ими ее бельтайнское сиятельство. — Мэри не то чтобы не нравилась Капитону, но о неудачном сватовстве Никиты он знал, и теперь переживал за друга, злясь на женщину, посмевшую отвергнуть его. — Я, правда, не совсем понял, когда она успела стать кап-три, но это уже не так важно. Теперь, если даже прямо завтра в отставку, быть ей каперангом. Гляди, не ровен час — сравняешься в званиях со своей зазнобой.

Никита вскинулся было, но Дубинин предостерегающе поднял руку, давая понять, что еще не закончил.

— Это только половина новостей.

— А вторая? — Корсаков изо всех сил старался не пустить в голос возникшую внутри пустоту. Не просто так Дубинин пришел к нему. Что-то есть такое, от предчувствия известия о чем болезненно сжалось сердце.

— Я подумал, что будет лучше, если тебе скажу я, чем ты от наших записных остряков услышишь. Тут такое дело, Никита... У его императорского высочества Константина Георгиевича новый офицер для особых поручений. Фамилию называть или сам догадаешься?

* * *

Довольно быстро выяснилось, что Мэри в своих рассуждениях не учла как минимум еще один раздражающий фактор и несколько ошиблась в расчетах.

Вскоре после того, как стало известно о ее назначении на должность, число тех, кто жаждал свести знакомство с молодой графиней Сазоновой, вышло за все пределы, которые она до сих пор полагала разумными.

Наиболее деликатные соискатели пытались связаться с ней через домашний коммуникатор, и дело кончилось тем, что она и вовсе перестала отвечать на вызовы. Тяжкое бремя ограждения частной жизни хозяйки от посягательств извне взяли на себя супруги Дороховы. Мэри, понаблюдав однажды из дальнего угла за виртуозным отбритием какого-то хлыща, прибавила своему персоналу жалованье. Дескать, за такое — не жалко.

Более настырные старались перехватить ее вне дома. К счастью, посетители спорткомплекса, где в перерывах между эскападами тренировался экипаж «Джокера», не считали возможным надоедать кавторангу, занятой поддержанием формы. Или просто соотнесли наблюдаемые спарринги со своей готовностью рисковать и сделали соответствующие выводы. Значительно хуже дело обстояло с теми, кто спаррингов не видел и степень риска себе не представлял. В особенности это относилось к женщинам.

Предсказания Зарецкого относительно перспектив Мэри на будущее оправдывались с точностью наоборот. Матери «не пристроенных великовозрастных сыновей», как, впрочем, и сами сыновья, ей не докучали. А вот матушки девиц на выданье всеми правдами и неправдами пытались представиться ей сами и представить своих чад. Логика происходящего от Мэри ускользала. Если ее числят в любовницах Константина, то какая польза от нее может быть незамужним девушкам? Тоже в любовницы пристроить? Бред...

Находились и такие, кто прилагал изрядные усилия для того, чтобы встретиться с ней и выразить хорошо завуалированное «фе» по поводу того, что себе позволяет барышня из такой достойной семьи. По счастью, данная категория была представлена всего двумя экземплярами. Второму из них Мэри изложила свою точку зрения не только предельно доходчиво, но и громко. Инцидент произошел не где-нибудь, а на званом вечере, который ее уговорила посетить встревоженная бледностью и кругами под глазами бабушка. После этого

желающие поставить ей на вид исчерпались, а сама она сделала вывод, что если бы первый экземпляр услышал то же, что и второй, то второго попросту не было. И что это людям спокойно не живется?

Между тем у Мэри не было времени ни на поддержание создавшегося реноме, ни на его опровержение. Прошло около трех дней после принятия ею предложения Константина, когда с ней связался профессор Эренбург. Старый нейрофизиолог, ни на йоту не изменившийся с тех пор, как она видела его в последний раз (что было совершенно неудивительно в его возрасте), категорически потребовал, чтобы она явилась к нему на предмет обследования и консультации. Недоумевая, что же он считает нужным обследовать у нее, Мэри тем не менее почла за лучшее не сердить вспыльчивого старика и явилась точно в назначенное время.

Здесь, в клинике, она поначалу даже не смогла задать имевшиеся у нее вопросы. Эренбург был собран, слегка (но с каждой минутой все сильнее) раздражен и неумолим, как уравнение перехода. Он сразу же заявил своей посетительнице — или жертве, с какой стороны посмотреть, — что будет готов обсудить с ней происшедшее в системе Таро только после того, как она даст ему возможность сопоставить некоторые факты. И Мэри не оставалось ничего другого, как согласиться.

Тесты она запомнила смутно, безропотно позволив делать с собой все, что заблагорассудится деловитым, хмурым медикам. К разъему тарисситового импланта поочередно подключали различные приборы, в кровь вводили какие-то препараты, состав дыхательной смеси, подаваемой через маску на лице, постоянно менялся. Ее о чем-то спрашивали, она что-то отвечала, окружающее пространство покачивалось, как крохотная лодка на океанской зыби. Кажется, в какой-то момент на заднем плане мелькнуло сосредоточенное лицо доктора Смирнова, биохимика, известного ей еще по обследованию объекта «Доуэль» на орбите Бельтайна. Это было совсем неплохо, она и с генетиком Павлом Гавриловым с удовольствием встретилась бы. Вот только о чем бы ни думали люди, окружающие в данный момент кресло, в котором она полулежала, ее удовольствие в списке явно не значилось.

Наконец все закончилось. Мэри поднялась на ноги, разминая затекшую спину и с некоторым недоумением косясь в окно, где уже сгустились серые осенние сумерки. Взгляд на хронометр: восемь вечера. Куда делся целый день?! Заметивший ее удивление Эренбург только хмыкнул, соорудив на лице гримасу снисходительного раздражения.

— А вы как думали, Мария Александровна? — проскрипел он, с видимым трудом выбираясь из-за лабораторного стола. — Исследования занимают время, тут уж ничего не попишешь.

Она пожала плечами и слегка поморщилась: лицо и кисти рук кололи тысячи невидимых иголок. Чем же это ее накачали? Ладно, это неважно. Тут хоть спрашивай, хоть не спрашивай, а ответят только то, что посчитают нужным.

— Я понимаю, Николай Эрикович, что задачу, которая была поставлена перед вами, нельзя решить с кондачка. И полагаю, что мое время стоит уж никак не дороже вашего. Вы мне только скажите — это самое время было потрачено не зря? Вы чего-то достигли?

— Разумеется! — фыркнул грозный профессор. Само предположение, что у него могло что-то не получиться, изрядно рассердило бы его, не будь оно абсолютно нелепым, а потому смешным. — Задавайте ваши вопросы, графиня. Хотя нет, погодите, сейчас я вызову остальных.

Несколько минут спустя выяснилось, что Иван Смирнов ей не привиделся. Да и ее желание встретиться с доктором Гавриловым было, похоже, услышано тем, кто отвечал за приятности и неприятности сегодняшнего дня. Во всяком случае, кругленький генетик вкатился в комнату вслед за Смирновым. Похоже, эти трое составляли теперь постоянную «рабочую группу по разбору бельтайнских полетов», как мысленно назвала их Мэри.

— Итак, графиня, — начал Николай Эрикович после того, как с приветствиями было

покончено, — теперь я полностью готов удовлетворить ваше любопытство. Мы готовы.

Услышав это «мы», его коллеги синхронно кивнули. Покамест они молчали, предоставив говорить профессору Эренбургу, но по всему было видно, что и генетик, и биохимик готовы подключиться в любой момент.

Вопросы были готовы у Мэри давно. Основная трудность состояла в том, в какой последовательности следует их задавать.

— На орбите Кортеса я в пределах держала на сцепке пятьдесят девять кораблей. До сих пор возможным максимумом считалось сорок, полный «Хеопс», и способных на это пилотов в Галактике сейчас, не считая меня, только трое. Причем из этих пятидесяти девяти кораблей только пятнадцать были моими изначально. Как мне удалось собрать на сцепку в полтора раза больше единиц, чем раньше? Каким образом я захватила их? И почему эти клонированные девчонки позволили мне сделать это? Да что там позволили — они сами умоляли меня взять их на поводки, клянусь!

— Не клянитесь, Мария Александровна, — сухо проговорил Эренбург. — Я вам верю, хотя в данном случае речь идет не о вере, а о научно обоснованной уверенности. Давайте разберемся с вашими вопросами по порядку. Хотя, возможно, по порядку не получится, слишком взаимосвязаны те ответы, которые я готов вам предоставить. Кроме того, мне придется начать издалека. Думаю, вы не станете отрицать, что с того момента, как вы покинули ВКС Бельтайна, в вашем организме произошли определенные изменения.

— Не буду, — проворчала насупившаяся Мэри, скрешивая руки на груди и сумрачно глядя исподлобья на сидящего перед ней профессора. — Это был сущий кошмар. Пока просто летаешь, разница не ощущается, но в бою... нет, не зря нам глушат гормональный фон. Все время, пока на орбите Кортеса шел бой, я чувствовала себя так, будто пытаюсь танцевать на протезах вместо ног.

— Протезы вместо ног... что ж, сударыня, позвольте вам заметить, что именно отпущенные на волю гормоны дали вам способность сделать то, что вы сделали. Быть может, вы теперь хуже летаете, такое вполне возможно. Но сколько кораблей вы можете собрать на сцепку, я не знаю. И никто не знает. Думаю, однако, что пятьдесят девять — это не предел.

— Уже интересно, — Мэри поежилась, обхватив себя руками за локти. — А почему до этого никто не додумался раньше?

— А потому, что вы живете в мире поворотных дверей! — едко усмехнулся Николай Эрикович.

— В каком мире?!

— В мире, где все двери открываются только поворотом на петлях. В мире, где никто никогда не видел раздвижных дверей, даже не слышал о такой возможности. И когда вы столкнетесь с раздвижной дверью, как вы ее откроете? Поймете ли вы вообще, что это дверь? Не примете ли ее за часть стены потому только, что не увидите петель, на которых ее можно повернуть?

— Раздвижная дверь? — прищурилась Мэри. — Вы хотите сказать, что отказываясь от использования в действующих частях пилотов с нормальным гормональным фоном, Бельтайн прошел мимо такой двери?

— Очень на то похоже, — кивнул Эренбург. — Ваша родина заиклилась на поточном производстве боевых экипажей, уделяя особое внимание подготовке пилотов и безжалостно выбрасывая на свалку тех, кто уже не может летать в соответствии с бельтайнскими стандартами. А между тем тот, кто способен управлять пилотами в бою, не менее важен, чем сами пилоты. И ему, кстати, совершенно необязательно хорошо летать самому. Хирург не обязан быть скальпелем. Хотя возможности скальпеля ему знать все-таки следует.

По окончании сей маленькой наставительной речи Мэри задумчиво улыбнулась.

— Спасибо, Николай Эрикович. Будем считать, что вы меня утешили. Пилотом мне не быть, это уже ясно, так может быть, хоть в тактические координаторы подамся. Хорошо, с этим разобрались. Дальше.

— Дальше... — Эренбург поднялся, отошел к окну, постоял, покачиваясь с носка на

пятку, снова вернулся к столу. — Вам не показалось, что пилоты истребителей просили вас взять их на поводки. Так оно и было на самом деле.

— Откуда вы знаете? — Мэри подалась вперед, стискивая подлокотники кресла.

— Они сами мне сказали об этом. Конечно, говорят они пока не слишком уверенно, но все-таки говорят. Несмотря на то что личностное развитие сильно заторможено относительно видимого физиологического возраста, эти девочки не роботы, а нормальные люди.

— А они не сказали вам — почему? Почему они захотели перейти под мое командование?

— Сказали. Потому, что вы — добрая. Не забывайте, это ведь просто дети, дети в искусственно выращенных взрослых телах.

Мэри поперхнулась и закашлялась, пытаясь протолкнуть воздух в легкие через ставшее вдруг шершавым горло.

— Я — добрая? Я?! Всеблагий Господи, это с кем же они имели дело, если я для них...

Николай Эрикович криво усмехнулся, наблюдая за этой вспышкой эмоций. Его коллеги по-прежнему молчали, но глядели на Мэри с явным сочувствием. Не выдержав, должно быть, бездействия, Гаврилов встал и принес стакан воды, который, все так же не говоря ни слова, поставил на стол перед девушкой. Она благодарно кивнула и отпила глоток, не сводя глаз с Эренбурга.

— Я думаю, что доброта как таковая тут ни при чем. Просто в вашем случае мы имеем удовольствие наблюдать, если угодно, боевое применение материнского инстинкта.

Удовольствие? Черт бы побрал все на свете... Так это детский крик она слышала в момент обрыва поводка москитника? Материнский инстинкт...

— Хорошо, я поняла. Вы хотите сказать, что в какой-то момент я стала... кем? матерью? матерью — в понимании этих несчастных детей? Подождите... подождите...

Мэри отпила еще несколько глотков, грохнула стаканом об стол, задумалась.

— Я могу на них посмотреть?

Эренбург шевельнул кустистой бровью, доктор Смирнов быстро набрал код на пульте, и на большом экране она увидела своих странных протеже. Они уже не были такими одинаковыми, как в момент первой встречи на борту «Андрея Боголюбского». В лицах той дюжины, что присутствовала в демонстрируемой ей записи, появилась индивидуальность. И что-то еще. Мэри встала. Подошла к экрану почти вплотную. Вгляделась.

— Сколько процентов?

— Простите, графиня? — это Гаврилов, неслышно подошедший и вставший за ее спиной.

— Сколько процентов меня в генетическом композите?

Она почти видела, словно вдруг появились глаза на затылке, как многозначительно переглянулись мужчины.

— Как вы догадались? — кругленький генетик говорил так сухо, что казалось, его голос можно использовать в качестве трута в древнем огне.

— Волосы. У них начали расти волосы.

— И что? — Гаврилов, похоже, не понимал. Или делал вид.

— Цвет волос. Этот оттенок на Бельтайне не встречается, зато в моей здешней семье... Это же классический «новоросский русский», как его называет дама, владеющая тут, в Новограде, салоном красоты. Этот чуть зеленоватый отлив... так сколько?

— Шестьдесят два.

— Твою мать... — потрясенно выдохнула Мэри.

Домой она вернулась за полночь. Врачи в один голос уговаривали ее остаться ночевать в клинике, мотивируя это тем, что в таком взвинченном состоянии вести машину не стоит. Да еще и препараты... Однако Мэри, которой хотелось хорошенько обдумать полученную информацию и способы ее использования, отказалась наотрез. Такси еще никто не отменял.

Кроме того, в любой момент можно вызвать водителя для своей машины, если по каким-то причинам не желаешь управлять ею сам. Наконец, есть Иван Кузьмич, который как пить дать обидится, если она вернется домой с кем-то посторонним.

Она оказалась права в своих предположениях. Отставной десантник категорически заявил, что не устал и спать не собирается, прибудет немедленно, и чтобы ее сиятельство даже не вздумала нанимать кого-то постороннего, еще не хватало! Прикинув, что у нее есть еще около двух часов до того, как появится дворецкий, Мэри встряхнулась, влила в себя кружку крепкого чая с коньяком и принялась задавать вопросы.

Услышанные ответы заставляли кулаки сжиматься в бессильной ярости и покрывали руки гусиной кожей. Говорил по большей части Эренбург, как самый старший и по возрасту, и по положению, занимаемому в медицинском мире. Время от времени ему ассистировали Гаврилов и Смирнов. Несколько консультантов, приглашенных дополнительно, готовы были дать самую исчерпывающую информацию о физиологическом и психологическом состоянии ее подопечных. И эта информация повергала Мэри в состояние, опасно близкое к шоковому.

Искусственно ускоренный рост. Имплантация в примерно годовалом возрасте. На данный момент — шесть стандартных лет. Процент отсева при имплантации? Сложно сказать, графиня, мы предполагаем, что не меньше восьмидесяти. Скорее, больше. Сколько их было изначально, сказать невозможно. Но речь явно не об одной сотне. Возможно, счет идет на тысячи. Сударыня, вам плохо?

Мэри было не плохо. Ей было никак. Отсутствующее выражение лица, так напугавшее одного из медиков помоложе, было следствием того, что ей удалось волевым усилием задвинуть эмоции на задний план. Где-то там, внутри, бурлили ужас, гнев, холодное бешенство, острое желание кого-нибудь придушить или хотя бы вдребезги разнести что-то большое и красивое. Снаружи это не проявлялось совсем. Ну почти: пульсировала жилка на виске. Да еще голос осип внезапно и прочно, никак не желая выравниваться, не помогли ни горячий чай, ни спешно принесенные пастилки и спреи. Впрочем, говорила она мало, больше слушала, только изредка задавая очередной вопрос.

К тому моменту, когда голос Дорохова в клипсе коммуникатора сообщил, что Мария Александровна может отбыть домой в любую минуту, она уже в общих чертах уяснила для себя положение дел. Теперь надо было крепко подумать. Именно этим она и занялась, сначала в машине, потом у себя в кабинете.

Слугам было решительно велено идти спать. Ту же директиву получила Матрена, донельзя недовольная тем, что главная подданная, вместо того чтобы отправляться в постель, носится кругами по кабинету, что-то бормоча себе под нос. Но кто и когда видел кошку, которая послушалась приказа? Утомившись впускать и выпускать «наглую скотину», Мэри решительно выставила ее вон из кабинета, закрыв дверь и стараясь не обращать внимания на возмущенные вопли и царапанье. Некоторое время спустя выяснилось, что не обращать внимания не получается, и тогда Мэри вышла в сад, мокрый после недавнего дождя.

На свежем воздухе она неожиданно успокоилась. В конце концов, разве ей сегодня рассказали что-то совсем уж страшное? Или совсем уж новое? Можно подумать, Бельтайн из поколения в поколение действовал как-то иначе... Да, возможно, такого пренебрежения к количеству израсходованного впустую исходного материала генетики родной планеты не проявляли. Ну, так у них и не было этого самого количества. Каждый член каждого экипажа был уникален, клонированием Генетическая служба не увлекалась. Или увлекалась — судя по имеющему место быть результату, — но не на Бельтайне. Стало быть, следует отбросить в сторону эмоции и сообразить, какую пользу можно извлечь из этих девчонок, да так, чтобы не причинить им вреда сверх того, который уже нанесен. Ну-ка, лапуля, давай, соображай. Что они умеют? Да то же, что и ты — летать. И в целом неплохо летать. Значит, что? Ох, неймется тебе, Мария Александровна. Кто ж их тебе под начало отдаст? А с другой стороны — а кто не отдаст? Кто они такие, кому принадлежат, каков их юридический статус?

Вопросы, вопросы...

Когда, изрядно продрогнув, она вернулась в кабинет, выяснилось, что на диване сидит, развалившись, Джон Рафферти, единственным предметом одежды которого являются спортивные штаны. Ну, это если не считать за деталь гардероба Матрену, изображающую помесь воротника с аксельбантом. Роль аксельбанта играл хвост, свесившийся на грудь с плеча медика, на котором, собственно, и восседала кошка.

— Что ты здесь делаешь? — неприветливо осведомилась Мэри.

— Меня пригласили. Нет, не так: моего присутствия настоятельно потребовали — верно, киска?

Матрена презрительно отвернулась.

— Я, конечно, слыхала выражение «всякая собака тут командовать будет!», но чтобы командовала всякая кошка?!

Матрена подобрала хвост и поудобнее устроилась на голом плече Джона. Тот едва заметно поморщился — похоже, его весьма чувствительно оцарапали, — но промолчал, только похлопал ладонью по дивану рядом с собой. Мэри покачала головой, и тогда Джон, аккуратно ссадив кошку на подлокотник, встал и обнял командира за плечи.

— Перестань метаться. Утром додумаешь. Давай-давай, ложись. Составить тебе компанию?

Реакция Мэри была вполне предсказуемой, а потому ухмыляющийся медик успел увернуться, выскочить за дверь и уже с безопасного расстояния выдать вполголоса несколько глумливых рекомендаций. Полюбовался показанным кулаком, убедился, что задача — привести командира в порядок — выполнена и, посмеиваясь, отправился наверх, вслед за милостиво показывающей дорогу Матреной.

Налетевший порыв ледяного ветра наморщил гладь озера, заставив Мэри натянуть на самые глаза капюшон теплой куртки и засунуть руки в карманы чуть ли не до локтей. И как только Константин не мерзнет? Словно почувствовав, что гостя думает о нем, великий князь обернулся и с улыбкой протянул ей кружку глинтвейна. Священнодействующий у жаровни мужчина в летах невозмутимо помешивал ароматное варево, демонстративно не обращая никакого внимания на беседующую пару.

— Юридический статус этих девушек? Странный вопрос, Мария. Почему вы задали именно его? — между собой они отбросили отчества, оставив данью приличиям полные формы имен и обращение на «вы».

— Я должна понять, что с ними делать дальше. Как мне кажется, из них могла бы получиться недурная эскадрилья, но на службе какого государства она будет состоять?

— Да, проблема. Их статус — действительно та еще заковыка, ведь совершенно неизвестно, чьими гражданами или подданными они являются по факту рождения. В силу этого право почвы не сработает. Не знаю, что вам сказать. Единственное, что тут можно хоть как-то притянуть за уши — право крови. Вашей крови. Шестьдесят два процента — это больше, чем даже если бы они были вашими дочерьми...

— В принципе, вы правы, Константин, — Мэри отхлебнула из кружки и одобрительно кивнула: ей частенько доводилось пить глинтвейн во время службы в Бурге, и этот нисколько не уступал лучшим тамошним образцам. — Но есть один момент, который меня смущает. Я сделала свой выбор сознательно, а они... У них нет собственного жизненного опыта, у них нет собственного мнения, у них и имен-то собственных нет, только номера. Они даже говорить толком не умеют, общаются с помощью мыслеобразов. И если я правильно поняла профессора Эренбурга, я для них что-то вроде фетиша. Стоит мне сказать им, что я была в жерле действующего вулкана и мне там понравилось, и они туда попрыгают. Могут ли я советовать — а тем более приказывать — им при таком положении дел?

Константин взял кружку в левую руку, правой подхватил Мэри под локоть и повел ее прочь от воды.

— Ваша щепетильность делает вам честь, Мария, но на вещи следует смотреть здраво.

Империя, конечно, много потребует от них в случае приема на службу, но уж никак не больше, чем потребовали их создатели. А наградить девчонок она, поверьте, сумеет куда лучше. Кстати, а на чем, с вашей точки зрения, они будут летать?

Мэри замялась, но Константин ободряюще сжал ее руку, и она решилась:

— Надо бы узнать, куда делись те истребители, на которых они дрались при Кортесе. Птички довольно крупные, установить на них подпространственные приводы и дополнительные системы жизнеобеспечения будет, по-моему, не так уж трудно. Да и не слишком дорого по сравнению с закупкой новых кораблей. Если только их не вернули Кортесу. Или не сбыли через призовой аукцион, такое тоже вполне возможно.

— Ладно, судьбой истребителей мы с вами поинтересуемся прямо сейчас. Идемте-ка в кабинет, я свяжусь с Гусейновым и вы все выясните. Но ведь помимо кораблей потребуется уйма всего. Инструкторы...

— Я справлюсь, — твердо заявила Мэри.

— Не сомневаюсь, но вы одна, а их тридцать восемь. Прикиньте, сколько специалистов вам понадобится и каких именно. Пока вы будете являть собой лицо Империи на Санта-Марии, мы тут все подготовим.

При напоминании о предстоящем послезавтра вылете Мэри нахохлилась и откуда-то из недр капюшона спросила, одновременно мрачно и жалобно:

— А это обязательно — лететь на Санта-Марию? Константин усмехнулся, сочувственно похлопал ее по плечу и прибавил шаг.

«Титов», одна из тренировочных баз имперского флота, понравился Мэри сразу. Было в этом лабиринте переходов, спортивных залов, тактических классов, ангаров и шлюзов что-то от родного «Гринленда». Самым существенным отличием, на ее взгляд, было полное отсутствие детей и почти полное отсутствие женщин. Этот последний факт представлял, с ее точки зрения, немалую проблему. Пусть по меркам Бельтайна ее девочки, как и она сама, не блистали красотой, но у русских, кажется, имелся свой, отличный от бельтайнского, взгляд на этот вопрос. Кроме того, на безрыбье, как известно, и рак — рыба...

Между возвращением с Санта-Марии и отбытием на «Титов» прошло почти три недели, заполненные разнообразными делами до такой степени, что спать было некогда. Это только кажется, что при наличии неограниченных средств необходимые тебе результаты получаются быстро, просто и как бы сами собой. На деле же все далеко не так радужно. Взять хоть составление учебных планов: для начала неплохо бы представлять, что твои подопечные уже знают. Что умеют — ты видела, пусть и мельком, и с этим еще предстоит разобраться, а вот что знают?

А подбор персонала? Собеседования, собеседования, собеседования... И ведь девчонок тоже не бросишь на произвол судьбы. С ними надо работать, создавая основу будущих взаимоотношений командира и подчиненных. Но помимо этого им нужно простое человеческое общение, их необходимо хоть как-то социализировать, им, в конце концов, следует помочь выбрать имена...

Времени катастрофически не хватало. Мэри не знала, что заставляет ее торопиться, но к своему чутью она привыкла прислушиваться с детства. Она даже вкатила себе в один из дней дозу J-коктейля, была вполне предсказуемо поймана Джоном на горячем и отчитана, как проштрафившийся кадет. Экипаж «Джокера» тоже представлял собой проблему. Мэри решила, что полетит на «Титов» на собственной яхте — всегда хорошо иметь возможность передвигаться, ни от кого не завися. Однако, поскольку «Джoker» был вполне заточен под одиночное управление, команду она решила оставить на Кремле. Решила — и столкнулась с яростным сопротивлением. Ее уговаривали и улещивали. С ней скандалили и ей угрожали. При намеке на готовность взять экипаж с собой его члены становились шелковыми, но стоило заикнуться о том, что лучше ей отправиться одной...

В сотый (если не в тысячный) раз убедившись в том, что командир служит экипажу как минимум в той же степени, что экипаж командиру, она согласилась с доводами команды. И чуть больше чем за двое суток до того, как на «Титове» появились пилоты москитного флота

крепости «Конкистадор», капитан второго ранга графиня Мария Сазонова прибыла на базу.

Глава 12

Есть, наверное, занятия более разумные, чем поиск в Галанете информации о женщине, до которой тебе — в твоих сегодняшних обстоятельствах — не дотянуться. Разве что раскланяться на каком-нибудь светском мероприятии, да и то вряд ли: когда ты в последний раз бывал в свете? Когда водил эту женщину в театр? Дурацкая была затея. Под стать сегодняшней. Что ты делаешь, а? И без того на эскадре перешептываются, а если узнают, что не так ты невозмутим, как стараешься казаться — и вовсе со свету сживут, за флотскими не заржавеет...

Никита криво усмехнулся, зачем-то покосился на дверь кабинета и включил воспроизведение. На дисплее появились франтоватый кабальеро и элегантная сеньора неопределенного возраста.

— Итак, пребывание графини Сазоновой на Сайта-Марии подошло к концу, — бойко заговорил мужчина. — Сеньора Рамирес, каковы, на ваш взгляд, будут последствия визита на нашу планету самой, пожалуй, обсуждаемой персоны в Рах Мехicana?

— Это зависит от того, что именно вы понимаете под последствиями, сеньор Вилья, — не менее живо ответила дама. — Отношения между нашей родиной и Российской империей всегда были самыми дружескими. Казалось бы, что может добавить или убавить один человек? Однако следует отметить, что последняя ученица легендарного Эстебана Родригеса очаровала всех.

Говоруны исчезают, и на их месте возникает кладбище. Изящный при полном отсутствии хрупкости бронзовый сеньор протягивает правую руку, словно приглашая на танец, и именно в эту ладонь вкладывает Мэри тонкую черную перчатку.

— Пусть у вас будет пара, учитель, — говорит она на спанике, голова вскидывается в попытке сдержать слезы. Попытка неудачна, камера с каким-то болезненным сладострастием смакует гримасу, исказившую лицо девушки за секунду до того, как ее прижимает к груди Хуан Вальдес. Бывший военный атташе посольства Рах Мехicana на Кремле заботлив, и предупредителен, и готов защитить свою спутницу от всего мира, и делает это настолько напоказ, что хочется взять его за шиворот и хорошенько встряхнуть.

А вот уже другой антураж. Церковные ступени, жених и невеста — Рори О'Нил и Элис Донахью, ну и ну! Мэри и все тот же Вальдес выпускают в небо прекрасных белых птиц. Голос за кадром сообщает, что сеньорита Сазонова пожелала, чтобы брак, заключенный ею как командиром корабля, благословил настоящий священник, а поскольку отца Гильермо она знавала еще во времена своей службы...

Президентский дворец, церемония награждения, президент величав, Мэри сосредоточена, они стараются перешеголять друг друга в учтивости, и сложно сказать, кто выигрывает... и снова Вальдес, черт бы его побрал...

Фиеста... нет, на это невозможно смотреть... ускоренный показ... снова комментаторы...

— И все-таки, сеньор Вилья, я полагаю, что надежды семьи Вальдес не оправдаются. Графиня Мария кто угодно, но только не дурочка. И вряд ли она позволит приятным воспоминаниям о годах совместной учебы с доном Хуаном перевесить практические соображения. Заместитель военного министра — это, разумеется, совсем неплохо, но... Ходят упорные слухи, что она является не только фавориткой наследника российского престола, но и самой вероятной претенденткой на титул ее императорского высочества. А там рукой подать и до короны...

— Что ж, — многозначительно усмехается кабальеро, — великого князя Константина вполне можно понять — и как будущего правителя, и просто как мужчину.

Выстроенные экипажи в бельтайнской форме... гамак на морском берегу... снова президентский дворец... снова фиеста-Никита выключил запись, рывком встал с кресла и

прошелся по кабинету, заложив руки за спину. Права эта красотка. Против практических соображений не попрешь... а он, контр-адмирал Никита Борисович Корсаков, даже не замминистра...

* * *

Ерунду говорят те, кто заявляет, будто для того, чтобы научить другого плавать, надо прекрасно уметь это самому. Вздор, чепуха, нелепица. Главное — окружить себя теми, кто умеет. И правильно организовать процесс. Дмитрий Олегович Шерганов в действующих частях не служил уже очень давно. И, пожалуй, предложи ему кто — сейчас не рискнул бы самостоятельно провести эсминец через зону перехода, не говоря уж о бое. Но дело на тренировочной базе «Титов», которой он командовал уже лет двадцать, было поставлено так, что она по праву считалась лучшей в Империи.

Следует, однако, отметить, что сказка сказывается существенно скорее, чем делаются дела. И потому все то время, что «Титов» находился под рукой Шерганова, кап-раз имел весьма расплывчатое представление о значении слова «отдых». Что же до «отпуска», то ежегодные две недели на Кремле бывали неизменно посвящены решению тех служебных вопросов, которые не удавалось уладить на расстоянии. Вообще-то отпуск ему полагался отнюдь не две недели, но бросить свое хозяйство на больший срок Дмитрий Олегович не считал возможным. Жена давно махнула на него рукой, посвящая собственный досуг взлелеиванию экзотического сада, созданного на базе ее стараниями. Значит ведь, за кого замуж выходила, что уж теперь-то?

Поэтому, когда Шерганов получил предписание, обязывающее его подготовить помещения и технику для кавторанга Сазоновой и ее сотрудников и подопечных, он только обреченно выругался. К периодическому появлению на базе «паркетников» он привык давно, знал, как с ними себя вести, и нейтрализовать в случае необходимости умел. Но что делать с гибридом боевого (боевого ли?) офицера и дворцовой профурсетки? Исключительно этого ему и не хватало для полноты счастья, сообщил он первому заместителю, раздал указания и напроочь забыл о предстоящей мороке до того момента, когда она реализуется.

Прибытие великокняжеского офицера для особых поручений Дмитрий Олегович не то чтобы проморгал, просто ему было откровенно не до того. Сделанная Мэри попытка доложить старшему на объекте была им отмечена, но и только. Тратить свое время на какие-то там законы гостеприимства он совершенно не собирался. Разберется, что к чему, не маленькая. А маленькая — так и вовсе нечего делать во флоте, блистала бы на светских раутах, раз уж больше ни на что не способна. Однако когда несколько обескураженный первый зам сообщил Шерганову о том, что «от этого кавторанга уже весь сектор волками воет», кап-раз решил, что какое-то время на гостышку потратить придется. И тут же столкнулся с тем, что попросту не может ее найти.

Система определения местонахождения офицера, пребывающего на базе, утверждала, что знать не знает ни о каком капитане второго ранга Сазоновой. Коммуникатор Марии свет Александровны упорно предлагал оставить сообщение, наотрез отказываясь соединить Дмитрия Олеговича со своей хозяйкой. Пришлось, чертыхаясь и взрыкивая, изображать из себя ищейку, сделав вид, что имеет место стандартная инспекторская проверка. Комментарии людей, встреченных в гудящем, как растревоженный улей, секторе, разнообразием не отличались. «Ее сиятельство только что была здесь». «Посмотрите в спортзале». «Может быть, в жилом отсеке, хотя...» «Загляните к тактикам». «А черт ее знает!»

В спортзале пара близнецов в штатском опробовала снаряды, отпуская ехидные замечания и выдвигая вполне разумные, но от этого не менее заковыристые требования. Дым стоял коромыслом, на каперанга всем было начхать, но ничего экстраординарного не происходило. Шерганов постоял и ушел. В жилом отсеке было пусто и тихо. В тактическом классе совсем крохотная девчушка с новеньким обручальным кольцом на левой руке лично

проверяла все четыре десятка малых экранов, попутно втолковывая что-то взмокшим программистам. Командующего базой все это порядком утомило, и он совсем уже собрался махнуть рукой — ну повоюют волками, авось не охрипнут! — когда малышка обратила-таки на него внимание. Отрекомендовавшись Элис О'Нил, вторым пилотом «Джокера» (ах, ну да, дамочка-то на своей яхте прилетела!), она молниеносно набрала код, кивнула услышанному и предложила поискать командира в ремонтной зоне.

Туда и направил свои стопы Шерганов, попутно ругая себя за то, что так и не выбрал времени просмотреть досье «бельтайнской графини». Командир, ну надо же! А ведь девочка-то явно из флотских, вон как двигается. И работать умеет, любо-дорого посмотреть. А «дамочка» у нее, стало быть, командир. И говорит она об этом самом командире только что не с придыханием. Ну-ну...

В ремонтной зоне царил громохочущий хаос. Жара немедленно заставила прилипнуть к телу рубашку под плотным кителем. Техники носились, роботы гудели и плевались огнем, пахло всем подряд, от раскаленного металла до клубники. Плотность соответствующих выражений была такова, что, казалось, развороченным истребителям мексиканской постройки стапеля нужны в самую последнюю очередь — и так зависнут. «Кавторанг Сазонова? Здесь...

Погодите... Ну точно, вон же она». Шерганов двинулся в указанном направлении, пробрался через мешанину кабелей, тросов и трубопроводов, чудом увернулся от погрузчика и наконец разглядел искомое.

Сергей Бабийчук, один из лучших техников базы, стоял, набычившись, и изо всех сил старался удержаться в рамках. А по его груди настойчиво стучала указательным пальцем маленькая на его фоне фигура в бесформенном, перепачканном смазкой комбинезоне и загвазданной бандане.

— Завтра. Они прилетают завтра. И через сутки у меня будут одиннадцать исправных кораблей. Вы меня поняли?! Будут. Одиннадцать. Через сутки. И все остальные через трое. Мне плевать на ваши обстоятельства. Что?!

Бабийчук что-то пробормотал, Шерганов не расслышал, что именно. Что-то, чего ему говорить явно не следовало.

— Послушайте меня, господин старший техник. Я не прошу ничего сверхъестественного. Мне нужно, чтобы вы выполнили свою работу, только и всего. И если она не будет выполнена в срок, поверьте, мне не понадобится Константин Георгиевич. Мне не понадобится Ираклий Давидович. — В этом месте Шерганов слегка поперхнулся. — Мне не понадобится Господь Бог и сам дьявол мне также не понадобится. Я вполне смогу заменить собой этих четверых, я в этом не сомневаюсь, и вы не сомневайтесь тоже. Вам ясно?

Фигура развернулась на каблуках выдавших виды пилотских ботинок и на подошедшего вплотную Дмитрия Олеговича уставились полыхающие яростью серо-голубые глаза на покрытом пылью, машинным маслом и копотью бледном лице. Правая рука взметнулась к кромке банданы, пальцы уперлись в крест на мокром от пота виске. Отчетливо щелкнули каблуки.

— Господин капитан первого ранга! Капитан второго ранга Сазонова!

— Вольно, капитан. Без чинов. — Шерганов вдруг почувствовал себя дураком, что случилось с ним отнюдь не каждый день. Фаворитка? Это — фаворитка?! Ну, болтуны, так их и не так!

— Есть без чинов. Дмитрий Олегович, мне, вероятно, следует извиниться за то, что не представилась вам в должное время и по всей форме...

— Не следует, — каперанг улыбнулся, кожей ощущая исходящую от женщины энергию. — Скорее извиняться должен я. Это у меня не нашлось времени встретиться с вами, но...

— Да откуда у вас времени-то взяться? — графиня Сазонова уже остывала. Бабийчук за ее спиной украдкой перевел дух и благоразумно испарился. — Недели не прошло, как

практиканты прибыли, все вверх дном, а тут еще и я со своими заявила, как «здрасьте» среди ночи. У вас-то хозяйство посерьезнее моего будет, не о сотне человек речь идет.

— Это вы меня утешаете? — уточнил Шерганов, делая приглашающий жест в сторону выхода из ангара.

— Это я вас понимаю, — усмехнулась она, легко подстраиваясь под размашистый шаг командующего. — Тут с сорока новобранцами не знаешь, что делать, а у вас целая база на руках.

— Ну так моя база для того и существует, чтобы принимать всех, направленных на подготовку. И команду я ею не первый год.

— Хорошо вам, — завистливо вздохнула кавторанг. — А мне вот до сих пор не доводилось с таким количеством новичков работать. Да и новички непростые. Ничего, прорвемся.

— Я в этом уверен. Как вы смотрите на то, чтобы пообедать со мной? Так, домашнему?

На обед — супруга Шерганова немедленно всполошилась, и трапезу пришлось отложить на час — Мария Сазонова явилась уже в штатском, умытая и относительно причесанная. Относительно — потому что очень короткие седые волосы укладке поддаваться явно не собирались.

Этот час каперанг употребил на то, чтобы внимательно прочитать и систематизировать информацию о своей будущей сотрапезнице. Информация его впечатлила. Привитый флотом навык отделять зерна от плевел работал на него, сплетни и слухи он отмел быстро и решительно, а вот факты... Ой-е-ей... Хэйнань — ладно, хотя и там... А Лафайет?.. А Кортес?.. А еще добрая дюжина кампаний, не считая мелких брызг?.. Да и суждению жены Дмитрий Олегович привык доверять, а Зою его гостью обаяла моментально. Обычно весьма строгая в вопросах этикета, его супруга сейчас только сочувственно улыбалась всякий раз, когда графиня Сазонова, извинившись, снова и снова отвлекалась от неспешной застольной беседы на то, чтобы отдать очередной приказ или вставить кому-то фитиль.

— Вы удивили меня, Мария Александровна, — честно признался Шерганов, когда Зоя, благосклонно улыбнувшись, оставила их за столом, на котором как по волшебству возникла коробка сигар.

— Чем же? — Мэри закурила и одобрительно кивнула.

— Если я хоть что-то понял в ходе сегодняшней... гм... экскурсии по выделенным вам владениям, вы сочли необходимым лично вникнуть во все тонкости. Такая скрупулезность встречается не каждый день.

— А как вы хотели? — бельтайнка откинулась на спинку кресла, мгновенно потеряв кураж и став тем, кем, похоже, и была — замотанным текучкой офицером. — Я во флоте двадцать восемь лет с гаком, так вот что я вам скажу: хочешь, чтобы было сделано как надо — либо сделай сам, либо стой над душой. В противном же случае не удивляйся результатам.

— Известное правило, — понимающе кивнул Дмитрий Олегович. — Двадцать восемь лет? Так это не сказки? На родине вашей матушки действительно принимают присягу пятилетние дети?

— Действительно. Мы в казарму попадаем в двухмесячном возрасте, так что к пяти годам вполне созреем для присяги, — она улыбалась, но улыбка показалась Шерганову несколько натянутой.

— Да уж... наши парни в семнадцать лет поступают в летное, а вы к этому моменту уже заканчиваете Звездный Корпус. Не кисло...

— Специфика, ничего не поделаешь. — Мэри слегка пожала плечами. Этот дядька, плотный, чтобы не сказать — грузный, нравился ей. Жесткие выющиеся волосы, когда-то, должно быть, темно-рыжие, сейчас были изрядно побиты сединой. Чем-то Шерганов напоминал ей Дядюшку Генри, что, несомненно, говорило в его пользу. — Кстати, о специфике. Мои девочки прилетают завтра. И я хотела бы до их появления здесь

побеседовать с теми вашими офицерами, которые работают с личным составом. Небольшой инструктаж. Это можно устроить?

Тишину конференц-зала нарушал только спокойный, размеренный женский голос. Еще пару минут назад собравшиеся офицеры переговаривались, шутили, смеялись, но стоило кавторангу Сазоновой заговорить, и внимание собравшихся оказалось приковано к ней. Шерганов, сознательно пристроившийся в дальнем углу, наблюдал за происходящим с нескрываемым удовольствием. Умеет. Что есть — того не отнять, умеет.

— Господа! Через несколько часов на базу «Титов» придут мои подопечные. В связи с этим я хотела бы, чтобы вы уяснили для себя и довели до сведения своих подчиненных некоторые моменты. — Острый, внимательный взгляд. Все слушают? Все. — Как вам, должно быть, известно, я уроженка Бельтайна и почти всю свою жизнь прослужила в тамошних ВКС. Так вот. На моей родине не существует понятия «отец-командир», во всяком случае, не существует для экипажей корветов. Не берусь судить, как обстоит дело в десантных частях, не интересовалась. Однако еще раз повторяю: «отцов»-командиров у нас нет, но те, кто командует корветами — матери своим людям. И я, как мать, говорю вам: мои подопечные — табу. Потрудитесь сделать так, чтобы ваши парни поняли и приняли это как непреложный факт. Поверьте, это не моя прихоть, а одно из требований медиков, психологов и инструкторов, проводящих процесс адаптации и боевой подготовки. Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что на базе с женским контингентом слабо и почти четыре десятка хорошеньких мордо чек — что красная тряпка для быка. Однако сути дела это не меняет.

Мэри помедлила, переводя взгляд с одного лица на другое.

— Господа! Я не могу приказывать ни вам, ни тем, кто находится у вас в подчинении. Но я прошу вас помочь мне. Помочь сделать так, чтобы подготовка моей странной эскадрильи шла без задержек, а главное — без эксцессов. Сейчас любое действие, выходящее за пределы расписанной буквально посекундно программы, может пустить насмарку все, чего уже удалось достичь. Или не пустить. Тут ведь как с вероятностью встретить в Новограде динозавра: либо встретишь, либо нет. Однако мне и пятидесяти процентов достаточно. Не буду вам объяснять, какие средства вкладываются в подготовку пилотов истребителей, вы это знаете не хуже, а то и лучше меня. Выкинуть их на ветер недопустимо, ибо богатство Империи строится именно на разумной рачительности и отсутствии привычки разбрасываться ресурсами.

Мэри медленно обвела собравшихся тяжелым взглядом.

— Еще раз повторяю, я не знаю, чем могут закончиться шуры-муры и амурсы. Конечно, в данном случае возможны варианты, мои консультанты еще не до конца разобрались в примененной технике, но риск достаточно велик для того, чтобы не принимать его во внимание. И я категорически заявляю: если я узнаю, что кто-то из присутствующих на базе мужиков подкатывает яйца к моим девочкам... а я, будьте уверены, узнаю... это будет последний подкат. Потому что больше подкатывать будет просто нечего. Порву. Голыми руками. На все геральдические знаки обитаемой Вселенной. Я надеюсь, вы меня поняли?

У Шерганова создалось предельно отчетливое впечатление, что поняли все. И всё. Сразу и безоговорочно. Хороша. Нечего сказать — хороша. А так ли уж неправы были болтуны?!

«Александровская» эскадра шла на базу «Титов». Обычное дело, тренинг никто не отменял, а некоторые моменты следует отрабатывать в спокойной обстановке, чтобы потом, в реальном бою, не сплеховать. Вот только о какой спокойной обстановке может идти речь, когда в голове постоянно крутятся мысли, от которых хотелось бы избавиться? Гм... Точно хотелось бы? Никита, ты себе-то мозги не пудри! Изменить состав этих самых мыслей и их направленность — да. Но совсем не думать о графине Сазоновой? Это уже отдает пораженчеством, а выглядеть трусом в собственных глазах контр-адмирал Корсаков не хотел. Ладно, увидимся, пообщаемся... там видно будет.

Впрочем, по прибытии на базу немедленно выяснилось, что заставить упомянутую графиню в непринужденной атмосфере (или даже просто в каком-то конкретном месте) задача нетривиальная. Встреченный однокашник — Иосиф Строгуш приволок на базу подотчетный курс училища и разговаривал исключительно на бегу — темпераментно протараторил, по курсантской еще привычке жестикулируя и смешно морща нос:

— Черт знает, что такое! У нас поговаривают, будто она спит с великим князем, так вот что я тебе скажу, Никита: с князем или не с князем, а я, честно тебе признаюсь, вообще не понимаю, когда она спит!

И спит ли в принципе?! Мария Александровна тут что-то вроде местной достопримечательности, чем занята в каждый конкретный момент — знает каждая собака. И получается, о чем бы речь ни шла, она там. В тактических классах — есть. В спортзале — будьте уверены. На вылете — всенепременно. И, похоже, везде в одно и то же время. Я тут с ней столкнулся на днях — ужас! Кошмар! Зверь енот: лицо белое, круги вокруг глаз черные, несется дороги не разбирая, свита только подвигивать успевает. Что, свита? А как же! Она, помимо сорока, что ли, своих близняшек, сюда кого только не притащила. Здесь и медики, и психологи, и пара каких-то профессоров, и просто сержанты в количестве. И все в рот смотрят, и слово вставить боятся. О, легка на помине! Вспомни черта...

Никита обернулся. По широкому коридору мчалась Мэри, окруженная десятком действительно очень похожих друг на друга девушек в стандартных летных комбинезонах. Также присутствовали несколько мужчин, сосредоточенных и, похоже, злых на судьбу.

— Вслух, Алевтина! Вслух! — бросила она, не сбавляя шага, и одна из девиц странно медленно, выбиваясь из общего ритма, начала что-то говорить. Корсакова Мэри попросту не заметила, полностью сконцентрировавшись на спешащих рядом с ней людях. Выглядела она действительно скверно.

— Вот! Видел? — Строгуш ткнул Никиту локтем в бок. — И как тебе?

— Хреново, — честно ответил Корсаков, растерянно глядя ей вслед. — На себя не похожа.

— Ну да, ты ж ее еще по Бельтайну знаешь... Бардак. Я все понимаю, служба, все дела... но зачем же так-то себя загонять? Работа — не волк...

— ...вылетит — не поймаешь! — мрачно закончил Никита.

Строгуш хохотнул, но как-то неуверенно. Похоже, у Марии Александровны образовался еще один поклонник. И тебе ли его судить?! Сам ведь когда-то попался именно на это сочетание женственности, знания своего дела и чувства долга. Ох, что попался — то попался, черт бы побрал все на свете. Можно попробовать закрутить шашни с кем-то еще, можно даже и переспать: дело житейское и физиологию никуда не денешь. А толку? Последнее это дело — в постели с одной женщиной думать о другой и все время следить, чтобы имя не перепутать. И сравнивать, и понимать, что сравнение не в пользу сегодняшней пассивности, кем бы она ни была. Влип.

И все-таки здорово управлять послушным маленьким корабликом. Сегодня Мэри решила немного разнообразить программу подготовки, показав своим подопечным «танец в пустоте». Она знала, что запись увидят все, кто считает, что им есть до этого дело, и выдала все, на что способна. К ее удивлению, у нее получилось ничуть не хуже, чем во времена действительной службы. И главным было даже не это. В какой-то момент члены группы, которую она сегодня повела на вылет, начали ей подражать, причем не повторять ее действия, а вносить что-то свое. Ну наконец-то! Пошло дело, теперь будет проще. Есть, есть что-то в этом варианте сцепки. Музыка звучит в твоей голове, а слышат ее все. Слышат — и следуют за мелодией. Хорошо, Алевтина, умница! Аккуратнее, Светлана, не так резко, ага, молодец... Танцуем, девочки, танцуем! А теперь — переход. Все знают координаты? Давайте по одному, я прикрываю. Пошли!

Она вернулась, довольная собой и жизнью. Сегодня ее девчонки впервые продемонстрировали самостоятельность, причем уместную самостоятельность, и эта

уместность заставляла губы раздвигаться в удовлетворенной улыбке. Отлично, просто отлично! Теперь будет легче. Надо будет, кстати, еще раз попробовать послать на вылет Элис, не исключено, что в сложившихся обстоятельствах эта группа воспримет ее как командира. Глядишь, еще один инструктор появится, а то долго в таком ритме ты не выдержишься, что ни делай. И можно будет хоть чуть-чуть расслабиться, поспать... черта с два.

Едва миновав зону перехода, Мэри услышала, как плачет от боли, страха и бессилия раненый ребенок. Ее ребенок. Таааак... Ксения! Ксюша, ты меня слышишь? Что? Что случилось, детка? Тише, тише, я не сержусь... Не надо, маленькая, не плачь. Ты ни в чем не виновата. Покажи мне. Ясно. Вызов психологу: Денис, займитесь Ксенией. Осторожно, вы меня поняли? Предельно аккуратно. Нет, я не буду говорить, она сама вам расскажет. Если не расскажет, значит, ваша квалификация ниже заявленной, буду искать вам замену. Эндокринологу — готовность, будете работать после психолога. После, я сказала, что не понятно? Может быть даже не сегодня, просто будьте на подхвате. Спокойно, мои хорошие, держать дистанцию, не сбивайтесь в кучу, а то не долетим. Настя, ну-ка, попробуй перехватить сцепку. Вот именно, я отпущу поводки, а ты возьмешь. Умница, милая, ты просто чудо. А теперь возвращай их мне... Хорошо, хорошо! Ксюша, Денис пришел? Поговори с ним. Или помолчи, как хочешь, я приду, как только смогу. Кому стыдно, тебе? Глупости! Лапушка моя, это не конец всего, это только начало. Да, не самое удачное, но жизнь не так проста, как это видится из рубки. Не бойся. Да ну, брось, как я могу на тебя сердиться? Ты же моя девочка, не чья-нибудь. Расплетем. А потом — заплетем. Косичку. Ммм... ну это такой способ укладывать волосы, я тебе покажу запись, глядишь — сама будешь заплетать, когда будет что. Молодчина, это правильно. Денис, подхватывайте, мне еще вести ордер до базы и стыковать, я не могу отвлекаться. Может быть, транквилизатор? Все, не буду вас учить, работайте. Полегче, девочки, мы уже подлетаем. Спокойно, спокойно. Нечетные номера — стыковка. Четные номера — стыковка. Уфф...

Мэри выскочила из корабля, швырнула шлем оказавшемуся поблизости технику и отправила с коммуникатора запрос на местонахождение. Ага. Ясно. Ну что ж... вперед. Она пошла. Побежала. Полетела. Потом, задним числом, она удивлялась себе: что стоило взять машину, благо легкие кары были разбросаны по всей территории базы? Должно быть, клокотавшая в груди ярость требовала хоть какого-то выхода, пусть даже в виде работы мышц. Коридор. Перекресток. Лифт. Коридор. Дверь...

Рекреационная зона офицерского состава была просторной и уютной. Помещение заполняли мягкая мебель и изрядное количество зелени: супруга командующего базой распространила свою страсть к разнообразным растениям далеко за пределы оранжереи. Здесь были общий зал и несколько помещений поменьше, в которых можно было поиграть на бильярде и перекинуться в карты, покурить или просто посидеть в тишине, но не в одиночестве. Впрочем, большинство собравшихся тут в этот вечер офицеров столпились сейчас у большого экрана и с профессиональным интересом просматривали запись начальной фазы последнего вылета кавторанга Сазоновой.

— Бельтайнцы называют это «танцем в пустоте», — на правах знатока комментировал разворачивающееся на экране фантастическое зрелище Петр Савельев. — Не знаю, есть ли у этого процесса какое-либо практическое применение... Впрочем, если я смог правильно понять логику наших новых союзников, просто так, для удовольствия, они не делают вообще ничего. Возможно, именно приобретенные таким образом навыки и делают их пилотов настолько компетентными в ближнем бою. Когда ее сиятельство сносила выхлопом маршевых абордажные капсулы — на это стоило посмотреть даже просто с эстетической точки зрения. Что? Да, разумеется, запись сохранилась, мы вам ее дадим. Филигранная работа. Капсулы в ноль, борт транспорта цел. Да и вообще... эта их сцепка...

— Насколько я могу судить, — вступил в беседу Шерганов, — то, что они делают, чем-то сродни нашей технике сброса скаутов...

— Сродни, да. Вот только скаутов у них нет. Вообще-то... не мне советовать составителям учебных курсов Академии... но пригласили бы они... да хоть ту же Марию Сазонову прочесть курс лекций. Ведь бельтайнцы делают то, что они делают, без скаутов. Как правило — без огневой поддержки. Сами по себе. Роль скаутов для тактического координатора — «сцепки» по-бельтайнски — играют корветы, которые он держит на поводках. Образованная таким образом сфера абсолютно мобильна, конфигурация меняется ежесекундно, система управления огнем вообще не поддается логике. Нашей логике. А они как-то справляются. Совершенно иной принцип построения боевого порядка. А уж про их способ координации действий в бою я вообще молчу. Какая-то разновидность телепатии. Сцепка всегда в курсе того, что делается на другом конце поводков.

— Так уж всегда? — лениво поинтересовался капитан-лейтенант Кузьмин, франтовским жестом разглаживая усы. — Что-то я не заметил.

— А как вы, интересно, могли это заметить? Вы что же, летали с бельтайнцами?

— Ну, летал — не летал... с бельтайнцами — не с бельтайнцами... а кое с кем из «сазоновской эскадрильи» пообщаться довелось. Не так всеведуща госпожа офицер для особых поручений, как она тщила тут изобразить.

— Что вы сделали, Кузьмин? — напрягся Шерганов. Бельтайнским «нюхом на жареное» он, по его собственным представлениям, не обладал, но внезапно пробежавшие по коже мурашки ничего хорошего не сулили.

— Я? Помилуйте, ничего осо...

Его прервал скрежет и обиженный всхлип дверного механизма: не успевшая открыться достаточно быстро створка отлетела в сторону от короткого злого рывка, и на пороге рекреационной зоны возникла Мария Сазонова в пилотской броне. Шлема, правда, не было, а так — полный комплект, даже перчатки не сняла. Не успела? Казалось, она не видит вообще ничего. Или видит — но только то, что ищет сейчас ее странно неподвижный взгляд. Стремительное, неуловимое продвижение вперед. Удар! Брызнула кровь, Кузьмин отшатнулся, закрывая лицо, Мэри тут же провела подсечку и в ход пошли ноги. Опомнившиеся офицеры навалились, скрутили — трое понадобилось, да и то держали с трудом. Кто-то помогал подняться скорчившемуся на полу Кузьмину.

— Я говорила?! — брызжа слюной, проорала она. — Говорила?! Что было непонятно, я что, плохо владею русским?! Отпустите меня, я с этим сучьим выкорышом руками пообщаюсь, раз уж он слов не понимает!

— Мэри, стоп. Стоп, я сказал! — Никита протолкался вперед, не понимая толком, что он может сделать для того, чтобы эти, такие знакомые, глаза перестали быть белесыми. Взмах ладонью перед лицом... глухо. — Что стряслось?!

— На Бельтайне изнасилование карается смертью, если виновник доживает до суда! — пролаяла Мэри, то ли слыша, то ли не слыша его. — Этот — не доживет, клянусь! Да пустите же!

— Какое изнасилование! — взвизгнул Кузьмин. — Она сама...

— Сама? Ах, сама?! — Мэри тянула шею, стараясь разглядеть своего противника за широкой спиной Корсакова. — Ей шесть стандартных, ты, сволочь! У нее два месяца назад даже имени не было, что она может сама?! Ты хоть понимаешь, что ты натворил, ублюдок, да я тебя!.. Через шлюз выкину! К дюзам прикую! На вилку намотаю — вот уж будут спагетти! — Мэри вырывалась, задыхалась, хрипела, на помощь к трем державшим пришли еще двое.

Окружающие молчали. Отрывистые фразы перешедшей на кельтик Мэри и невнятные из-за разбитого рта оправдания Кузьмина — вот и все, что сейчас было слышно. И, что самое интересное, совершенно не нарушало тишины.

— Так. Ясно, — тяжело, холодно уронил в густой, липкой пустоте Шерганов. — Кузьмин, вы арестованы.

— Да я...

— Головка от... кхм... В карцер. Вызывайте военную прокуратуру. Все. Ничего

больше слышать не хочу. Справитесь, Никита Борисович?

Корсаков схватил Мэри за плечи, встряхнул, насколько позволяли держащие ее руки, впился взглядом, добиваясь, чтобы она видела только его.

— Мэри! Да Мэри же! Послушай меня! Если ты его сейчас прикончишь — это ж всего на пару минут удовольствия, и все, и конец, а так он под суд пойдет! Позора не оберется, куда там сегодняшней смерти!

— А ты разбираешься, адмирал! — выплюнула она перекошенным ртом. Взгляд наконец стал осмысленным, сфокусировавшись на Никите.

— А я вообще умный!

— А я в курсе!

— Да? — неожиданно для себя взвился контрадмирал. — Что-то незаметно!

— А ты... — она вдруг засмеялась, запрокидывая голову, давясь и кашляя. Корсаков отпустил ее плечи, взмахнул рукой — кто-то понятливый подбежал с бокалом коньяку, вложил в протянутую ладонь. Никита повелительно мотнул головой, держащие Мэри руки исчезли.

— Пей. Все уже. Все. Вот так. Молодец.

Мэри одним глотком осушила бокал, вернула его Никите и обернулась к покореженной двери, через которую в этот момент выводили Кузьмина.

— Эй, ты! — бросила она, брезгливо кривя губы и резкими, рваными движениями стягивая с рук перчатки. Кузьмин обернулся. — Знаешь, если бы Ксения вернулась со своего свидания с улыбкой, а не со слезами, рожа была бы целее на порядок. Ты ведь не только ребенка обидел... ты женщину покалечил, кретин.

— Но я же не знал...

— А знать и не надо. Надо уметь. Не умеешь — не е...сь.

Она огляделась, по одному ей известному признаку выбрала кресло из полудюжины стоявших поблизости и со вздохом опустилась в него. Никита быстро принес из курительной коробку сигар, взглядом спросил разрешения у Шерганова и предложил Мэри. Та благодарно кивнула, несколько раз затянулась и наконец огляделась по сторонам. Лицо у нее было несчастное.

— Надо было сказать, что они дети, да? Тогда, на инструктаже? Но кто же знал, что так повернется? Что так вообще может повернуться? Вот она, разница культур... На Бельтайне, если командир подразделения говорит, что, мол, то-то и то-то делать не надо, иначе процесс подготовки нарушится, все принимают это к сведению просто как данность. Подготовка священна, сказано — не делать, так не сделают ни сегодня, ни завтра, ни через год, ни через десять. Черт побери...

— Что с девочкой? — негромко спросил Шерганов.

— Секунду, Дмитрий Олегович... — Мэри застыла, прислушиваясь к чему-то. — Спит. Ничего, это ничего. Еще, разумеется, на вылете посмотрим, но даже если все плохо... ну, будет на одного пилота меньше. Конечно, социализация... Ладно, разберусь.

Мэри снова затянулась. Плечи постепенно расслаблялись, на губах появилось подобие улыбки. Она встретила глазами с Корсаковым, чего до сих пор избегала, и подобие стало настоящей улыбкой.

— К тебе или ко мне?

— На «Джокер».

— Далеко.

— Зато там точно не достанут.

Да будет ли когда-нибудь конец этим коридорам? Этим поворотам, пандусам, перекресткам? Этим встречным, из-за которых приходится делать непроницаемо-любезное выражение лица? А это трудно, очень трудно, когда рядом в каре сидит Никита и уголком рта говорит такое, что начинают гореть уши... щеки... позвоночник... вообще все.

Шлюз... Люк закрыть... это моя каюта, добро пожа...

И лопатки вбиваются в дверную створку за спиной, и ноги подкашиваются, и кружится

голова. Тьма. Свет. Беззвучие. Грохот обвала в горах. Холод полярной ночи. Полуденный зной. Пустота черной дыры. Вспышка сверхновой. Полет. Падение.

— Ты жива?

— Не знаю. А ты?

— Не знаю. Мэри?

— Ммм?

— Выходи за меня.

Мэри закатила глаза и состроила мину шутливой покорности судьбе. Она отнюдь не была уверена в своей готовности дать себя уговорить, а с другой стороны... все-таки нет... или да? или... интересно все-таки, как он будет уговаривать?

— Никита, я солипсистка. Если я чего-то не могу себе представить — например, нашу с тобой совместную жизнь — значит, этого не существует в природе. Разве что ты мне объяснишь, как это себе представляешь ты?

Несколько месяцев назад похожий вопрос поставил Никиту в тупик. Но на сей раз он основательно подготовился.

— Очень даже хорошо представляю. Рассказать? — он дождался кивка, устроился поудобнее и начал, слегка нависая над Мэри и перебирая ее волосы пальцами руки, на локоть которой опирался:

— Я буду летать, а ты — стоять за креслом, а там, глядишь, и за троном. Я буду ужасно ревновать тебя к Константину Георгиевичу, а ты — злиться, потому что причин для ревности у меня не будет никаких. И мы будем ссориться, а потом мириться, примерно вот так мириться... чшш, не так быстро, не торопись... терпение суть одна из главных добродетелей офицера... как же ты до кавторанга дослужилась, такая нетерпеливая?.. о чем это я... ах да. У нас будут расти дети, которых дедушка и прадедушка вкупе с бабушкой и прабабушками избалуют вконец, а мы будем с этим дружно бороться. Штук пять детей. А еще лучше восемь. Что ты сказала? Почему не одиннадцать? А ведь верно, ты права, прекрасное число, симметричное, вот и догово... эй, кто это разрешил тебе царапаться?!

Возня, смех, сдержанное ворчание.

— И наши дочери будут похожи на свою маменьку, отчего их папенька поседеет быстро и бесповоротно. И за ними начнет ухлестывать все окрестное юнкерье — не станут же они поощрять штатских?.. и ты будешь страшно по этому поводу переживать, а я буду громко тебя успокаивать — мол, девчонки не бельтайнские пилоты, им можно, — а за твоей спиной втихаря стану науськивать сыновей на сестриных кавалеров. Ибо не фиг. И мы опять будем ссориться и мириться... ой... не кусайся! Ну что за жизнь, у всех жены как жены, а у меня, похоже, будет царапучая кусака! А потом... Да ладно, до «потом» надо еще дожить. Мэри, ну правда, выходи за меня. Строго говоря, как, по-твоему: много ли шансов выжить у флотского, которому не к кому возвращаться? А возвращаться я хочу к тебе. И я ведь какой-никакой, а контр-адмирал. Хоть бы моих людей пожалела, раз уж меня не жалко. Они-то тебе что плохого сделали?

— Корсаков, это шантаж, — констатировала Мэри со вздохом.

— Да, — спокойно кивнул он.

— Грубый. — Да.

— Неприкрытый.

— Да. Мэри, ну неужели ты еще не поняла? Я буду добиваться твоего согласия мытьем, катаньем, шантажом, взяточничеством, как угодно и сколько угодно, пока не получу устраивающий меня ответ.

Никита был абсолютно серьезен, даже глаза не улыбались. Мэри помедлила, потом осторожно провела кончиками пальцев по подбородку, на котором уже начала пробиваться щетина, набрала полную грудь воздуха и выдохнула:

— Уговорил. Ох, адмирал, смотри, не пожалей...

— Ни-ког-да! — негромко отчеканил Никита. — Никогда я не пожалею об этом. И сделаю все, чтобы и ты не пожалела.

— Ну и я постараюсь. Говорят, семью строят двое... не знаю. Пока не пробовала. Только вот что, Корсаков. По-моему, нам надо срочно поссориться.

— Зачем? — Никита знал ответ, но хотел услышать его от Мэри.

— Чтобы помириться!

Глава 13

Когда это ты успел перестать получать удовольствие от опасности? Привыкать ли тебе рисковать собственной шкурой?

Эрик ван Хофф поежился. Удовольствие от опасности — дело неплохое, конечно. Однако оно перестает быть удовольствием в тот момент, когда ты понимаешь, что переступил черту. И ведь ничто не предвещало совсем уж больших неприятностей! Заданный вопрос... полученный ответ... это привычно, в первый раз, что ли? Вот только по всему выходит, что либо ты вопрос задал не там или не тому, либо ответ прозвучал уж слишком громко. И был услышан кем-то помимо тебя. А вот это уже плохо.

И дело даже не во вполне реальной угрозе для жизни, хотя уже одно это дурно пахнет само по себе. Но Эрик не без оснований считал себя профессионалом и совершенно искренне полагал, что смерть до успешного завершения контракта куда хуже смерти как таковой. И что с того, что этот контракт нигде не зафиксирован, что под ним не стоят подписи договаривающихся сторон, и о нем вообще никто не знает, кроме него самого и тех, кто скромно стоит за спиной «мисс Аманды Робинсон»? Контракт есть контракт.

Где же это он так прокололся? И что теперь делать? У Эрика было ощущение, что за ним самим и его корреспонденцией следят, а своему чутью он привык доверять. Стало быть, ни о какой попытке отправки информационного пакета и речи быть не может. Пришибут — ладно, но ведь информация не дойдет до заказчика, вот что по-настоящему скверно. Попробовать связаться с выданным еще во времена оные контактом? Не годится. Если наблюдение на столько плотное, как ему кажется, то и контакт сладится, и толку не будет никакого. Разве что... Он вспомнил о недавней покупке, повеселел и отослал «дорогой мисс Аманде» сообщение о том, что ему удалось наконец подобрать пару к тому украшению, которое он имел удовольствие раздобыть для нее в их последнюю встречу. Не угодно ли взглянуть лично? Такие вещи не пересылаются с курьерами, тем более что он хотел бы увидеть, насколько угадал с размером...

Сотни раз проверенная и идеально откалиброванная программа слежения дала сбой: в какой-то момент послание Эрика ван Хоффа попросту затерялось в хитросплетениях галактической сети связи. Имя адресата было известно, но вот его местонахождение отследить не удалось. Да и вряд ли это было настолько уж важно. Какая-то девка, какая-то побрякушка...

Спустя сутки после отправки сообщения Эрик пожалел о своем поступке. Мало приятного услышать в полицейской сводке, что человек, с которым ты общался по довольно скользкому поводу, найден мертвым. Но еще раз связываться с Амандой Робинсон он посчитал бессмысленным и небезопасным. Да и потом... Вдруг она что-нибудь придумает? Что-нибудь, что поможет ему больше, чем маленький игольник, годный для ближнего боя с минимальным количеством не слишком расторопных противников? Своя рубашка ближе к телу. Конечно, он почти наверняка подставляет эту шуструю барышню, но должен он ей вовсе не так много, как может показаться на первый взгляд.

А еще несколько часов спустя в дверь занимаемых им апартаментов позвонили.

* * *

Сигнал приема сообщения вырвал Мэри из зыбкого полусна-полуяви. Она осторожно выбралась из постели, прочитала присланный текст, ненадолго задумалась, но тут же отправила полученное со своими комментариями по одному из забитых в директвызов

адресов. Оглянулась на кровать, где — кажется — спал Никита, и направилась к платяному шкафу.

— Ты чего подскочила? — судя по голосу, ее, с позволения сказать, жених спать и не думал.

— Можешь начинать ревновать, — она вытащила из шкафа свежую рубашку. — Я отписалась Константину, он может связаться со мной в любой момент.

— Ясно, — Никита тоже встал и начал собирать разбросанную по каюте одежду. — Мне исчезнуть?

— Как хочешь. Это служба. Моя служба. Можешь, если хочешь, поприсутствовать и убедиться.

— А чего хочешь ты?

— Я? Я хочу позавтракать в твоём обществе. Но сейчас мне надо в рубку. Ты со мной?

— Я на камбуз. Сварю тебе кофе.

Минут двадцать спустя они сидели в рубке — Корсаков устроился в ложементе второго пилота — пили кофе и умиротворенно молчали. Все (или почти все) было сказано, а грядущий вызов... ну вызов, ну и что? Когда он наконец прозвучал, Мэри с удивленным восхищением отметила скорость и легкость, с которой сидевший только что развалился Никита исчез из обзорной зоны. А ведь, казалось бы, габариты... Она прикоснулась к сенсору, и на экране возник Константин.

— Доброе утро, Мария. Не дают вам поспать?

— Доброе утро, Константин Георгиевич. — Великий князь слегка приподнял брови и кивнул, принимая к сведению наличие при разговоре посторонних. — Я не спала. Хотя это сообщение и было несколько не к месту. Мы обсуждали помолвку.

— Помолвку? — удивленно усмехнулся Константин. — Чью?

— Мою.

Секундная заминка:

— Вот как? Хм... я могу поздравить контр-адмирала Корсакова?

Никита вошел в обзорную зону и коротко поклонился.

— Ваше высочество.

— Я рад за вас, Никита Борисович. За вас — и за Марию Александровну. Действительно рад, что бы там ни болтали столичные олухи. Вы сейчас на «Титове» и очень заняты, естественно... позвольте быть вашим сватом?

— Почту за честь.

— Вот и отлично. Полагаю, что в сложившихся обстоятельствах Мария Александровна будет думать не о службе, а о подготовке к свадьбе...

— Это еще почему? — брюзгливо осведомилась Мэри. Она действительно не выспалась и меньше всего была склонна разводить политес.

Константин вопросительно взглянул на Никиту. Тот слегка пожал плечами.

— Хорошо. Тогда первый вопрос: вы уверены, что это сообщение — не ловушка?

— Не уверена. Но я не исключаю, что ван Хоффу действительно необходимо мое — именно мое — присутствие. Я его знаю, пусть не очень близко, но все-таки. И вполне могу представить себе ситуацию, в которой он не захочет или не сможет пойти на кон такт с кем-то из имперских агентов на Лордане. Полагаю, что мы имеем дело именно с таким положением вещей. Я уже говорила вам, что Лордан место довольно смешное, а уж сектор А-пять так и вовсе, но... Допустим, Эрик предполагает, что его контакт засвечен или подкуплен. Либо же за самим ван Хоффом следят настолько жестко, что он не желает рисковать связником.

— А вами, значит, желает? — скептически хмыкнул великий князь.

— А я, по его представлениям — кстати, имеющим под собой довольно твердую почву, — могу появиться на Лордане с блеском и треском. И точно так же убраться оттуда, прихватив Эрика с собой. Кроме того, риск должен быть осмысленным. Что толку рискнуть и не получить результата? Если то, что написано в этом послании — правда, ван Хофф

докопался до источника неприятностей, которые проявили себя при покушении на Кирилла Сумского. А мне вся эта история не пришлась по вкусу еще тогда. И с тех пор ничего не изменилось.

— Не вам одной, — поморщился Константин.

— Знаю. Так какие указания вы мне дадите? Выбирать свадебное платье или заниматься делом?

Мужчины еще раз переглянулись. Корсаков медленно кивнул, отвечая на незаданный вопрос.

— Занимайтесь делом, графиня.

Пространство Лордан — это иногда даже и неплохо. Недаром же говорят, что лучшим отдыхом является смена деятельности. Впрочем, в этот визит Мэри совершенно не собиралась ни играть в казино, ни смотреть многочисленные шоу, ни тем более прогуливаться по пассажам и лавчонкам. Привычно заведя «Джокер» на посадку носом к выпускному шлюзу арендованного ангара, она велела Рори и Элис срочно произвести дозаправку и оставаться на борту в полной готовности к немедленному старту. Мало ли что, вдруг придется сматываться со всей возможной скоростью? Всякое бывает, в особенности на Лордане. И очень хорошо, что комплекс расположен поблизости от зоны перехода, как раз на расстоянии разгона перед прыжком. Что-то ей подсказывало, что уходить придется быстро, и хорошо бы по-английски...

Мэри поправила прическу. Проверила еще раз содержимое сумочки, изрядно потяжелевшей по сравнению с прошлым посещением сектора А-5. Кивнула принятому решению не извещать ван Хоффа о своем прибытии и бросила близнецам: «Пошли!»

К Эрику Мэри пришла одна. Братьям Рафферти было велено поскучать в крохотном баре на этаже, из которого просматривался вход в его обиталище. Не нравилась ей все это. Хотела бы она ошибаться, но... вот именно, но. Еще раз уточнив, через какое время следует начинать беспокоиться, если она не подаст сигнал о том, что все в порядке и как поступить, ежели вдруг что, она позвонила в дверь.

К счастью, самые неприятные ее предположения не оправдались: Эрик был жив, и он был один. К несчастью же, под маской ироничной учтивости скрывались нервозность и тщательно замаскированный страх. Или, пожалуй, даже не страх, а обреченность, наполнявшая собой от стены до стены небольшой светлый холл. Да и оружие под полкой элегантного пиджака... с каких это пор щеголь и вертопрах обременяет себя опасными игрушками? Что, на хорошо подвешенный язык и репутацию семьи надежды уже никакой? Ох, как скверно...

— Аманда! Если бы мне пришлось придумывать для вас прозвище, я бы выбрал «Созданная удивлять»! Скорость, с которой вы прибыли сюда... — ван Хофф улыбался, но за улыбкой пряталось облегчение. М-да... похоже, услышав звонок в дверь, он ожидал увидеть не ее.

— Ну же, Эрик, нашли чему удивляться, — капризно пропела она. — Задержаться — и рисковать тем, что вы продадите или подарите украшение кому-то еще? Фи! Надеюсь, вы извините меня, что я заявила к вам вот так, без приглашения, но ваша квартира находится как раз на полпути между зоной вылета и моим любимым отелем. Мне так хотелось поскорее взглянуть на то, что вы для меня приготовили! — Мэри смотрела на него, кокетливо хлопая ресницами, но взгляд оставался серьезным и цепким. Ощущение близкой опасности становилось с каждой секундой все острее. Болтовня, приличествующая легкомысленной прожигательнице жизни, была рассчитана на то, что помещение прослушивают и, судя по взгляду Эрика, она вела себя сейчас именно так, как следовало.

— Взгляните, дорогая! — Снова шкатулка, снова шелковый мешочек, снова шнурок с кристаллом, которого, словно невзначай, касаются длинные музыкальные пальцы... ого! Да, ради такого гребня стоило пролететь даже через всю Галактику.

— Вы позволите? — не дожидаясь ответа, она смахнула мешочек в приоткрывшуюся

на мгновение сумочку и, подойдя к зеркалу, сколола несколько прядей надо лбом. — Великолепно! Эрик, вы чудо!

Опасность вцепилась в шею холодными, влажными пальцами. Сейчас. Вот прямо сейчас... Мэри решительно шагнула к ван Хоффу, обнимая его, разворачивая лицом ко входу и прижимаясь губами к губам за секунду до того, как дверь распахнулась.

— Не двигаться! — донеслось сзади. — Это ограбление!

Эрик услышал, как чуть слышно пискнула за его спиной, открываясь, сумочка, которую его визитерша и не подумала выпускать из рук. Его ладони тут же соскользнули с плеч и талии «мисс Робинсон», давая ей так необходимую сейчас свободу. Неуловимо-быстрое движение, два сухих щелчка... вошедшие мужчины даже не успели удивиться, лица с аккуратными отверстиями между глаз остались — теперь уже навсегда — уверенно-наглыми. Еще двое удивиться все-таки успели, но не слишком. Трудно удивляться со свернутой шеей. Несподручно. Проскользнувшие внутрь близнецы аккуратно опустили тела на пол и вопросительно уставились на Мэри.

— Ограбление! — с едким сарказмом фыркнула она. — В секторе А-пять, ага. Под носом у дон Лимы. Острики-самоучки! Эрик, нас с вами, похоже, приняли за дураков, меня так уж точно. Даже немного обидно.

Ван Хофф, несколько ошеломленный скоростью и хладнокровием расправы, сглотнул, спрятал под пиджак не нужный уже игольник и нашел в себе силы усмехнуться.

— Вы никогда не были дурочкой, Аманда. Во всяком случае, на моей памяти не были точно. — Стрелять по живым мишеням Эрику не доводилось, и он испытывал сейчас благодарность пополам с запоздалым страхом.

— Смею надеяться, — скривилась Мэри.

— А к нам сейчас не набегут... эээ... сочувствующие? Я почти уверен, что прослушка...

— Это вряд ли. Мэтт?

Связист изобразил на физиономии улыбочку прожженного иезуита.

— Умница, ценю. Вот что, Эрик. В этой халупе есть что-нибудь, что вашему сердцу дороже его бесперебойной работы? Нет? Так я и думала. Уходим.

Константин стоял, прижавшись лбом к оконному стеклу, и даже не делал попыток собрать мысли. Не потому, что попытка априори была обречена на провал. Просто ни одной мысли в его голове не осталось. Пустота, гудящая тревожным набатом пустота заполняла череп, злобно ухмылялась, скалила зубы. Надо было сосредоточиться, но... Вот ты и получил власть. Только те времена, когда ты хотел ее получить, закончились очень давно, а теперь... теперь она у тебя просто есть. Доволен? Что-то непохоже.

Впрочем, нет. Пока еще не получил. Экстренно собранный Государственный Совет еще не закончил свое заседание, хотя его исход в достаточной степени предсказуем. Так, по крайней мере, полагает барон фон Фальц-Фейн, а отцовскому секретарю — твоему? — вполне можно доверять в таких вопросах. Как и во многих других. Отец... Мыслей в голове нет, а вот картина прокручивается перед глазами раз за разом, и бесполезно опускать веки — она и там остается.

Закрытие сезона скачек в южном полушарии Кремля всегда было значительным событием. Лучшие лошади, лучшие наездники. И правящий император всегда участвовал в первом заезде, а его первый наследник — в последнем. Традиция, никуда от нее не денешься. Даже дед в свои сто двадцать закрывал сезон, что уж говорить о батюшке. И ведь что интересно — никто и никогда не делал скидок ни на возраст августейшего всадника, ни на его положение. Честная борьба, и не раз тот или иной император проигрывал достойнейшему. Достойнейшему — не раз. А недостойному — только сегодня, но и этого хватило.

Лошади на стартовой позиции, редкое в последние дни — как-никак осень на исходе — солнце освещает скаковую дорожку, рассыпает блики по лоснящимся крупам, заставляет дам

в ложах надвигать на глаза вычурные шляпки. Суэта и суматоха постепенно затихают, предвкушение заставляет нервы вибрировать, а глаза — напряженно щуриться. Осталось совсем немного, вот сейчас... Сигнал. Началось.

Константин поднес к глазам мощный бинокль. Да, конечно, сканеров слежения много и никто не мешает наблюдать за происходящим, выделяя и детализируя на дисплее любой эпизод и любого его участника. Почти все так и делают, вон хоть на мачеху посмотреть, но это не то. Чего-то не хватает. Азарт пропадает, что ли? А так кровь летит по венам струей расплавленного металла, повинуюсь сердцу, колотящемуся в ритме скачки.

Вон отец. По всем давно известному обыкновению держится в центре. Так и будет до предпоследнего препятствия. А уж потом... Ну вот, так и есть. Вырвался. И граф Уваров рядом с ним. Странно, вроде бы еще совсем недавно Валерий не был таким уж лихим наездником, а вот поди ж ты. Только утром прилетел, почти год мотался по Галактике, и сразу на круг. Заявку на участие подал, однако, заранее и очень настаивал на том, чтобы скакать в первом заезде. Просьбу удовлетворили, почему нет? Тем более что причины ее были сейчас вполне очевидны: поднатаскался в странствиях, хочет продемонстрировать полученные навыки. Молодец, прекрасно держится, как бы батюшке сегодня не остаться без приза.

Последнее препятствие быстро приближалось. За ним начиналась прямая, на которой все решала скорость и то, сколько сил лошади сумел сохранить всадник. Еще немного... еще... Константин не сразу понял, что произошло. Просто Уваров, скакавший справа от отца, вдруг резко выбросил правую руку в сторону императора. Красавец Валет запнулся в момент прыжка, словно зацепился за край барьера или наткнулся на что-то, император перелетел через его голову и на него, уже лежащего на земле, рухнул сверху жеребец. Миновавший препятствие Уваров оглянулся и поднес руку теперь уже к собственной голове.

Потом... Константин смутно запомнил, что было потом. Кажется, он, даже не подумав о лестнице, перемахнул через ограждение ложи... Наверное, так, потому что окружающее пространство изменилось сразу, рывком: вот он сидит, а вот уже бежит, только мелькают рваной гребенкой столбики ограждения скакового круга.

Конечно, медики успели раньше. Медики — и еще охрана. Кто-то перехватил великого князя, остановил, не пустил дальше. Сквозь забившую уши вату просочилось напряженное, но ровное:

— Ваше высочество! Ваше высочество, туда нельзя. Подождите, врачи уже работают. Ваше высочество!

Константин втянул воздух сквозь зубы, сведенные судорогой челюсти заныли, и это было хорошо. Тянувшая боль проясняла сознание лучше, чем даже ведро холодной воды — был у него и такой опыт, мог сравнивать. Резкий выдох и снова вдох. Только сейчас он услышал шум на трибунах, оскалился, стряхнул чужую руку с плеча и медленно, выверяя каждый шаг, пошел туда, где над лежащим на траве телом Уварова стояли несколько мужчин в форме.

Уже в госпитале с ним связался фон Фальц-Фейн. Кто бы сомневался, что, редкостный проныра (как ему и полагалось по должности), барон получил сведения о здоровье императора одновременно с великим князем. А то и раньше.

Да, я в курсе. Как минимум год — если удастся сохранить мозг жизнеспособным. Упомянули бельтайнскую технологию... не исключено, что... но время, время... Собрать Государственный Совет? Да, конечно. Займитесь, барон.

И вот теперь он стоял в своем кабинете. Позади остались часы, проведенные в госпитале. Неутешительный (хотя и не совсем безнадежный) вердикт врачей. Неудачная попытка поговорить с мачехой — Любовь Андреевна не слышала никого и ничего, и в конце концов оказалась в одной из палат по соседству с той, где лежал сейчас ее муж, которого готовили к очередной операции. Хорошо хоть братья еще слишком малы, чтобы понимать весь ужас произошедшего, разве что восьмилетний Иван... Впрочем, Константину удалось успокоить мальчика. Себя бы еще успокоить, чтобы не видеть снова и снова, как падает отец

и рушится на него рослый бельтайнский гунтер. Делом надо заняться, делом, вот только пока не ясно, какое дело у него в руках. Вызов... ну наконец-то. Принять.

— Ваше императорское высочество! — медленно, торжественно произнес глава Государственного Совета князь Демидов. — Государственный Совет единогласно утвердил вас регентом.

Корсаков вымотался. День выдался на редкость суматошный, а поспать накануне не удалось совсем. И сейчас он сидел в офицерской столовой, болтая ложечкой в кофейной чашке и вспоминая разговор с отцом, на который ему удалось-таки выкроить несколько минут в середине дня.

Хреново выглядишь, сын, — вместо приветствия заявил отставной каперанг, вглядываясь в осунувшееся лицо. — Что, укатали сивку крутые горки?

— Ох, укатали, — улыбнулся Никита. — Зато у меня есть новость для тебя. Всем новостям новость.

— Это какая же? — настороженно разгладил усы отец.

— А помнишь, лет двадцать назад ты мне сказал, что ради этой новости я могу с тобой связаться хоть в ночь, хоть за полночь? Вот та самая.

— Ишь ты, — иронично восхитился каперанг. — Ну, слава богу, а то мы с матерью уже отчаялись! И кто она?

— Капитан второго ранга графиня Мария Сазонова.

Старший Корсаков задумчиво скрестил руки на груди, помолчал.

— Ну, что о ней людишки болтают — это все враки, конечно.

— Не все, — качнул головой Никита. — О нас с ней — чистая правда.

— Даже так? Ладно, это дело ваше. Я тебе только одно скажу, Никита. Влюбляемся мы в глазки да в ножки, ну может, в твоем случае, еще в умение летать. А жить-то не с ножками. И не с тем, что между ними. С характером жить. А характер там, если я хоть что-то понимаю, крутенок.

— Да уж не круче иных прочих, — фыркнул Никита. — Ты вон хоть на матушку погляди.

— Я, сынок, на твою матушку уже семьдесят лет гляжу, все никак наглядеться не могу. — Борис Никифорович мечтательно улыбнулся, вспоминая, должно быть, что-то такое, о чем сыну, пусть даже и взрослому, знать отнюдь не полагалось. Крякнул, усмехнулся и решительно подвел итог: — Ясно. Жду тебя домой, надо же решить, кого сватами засылать будем, по коммуникатору такое не улаживается.

— Да есть уже сват, потому я с тобой сегодня и говорю. А то явится к тебе его императорское высочество с бухты-барахты...

Отставной каперанг только руками развел:

— Ну, наш пострел везде поспел. Ладно. Свата встретим и приветим, честь по чести, не беспокойся. Только смотрите мне, черти пегие, венчаться на Кремле! А то знаю я вас, торопыг: окрутитесь где придется, а мы-то как же?

Никита рассмеялся...

Он вернулся в реальный мир оттого, что где-то сзади и сбоку голос Дубинина веско произнес:

— Не болтал бы ты лишнего, парень. И с расспросами лезть не советую. Дело твое, конечно, только ты сперва реши для себя, под какую руку попасть хочешь: под горячую или под тяжелую.

Корсаков, подуставший уже за день от любопытных взглядов и разговоров, смолкающих при его появлении и возобновляющихся за спиной, еле заметно кивнул. Молодец, Капитон, правильно мыслит. Вот только интересно, какую руку контр-адмирала он считает тяжелой, а какую — горячей? Собственного мнения на этот счет у Никиты не было, могло быть и так, и эдак. Эх... он закинул ладони за голову, с хрус том потянулся, жмурясь от удовольствия, и пропустил момент, когда Дубинин уселся напротив него. Уселся, уставился неожиданно тяжелым взглядом и сокрушенно вздохнул.

— Никита, вот скажи ты мне, дураку: ты с головой как, насовсем рассорился, или еще шансы на примирение остались? Что ты творишь, а?

Такого начала Корсаков не ожидал. Медленно опустив на стол разом потяжелевшие ладони, он слегка ссутулился, подался вперед и исподлобья сумрачно посмотрел на друга.

— Интересно, Капитон... как по-твоему, я тебя сразу пошлю или сперва выслушаю, а пошлю потом?

— Ну, думаю, старая дружба позволяет мне надеяться на то, что сперва выслушаешь, а там, глядишь, и посылать не станешь.

— Угу. Допустим... можно попробовать, — Никита изо всех сил старался удержать закипающую где-то внутри злость. — Только давай быстрее и без околичностей, не выпался я сегодня.

Дубинин почти уперся лбом в лоб Корсакова и с тихим отчаянием в голосе проговорил:

— Я знаю, что ты не выпался. И не только я — вся база знает, что ты не выпался. И почему ты не выпался. И с кем ты не выпался. Ты вообще соображаешь?!

— Это надо понимать так, — то ли весело, то ли угрожающе осведомился Никита, — что организовывать мальчишник ты отказываешься?

— Что? — каперанг изумленно выпрямился, его брови поползли вверх, пытаясь добраться до коротко остриженных волос.

— Ну, мальчишник, — теперь Корсаков уже откровенно забавлялся, глядя на ошарашенное лицо Дубинина. — Знаешь, этакий последний мужской загул перед свадьбой и последующей упорядоченной семейной жизнью.

— Что?!

— Дубинин, сходил бы ты к Тищенко, что ли. Пусть он тебе либо сам уши прочистит, либо попросит кого, а то ведь скоро в рейд, там не до того будет.

— Погоди, Никита. Погоди. Какой мальчишник?! Перед какой свадьбой?! — Капитон, сам того не замечая, заговорил в полный голос, и в столовой воцарилась мертвая тишина. Никита откинулся на спинку кресла и ухмыльнулся, думая про себя, что термин «квадратные глаза» получил теперь наглядную иллюстрацию. Помедлил, наслаждаясь моментом.

— Как это принято говорить у воспитанных людей? Ее сиятельство оказала мне честь... ну и так далее.

Дубинин только головой покачал.

— Ну, ты даешь... ты что же, и вправду решил, что сделал предложение — и соперник устранен?

— Если ты о Константине, то он вызвался быть сватом. Так кто будет мальчишник организовывать?

— Я!!! — гаркнул совершенно счастливый Дубинин, вскакивая и сгребая друга в охапку вместе с креслом.

Поздравления, рукопожатия и соленые шуточки — со сравнительно безопасного расстояния — начали было перерастать в вакханалию, но тут стационарные экраны на стенах осветились и князь Демидов отчетливо, размеренно проговорил:

— Дамы и господа! Прослушайте обращение Государственного Совета!

Мэри под руку с ван Хоффом вышла на широкий проспект. Впереди, нацепив на лицо выражение «Ну, кто тут последний за „в морду“, налетай, подешевело!», шел Джон. Замыкал шествие Мэтт, демонстративно довольный собой и окружающей действительностью. Свободных каров хватало, поэтому все четверо загрузились в первый попавшийся. Севший за руль Джон провел кредиткой по терминалу оплаты, и машина неторопливо двинулась в сторону зоны вылета.

Суматошное движение в кафе напротив было Мэри отмечено, но взволновало ее мало. Почему-то ей казалось, что к вновь охватившему ее чувству опасности эта суeta касательства не имеет. Ну, допустим, погонятся. Стрельбу в жилой части сектора вряд ли начнут, а ближе к ангарам можно будет и покуражиться. Не впервой. Чего она точно не собиралась делать, так это отдавать кому-либо принятого под защиту Эрика. И задерживаться на Лордане она не

собиралась тоже. Домой, домой. Вот прямо сейчас. Вызов Элис — все в порядке? Что с дозаправкой? Молодцы, начинайте прогреваться, мы скоро будем. Ну-ка, Джонни, давай побыстрее, что-то мне эти ребятишки на хвосте не нравятся.

Зона вылета быстро приближалась. Кар преследователей двигался за ними, уже не скрываясь, вот-вот следовало начать пригибать головы, как вдруг глухой удар потряс заметно сузившийся коридор. За ним еще один, и еще. Где-то завывала сирена, освещение на потолке и стенах мигнуло раз, другой, снова загорелось ровно, но Мэри вдруг рывкнула:

— Пошел! — Кар, повинувшись руке Джона, прибавил ходу так, что не ожидавший этого Эрик больно стукнулся затылком о подголовник, и они влетели в ведущий к арендованному ангару проход за секунду до того, как за их спинами рухнула, отсекая преследователей, тяжелая металлопластовая плита. К удивлению ван Хоффа, красавчик за рулем и не подумал снижать скорость. Поворот... закрытые ворота... остановка... Эрик только начинал подниматься, а Мэри уже выпрыгнула из кара, кинулась к створкам, затолкала ключ-карту в прорезь считывателя и... и ничего не произошло.

— Ясно, — сплюнула она. — Ладно, попробуем по-другому. Все назад!

Мэтт дернул Эрика за рукав и, не тратя даром слов, повалил его на пол за каром. Из-за этого неважного укрытия ван Хофф с удивлением и почти страхом наблюдал, как «мисс Робинсон» открыла сумочку, вытряхнула ее содержимое и засунула, нимало не церемонясь, мешочек с кристаллом за кружевную кайму чулка, быстро говоря что-то на кельтике. В руках ее появился — Эрик ухмыльнулся было, но тут же посерьезнел — тюбик интимной смазки, содержимое которого она начала быстро выдавливать на то место, где сходились створки ведущих в ангар дверей. Вынутая из прически тонкая заколка с крохотным бриллиантом на конце воткнулась в центр затейливого узора. Мэри окинула взглядом получившуюся композицию, кивнула и одним прыжком переместилась за кар.

— Берегите голову, Эрик, — бросила она. Ван Хофф послушно уткнулся носом в пол, успев заметить, как сильные пальцы нажимают на дозатор флакончика духов, и тут на него рухнул расколовшийся потолок. Оглохший, полуослепший, он все еще пытался сообразить, на месте ли у него конечности и где то, что сию минуту расплющило его, как лягушку, а близнецы уже подхватили его, поставили на ноги и поволокли по направлению к неровной оплавленной дыре. Трап... захлопнувшийся за спиной люк...

— Все в броню, живо! Джон, помоги Эрику!

— Аманда, что вы делаете? Вы собираетесь стартовать прямо так? А как же люди?!

— Какие люди, Эрик? — Мэри уже сорвала с головы парик, и прямо в коридоре избавлялась от платья, туфель и белья. В другое время ван Хофф наслаждался бы зрелищем, но момент был явно неподходящий. — Ох уж эти мне штатские! Вы что же, не слышали взрыва? Не почувствовали ветра в спину? — она говорила несколько невнятно, потому что мешочек перекочевал из-за каймы чулка в зубы. — Знаете, что это означает на космической станции? Взрывная декомпрессия, сектор разваливается на куски, и дай нам бог успеть смыться! Нету там людей, вам ясно? Нету! Или не будет в самое ближайшее время! Брысь с глаз моих, не мешайте мне спасать вашу задницу!

Несколько минут спустя Мэри уже лежала в ложементе первого пилота. Остальные также заняли места по боевому расписанию. Последним в рубку вбежал Джон, буркнувший, что запихал «этого хлюпика» в броню, ввел снотворное и наглухо пристегнул его к койке.

Как и следовало ожидать, выпускные ворота не подчинялись приказу открыться. Похоже, вся автоматика сектора отрубилась, и последнее, на что ее хватило — изолировать зону вылета от жилых отсеков. Мэри опустила на лицо забрало шлема, скучающим голосом произнесла в пространство, ни к кому специально не обращаясь:

— А вот что любопытно, удастся мне хоть когда-нибудь отрастить волосы? — и коротко скомандовала: — Залп!

Сгустки плазмы, поддержанные тяжелыми лучевыми пушками, ударили во внешние ворота ангара. Температура за бортом быстро повышалась.

— Посмотрим, выдержит ли броня, — не меняя интонации, бросила Мэри. — Делайте

ваши ставки, господа. Я, к примеру, почти уверена, что Келли не мог подсунуть мне какое-нибудь дерьмо. Вопрос только в том, не подсунули ли дерьмо ему?

Слева скептически хмыкнул Рори. Внешние датчики показывали, как на сомкнутых створках проявляется пятно, переливающееся всеми цветами побежалости. Вот оно стало светлее... еще светлее... побелело... ну же! Словно кто-то толкнул Мэри под руку, и она дала полную тягу на маневровые двигатели точно в тот момент, когда, распадаясь на мгновенно застывающие комья, часть ворот вылетела в окружающее сектор А-5 пространство. Что-то пробарабанило по обшивке, коротко выругался Мэтт, но это уже было неважно — «Джокер» вырвался на свободу, оставляя за кормой разрушающуюся станцию.

— А вот это — плохо, — так же равнодушно резюмировала Мэри, когда на внешних датчиках появились десятки, да что там — сотни объектов, идентифицированных системой как представляющие угрозу. — Даже не плохо. Это — полный и окончательный zvezdets. Коктейли!

— Проходите, Ираклий Давидович, — негромко сказал Константин. — Присаживайтесь, в ногах правды нет. Я вас самым внимательным образом слушаю.

Только давайте сразу договоримся: об отставке вы упоминать не будете. Не приму.

Цинцадзе помедлил в центре кабинета, потом все-таки подошел к столу и тяжело опустился в кресло. Великий князь впервые не заметил даже, а осознал, что глава Службы безопасности уже, мягко говоря, далеко немолод.

— О чем же прикажете упоминать? — голос Цинцадзе был таким же потухшим, как его глаза.

— Есть хоть какие-то предположения, зачем Уваров это сделал?

— Нет, ваше высочество. Потому что это не Уваров.

— Не Уваров? Кто же? — Константин смотрел на своего собеседника хмуро, но спокойно.

— С точки зрения ДНК-граммы — Уваров, вот только... Это клон, Константин Георгиевич. Молодой, семь лет с хвостиком. Имплантированный искусственным тарисситом. Работа очень похожа на ту, которую мы имеем в случае пилотов, подобранных графиней Сазоновой в системе Таро.

Регент поднялся на ноги, жестом остановил начавшего было вставать Цинцадзе и заходил по кабинету.

— Любопытно. Очень любопытно. Вы представляете себе масштабы операции? Масштабы и сроки? Если клону семь лет... и те, кто за всем этим стоит, не могли ведь знать заранее, кого именно им представится случай подменить...

Ираклий Давидович почти против воли улыбнулся. Прекрасный анализ ситуации. Краткий, емкий... хорошая голова у наследника.

— Я тоже подумал об этом, ваше высочество.

— Хм... В связи с этим возникает весьма неприятный вопрос, — Константин остановился, побарабанил пальцами по столешнице и наконец собрался с духом: — А сама-то Мария Александровна что собой представляет?

Цинцадзе сухо усмехнулся. Направляясь на доклад регенту, он поспорил сам с собой — всплывет эта проблема или нет? И теперь со смешанным чувством удовольствия и раздражения был вынужден признать, что проспорил.

— Не клон ли она? — Константин кивнул. — Крайне маловероятно. Разве что клон был изготовлен одновременно с появлением на свет дочери Александра Сазонова. Телу графини тридцать три стандартных года, тарисситовая имплантация произведена двадцать восемь лет назад... ее ведь проверяли, проверяли и снова проверяли. И ее экипаж проверяли тоже. Конечно, я сентиментальный старый дурень, но есть рамки, за которые я по определению выйти не могу. Можно было бы предположить, что она, будучи той, за кого себя выдает, работает на наших неизвестных противников, но...

— ...но кто мешал ей убить нас обоих тогда, в Белом павильоне? — закончил великий

князь.

— И это в том числе. В общем, как говаривал один древний режиссер, «не верю!». Хотя есть и настораживающий фактор.

Константин молчал, ожидая продолжения.

— Позволено мне будет спросить, что Марии Александровне именно сейчас понадобилось в Пространстве Лордан?

— Откуда вы... ах да, передатчик. Графиня получила сообщение от господина ван Хоффа, из которого следовало, что он раздобыл интересующие Империю сведения. Тон послания указывал на то, что наш корреспондент нервничает, и Мария Александровна отправилась на Лордан, дабы забрать информацию и, по возможности, информатора. А что?

Ираклий Давидович потер лицо ладонями и глубоко вздохнул.

— Несколько часов назад мы получили сообщение от одного из имперских агентов. Пространство Лордан атаковано неизвестными кораблями, сектор А-пять полностью разрушен. Больше оттуда никто из наших людей на связь не выходил.

«Джокер» окружали корабли. Маленькие, верткие корабли. Корабли, двигавшиеся по траекториям и со скоростями, не позволявшими даже подозревать наличие живых на борту. И этих кораблей было много. Слишком много для того, чтобы сегодняшний вечер хотя бы отчасти подпадал под категорию «томный». Самое неприятное заключалось в том, что эти малыши уделяли, с точки зрения экипажа, излишне много внимания покидающей станцию яхте. Пока что удавалось двигаться в направлении зоны перехода, но несколько раз в «Джокер» уже попали, и характер повреждений не радовал абсолютно.

— Да бог с ней, с мелочью, — напряженно проговорила Элис, — вот где главная-то сволочь!

— Запись, — процедила Мэри сквозь стиснутые зубы. — Мэтт, не спи!

— Я-то не сплю! — буркнул связист. — Только запись придется доставлять по назначению вручную. Передающий блок поврежден, сама же видишь!

— Вижу. Ничего, тем больше оснований выбраться. Три — один два — девять пять!

Малость расчистили. Вперед, только вперед. А, черт!

— Первый правый маршевый — все!

— Компенсируй! Семь семь — четыре два — четыре четыре! Элис, считай прямой прыжок на Кремль, не до реверансов!

Отрубить общую гравикомпенсацию, отрубить жизнеобеспечение, кроме рубки и одной пассажирской каюты, отрубить вообще все, что не имеет отношения к бою. Всю энергию на двигатели и стрельбу. Хорошо хоть этим уродам есть чем заняться и помимо «Джокера».

Да, Мэри была циником. Она считала большой удачей, что не они одни уносили сейчас ноги с Лор-дана, и на «Джокер» наваливались в данный момент не все штурмовики, а только часть, хотя и солидная. К разряду неудач относился тот факт, что пилоты других яхт сколько-нибудь заметным — по бельтайнским меркам — мастерством не обладали, за исключением, может быть, двух-трех, а, стало быть, «тепличные условия» долго не продержатся.

И еще этот голос в голове, даже не голос, а так... мыслеформы... «вот ты какой, северный олень» — любимая присказка Федора Одинцова... интересно, как он выглядит? Олень, не Одинцов. Так твою!левой паре маневровых конец, хорошо стреляют, паршивцы. Впрочем, и мы не лыком шиты, да, Рори? А что, если...

Насколько Мэри было известно, до сих пор никто не пробовал взять на сцепку собственный экипаж, контакт всегда осуществлялся только между пилотами, переводившими команды сцепки в вербальную форму. Но должна ж она была получить хоть что-то взамен сильно урезанной способности к пилотажу? Есть! Сразу стало проще. Ничего, мы еще летаем. Ах ты, дрянь такая! Ладно, кто бы ты ни был, а беллетристику ты явно не читал... есть!

Резко замедлившийся «Джокер» внезапно ушел вниз и нацелившиеся на него штурмовики выстрелили кто мимо, а кто и друг в друга. Теперь выше... левее... снова вправо... всем стоп! Ну и джига! Элис, подпространственный привод мы должны сберечь, иначе все впустую... так их, что, съели?! Второй левый маршевый... компенсируй... зона уже совсем близко, рукой подать... Связи нет как факт, но это такие мелочи... Первый левый маршевый... компенсируй маневровыми! Делай что хочешь, Рори, негодай, золотко, мерзавец, лапушка, скотина, любимый, ублюдок, посади нас на вектор, осталось совсем чуть-чуть... сброс орудийных секций!

— Второй правый маршевый выгорел!

— К черту, мы на векторе, маневровые в расход, н-на!

Изуродованный, беззащитный, фактически оставшийся без ходовой части, но успевший набрать скорость, «Джокер» сбил отстрелом левой орудийной секции с курса пошедший на перехват штурмовик и ушел в прыжок.

Глава 14

Окна первого этажа тепло светились в сгустившихся сумерках. К вечеру похолодало, и в воздухе робко перепархивали первые снежинки. Неужели прошло уже семь месяцев? Или всего семь месяцев?

Входная дверь распахнулась чуть ли не раньше, чем Корсаков позвонил. На пороге стояла пожилая дама самого благообразного вида, а из-за ее спины сверху вниз, несмотря на то что сидела на полу, на него надменно взирала полосатая кошка.

— Контр-адмирал Корсаков? — приветливо осведомилась дама. — Добрый вечер. Прошу вас, проходите. Мария Александровна предупредила нас о вашем визите. Меня зовут Надежда Игнатьевна. Позвольте ваш бушлат.

Никита вошел в небольшой холл и огляделся. Мягкий рассеянный свет. Бежевые стены. Пара банкеток. Цветы в большой вазе. Старомодная кованая подставка с одиноким зонтом в ней. Огромное зеркало. Откуда-то сбоку тянет жаром и ароматом свежей выпечки. Выскользнувшая из не приметной двери экономка, уже избавившаяся от его бушлата, фуражки и перчаток, с улыбкой пояснила:

— Мария Александровна и ее экипаж благополучно приземлились. Муж отправился их встречать. Желаете осмотреть дом?

— Мне не хотелось бы затруднять вас, сударыня... — начал Никита, но женщина только махнула рукой.

— Помилуйте, ваше превосходительство, никаких затруднений. Ужин почти готов, осталось только присмотреть за мясом. Хотя... раз вы так любезны, думаю, Матрена не хуже меня справится с ролью гида.

Кошка встала, потянулась и нетерпеливо дернула хвостом, оглядываясь на Корсакова, которому ничего не оставалось, как рассмеяться и направиться вслед за ней.

Полчаса спустя он стоял в кабинете, смотрел в темноту за окном и рассеянно поглаживал Матрену, запрыгнувшую на стол и требовательно бодавшую его руку всякий раз, когда он начинал манкировать своими обязанностями. Жилище Мэри понравилось ему. Здесь было уютно и тихо, во всем чувствовалась умелая, опытная и благожелательная рука. Правда, у него создалось впечатление, что в доме почти не жи вут: стены, мебель, даже терминал в кабинете излучали ожидание и легкую досаду. Странная мысль, откуда она взялась? Никита решительно встряхнулся и покосился на насторожившуюся кошку. Та развернулась на столе мордочкой к двери, вытянула шею, прислушиваясь к чему-то, беззвучно стекла на пол и гибкой тенью скользнула в сторону холла. Ну наконец-то!

* * *

— Итак, дамы и господа, все вы, присутствующие здесь, входите в состав Регентского

Совета. Поздравлять я вас не буду, ибо, безотносительно к произошедшему, поздравить мне вас не с чем. Работа предстоит большая. Гигантская работа. Главная наша задача — не допустить кризиса власти на местах, так что, боюсь, об отдыхе в ближайшее время и вам и мне придется забыть.

Константин говорил негромко, но веско. Спешно собранные со всех концов Империи члены Малого Совета, переименованного в Регентский, слушали его молча и, казалось, даже не дышали. За все десять лет своей работы Совет впервые собрался в полном составе. Почти в полном. Кресло напротив Сергея Ремизова оставалось вызывающе пустым, и именно на это кресло нет-нет, да и косился контр-адмирал Корсаков, ставший сегодня действительным членом Совета.

— Я прекрасно понимаю, что сложившаяся ситуация потребует всех ваших сил и всего вашего времени, без остатка. Тем не менее мне хотелось бы осветить еще один момент. Как всем вам известно из опубликованных бюллетеней, его величество жив, хотя состояние здоровья не позволяет ему в данное время руководить Империей. Довожу до вашего сведения, что никакого подхалимажа и лизоблюдства я не потерплю. Разнообразные проявления верноподданнических чувств по отношению к моей персоне должны пресекаться немедленно и жестко. Никаких криков «Слава регенту!». Узнаю, что кто-то из вас потворствует таким благоглупостям — разругаемся.

Корсаков посмотрел на окно, за которым только-только начало светать, и еще раз перевел взгляд на пустое кресло. Перед самым началом заседания Константин отозвал его в сторону, помялся и, со словами:

— Полагаю, вы вправе знать об этом! — протянул кристалл с копией донесения, переданного из Пространства Лордан.

Никите показалось, что стены зала надвинулись на него, мешая дышать, и он медленно ослабил узел галстука ставшими вдруг непослушными пальцами. Кровь гулко бухала в ушах, губы Константина шевелились совсем рядом, но контр-адмирал его не слышал. «Сектор А-5 полностью разрушен». Сектор А-5. А-5. «...место довольно смешное, а уж сектор А-5 так и вовсе»... да будь оно все проклято!

Наконец Корсакову удалось сосредоточиться, усилием воли отсесть ироничный голос, рассуждающий о реалиях Пространства Лордан и услышать великого князя.

— ...пропавшей без вести. Мария Александровна обладает фантастическим чутьем, и я не могу исключить вариант, при котором она покинула Лордан до нападения. В связи с последними событиями вся система кодов связи в Империи изменена, а своим флотским коммуникатором она в... хм... командировках не пользуется исходя из соображений секретности. Так, во всяком случае, утверждает князь Цинцадзе.

— Не пользуется, — кивнул Никита. Огонек надежды был робким, еле тлеющим, но он все-таки был. — Более того, свой флотский коммуникатор она оставила на «Титове».

— Ну, вот видите! Никита Борисович, я понимаю, что утешать вас, а тем более обнадеживать, сейчас неуместно, но все же мой вам совет: постарайтесь не предаваться отчаянию раньше времени. Графиня этого не одобрит.

Взгляд Никиты, тяжелый и одновременно острый, Константину понравился. Последняя его фраза предназначалась для того, чтобы злость на непрошеного советчика встряхнула контр-адмирала и это, кажется, удалось. Ничего, пусть злится. Успеет еще нагореваться. А может, горевать и не придется. У кошки девять жизней, бельтайнцы же, по наблюдениям великого князя, определенно состояли в непосредственном родстве с кошачьими. Конечно, Мария Александровна бельтайнка только на пятьдесят процентов, но четыре с половиной в любом случае больше единицы. Знать бы еще, не исчерпала ли она лимит...

На другом конце Новограда князь Цинцадзе выслушал донесение и отдал приказ.

Один из чудом уцелевших наружных видеодатчиков показывал картину, неприятно удивившую Мэри. Обе защитные крепости «Цербер» находились в положении «полная боевая готовность». Барражировавшие вокруг них патрульные корабли так же

недвусмысленно оцетинились открытыми орудийными блистерами, причем помимо стандартных катеров присутствовали еще и эсминцы. И даже... ого! Крейсера! Похоже, за время их отсутствия в Империи что-то произошло. Что-то исключительно скверное. Плохо остаться без связи. И коммуникатор, в который она по памяти ввела несколько знакомых кодов, почему-то отказывается соединять ее с кем бы то ни было...

— Мэтт, мы можем подать сигнал бедствия? Как-то мне не по себе...

— Уже. А то мы хоть и сменили идентификаторы, а что-то мне подсказывает, что их либо не слышат, либо имеют в виду.

Похоже, Мэтью был прав. Одни из патрульных кораблей отделился от своих товарищей и направился к «Джокеру», отдавая лучом света приказ заглушить двигатели, лечь в дрейф и подготовиться к стыковке. Кольцо вокруг яхты замкнулось. Ой-е-ей...

Мэри решительно сняла шлем и отбросила его в угол рубки.

— Что застыли? Шлемы долой, они должны видеть нас отчетливо. Оружие убрать. Всем сидеть. Когда войдут — заложите руки за голову. Говорить буду я. Джон, Эрик еще спит?

— Спит, куда он денется, — проворчал медик, — а даже если бы и не спал, все равно пристегнут так, что двигаться не может. Дверь там не заперта, но это и все.

Мэри кивнула, подошла к сейфу и достала из одной из ячеек, запрограммированных на самоуничтожение при несанкционированном доступе, карточки имперского идентификатора. Раздала их команде. Рори секунду помедлил и включил программу готовности к стыковке. Вовремя — патрульный корабль, размерами значительно превосходящий бельтайнский корвет, подошел уже вплотную. Несколько томительно долгих минут... автоматика сообщает о выравнивании давления и открытии люка... уверенные тяжелые шаги множества ног в ведущем к рубке коридоре...

Вошедшие в рубку и рассредоточившиеся вдоль стен десантники увидели четырех человек, лежащих в ложементах с заложенными за голову руками. Бритоголовая женщина в пилотской броне без шлема стояла лицом ко входу. Оружие на поясе отсутствовало. Поднятые руки она широко развела в стороны. Между указательным и средним пальцами правой была зажата стандартная идентификационная карточка.

Слегка пригнувшись, порог рубки переступил высокий сухощавый офицер. Окинул взглядом открывающуюся картину, слегка усмехнулся уголком плотно сжатых губ, вскинул руку к виску.

— Капитан-лейтенант Левин. Представьтесь, пожалуйста.

— Капитан второго ранга Сазонова, — отозвалась Мэри.

Если Левин и подал какой-то знак, она этого не уловила. Но один из десантников отделился от стены, вынул из ее пальцев карточку и отдал ее офицеру. Человек, вышедший из-за спины Левина, поднес поближе терминал-определитель. Секунда... другая... зеленый огонек... капель кивает самому себе...

— Госпожа капитан второго ранга, необходимо выполнить еще одну формальность. Позвольте вашу руку. Мэри плавно сделала два шага вперед, подчеркнуто медленно опустила правую руку — левая по-прежнему оставалась над головой — и протянула ее Левину. Какое-то движение в коридоре... в рубку протиснулся еще один мужчина, в руках которого, как без особого удивления отметила Мэри, был самый мощный из портативных анализаторов. Не тратя времени на извинения, он быстро сделал соскоб кожи, уколол ее палец тонкой длинной иглой, заложил полученное в контейнер анализатора и уставился на экран. На сей раз процедура заняла куда больше времени, но в конце концов безопасник утвердительно склонил голову.

— Мария Александровна Сазонова. Подтверждено.

Левин, улыбаясь теперь в открытую, протянул руку, которую Мэри с удовольствием пожала.

— Добро пожаловать домой, госпожа капитан второго ранга. Извините за то, что формальности несколько затянулись, но в Империи введен режим чрезвычайного положения,

и...

— Причины? — перебила его Мэри. Подчиненные Левина так же обстоятельно производили проверку членов экипажа, но это ее уже не интересовало.

— Покушение на его императорское величество, — голос Левина ощутимо похолодел. — Вы не знали?

— Какое-то время нам было не до новостей, — скривилась Мэри. Каплей понимающе хмыкнул — состояние «Джокера» действительно не предполагало времени и возможности интересоваться происходящим в Галактике. — Покушение, говорите... Его величество жив?

— Жив, но...

— Ясно. Регентство? — какое-то представление об имперских порядках она, слава Создателю, успела все-таки получить.

— Так точно.

— Константин Георгиевич?

— Так точно.

— Понимаю... Господин капитан-лейтенант, на борту «Джокера», в каюте номер три, находится пассажир, — («Я знаю», — пробормотал Левин), — которого очень хочет видеть его светлость князь Цинцадзе. Вы поможете нам добраться до Кремля?

— Разумеется. Что касается его светлости, то он приказал связать вас с ним немедленно после прохождения вами процедуры идентификации. Прошу к нам на борт, отсюда вы все равно не сможете ничего сделать, коды связи изменены во всех системах, занимаемых Империей.

Мэри саркастически усмехнулась. Даже если не брать во внимание смену кодов, оборудование связи «Джокера» пострадало настолько сильно, что было сейчас абсолютно бесполезной грудой металла и пластика, даже сигнал бедствия, поданный Мэтью, был световым. Она подошла к сейфу, вынула из него шелковый мешочек с кристаллом, спрятала его под броню и оглянулась на уже поднявшегося на ноги связиста.

— Мэтт, слей запись боя на носитель. Три копии. Нет, лучше четыре. Одну отдашь мне. Живей. Господин капитан-лейтенант, — это уже Левину, — на «Джокере» и, возможно, во всем прилегающем пространстве, нет ничего более ценного, чем та запись, которую сейчас переносит на кристаллы мой канонир. Как только он закончит, следует немедленно переправить содержание записей, а впоследствии и носители в Адмиралтейство, Министерство обороны и Службу безопасности. Отдайте приказ о демонтаже записывающего оборудования яхты, его также следует отдать безопасникам. Вряд ли кто-то обвинит нас в фальсификации, но береженого Бог бережет.

— Так серьезно? — Левин напрягся, его и без того весьма заметный нос, казалось, стал еще более впечатляющим и надвинулся на Мэри.

— Еще серьезнее. Клянусь, я хотела бы, чтобы все это мне приснилось. Или привиделось спяну. Или чтобы мне оторвали голову за неуместную шутку крайне дурного тона, моя голова, поверьте, небольшая цена в данном случае. Увы... А, Эрик! — перешла она на уник, глядя на ван Хоффа, все еще сонного и нетвердо держащегося на ногах, которого в этот момент заводил в рубку один из десантников. — Приветствую вас на территории Российской империи. Как вам понравилось путешествие?

— Я его проспал, — буркнул Эрик. — Что это ваш парень мне такое вкатил, до сих пор голова как не своя.

— Зато на плечах осталась. Согласитесь, по сравнению с этим все остальное мелочи.

Эрик желчно усмехнулся, но промолчал.

Мэри выторговала четверть часа для себя и своей команды. Левин настаивал на том, что выйти на связь с князем Цинцадзе графине Сазоновой следует незамедлительно, но та уперлась. Пусть она бросает на борту яхты большую часть своего имущества и неизвестно, когда увидит (и увидит ли) его вновь, но и дальше путешествовать в броне? Помилосердствуйте, каплей, всему есть предел!

Она переоделась, запихала в небольшую сумку платье от Франчески Корсо — Никите должно понравиться! — парик, пару туфель и украшения. Окинула взглядом каюту, вздохнула... как бы ни повернулась жизнь, летать «Джокер» не сможет еще долго. Если сможет вообще. Ладно, что уж тут поделаешь. Наверное, Келли все-таки доволен, ведь его подарок, пусть и не слишком долго прослуживший, спас ей жизнь... все, пора, а то она, не ровен час, еще расплатится.

На борту катера Левин что-то говорил, глядя на виртуальный дисплей, с которого добродушно взрыкивал князь Цинцадзе. Заметив, что собеседник смотрит мимо него, капитан-лейтенант обернулся и с видимым облегчением перевел дух.

— Прошу вас, госпожа капитан второго ранга! — слегка поклонился он и уступил Мэри место перед дисплеем. Корабль закончил расстыковку и направлялся теперь к «Церберу-два».

— Вот и ты, — не озабочиваясь приветствиями, проворчал Ираклий Давидович, вглядываясь в лицо Мэри. — Хороша, нечего сказать. Мы тут с ума сходим... ладно, извини, это я так, по привычке. Деду я уже сообщил, что ты нашлась, так что можешь не беспокоиться.

— А его высочеству? — осведомилась Мэри, устранившись в кресле. Катер шел мягко, ускорение совсем не ощущалось, но снова подошедший Левин непреклонно вложил в ее ладонь защелку страховочного ремня.

— Пока нет. Сейчас идет заседание Регентского Совета, его высочеству не до того.

— Ой ли? — холодно прищурилась она. — Вы уже получили запись?

— Получил. Только пока не смотрел. Что-то интересное?

— Более чем. Хотя, я думаю, это действительно терпит, по крайней мере лишние полчаса ничего не решат. Надеюсь.

Ее интонация Ираклию Давидовичу определенно не понравилась. Не то чтобы он мог похвастаться по-настоящему хорошим знанием оттенков голоса своей «крестной внучки», но кое-что уже научился улавливать. Впрочем, если она говорит, что время еще есть...

— У тебя имеются вопросы? Или подождешь до Кремля?

— Имеются, — кивнула Мэри. — Кто покушался на императора?

Цинцадзе еле заметно вздрогнул, но тут же вернул на лицо невозмутимое выражение. Представления этой, временами весьма вздорной, девицы о приоритетах не переставали его удивлять. Он подал знак, и сидящий рядом с Мэри Левин что-то переключил на пульте, который держал в руках. Кресло Мэри и дисплей перед ним окутала матовая сфера полной конфиденциальности. Она только покачала головой: с такой техникой ей до сих пор сталкиваться не приходилось. Слышала, конечно, краем уха, но... Обычные «коконы тишины» — сколько угодно, хоть бы и на «Гринленде», однако тут, видимо, предполагалось исключить и возможность читать по губам.

— Официально — граф Уваров.

— А неофициально?

— Не граф Уваров. Хоть и очень похож, даже ДНК-грамма совпадает, — Цинцадзе испытующе смотрел на Мэри, ожидая, должно быть, ее реакции.

— Клон, — она не спрашивала, скорее, утверждала.

— Молодец, — в голосе Цинцадзе прорезался акцент, что случалось не так уж часто.

— С тарисситовым имплантом.

— Молодец, — судя по всему, князь был доволен ею и немного зол, но не на нее, а на сложившуюся ситуацию.

— Угу, — Мэри потеряла подбородок, ненадолго задумалась и снова подняла глаза на своего собеседника. — В связи с этим у меня остался только один вопрос.

— Это какой же?

— Почему я до сих пор не в наручниках? Ираклий Давидович усмехнулся, несколько раз соединил ладони в символических аплодисментах и снова посерьезнел.

— Были бы у меня на то основания — давно бы уже перед дознавателем сидела. Но

оснований нет. Не только оснований — повода не вижу. Нечего ухмыляться. Думаешь, теряю хватку? Верно, теряю... но не до такой степени. Уж совсем-то за рухлядь меня не держи.

— Извините, Ираклий Давидович, — покаянно пробормотала Мэри.

— Вот так-то лучше. Хорошо, дорогая. Сегодня отдыхай, а завтра... впрочем, что это я. У тебя свое начальство есть. Тебя прямо сейчас связать с великим князем, или подождешь, пока Совет закончится?

— Можно и подождать. А вот с контр-адмиралом Корсаковым я хотела бы переговорить сразу по прибытии на «Цербер».

Цинцадзе слегка приподнял брови, но комментировать не стал, только кивнул, и дисплей опустел.

Совет шел своим чередом. Хотя какой уж тут черед... Давно были забыты карты, определяющие очередность выступлений. Спросив разрешения у дам, мужчины закурили, и если бы не безукоризненная работа системы кондиционирования — дым в прямом смысле слова стоял бы коромыслом. Корсаков активно включился в обсуждение, хотя эта активность и давалась ему с некоторым трудом. Однако дело есть дело. Времени пребывать в растрепанных чувствах попросту нет.

А развернувшаяся за столом дискуссия как нельзя лучше способствовала упорядочиванию мыслей. Тем более что сейчас многие из присутствующих вставали с места, ходили по залу, снова садились... кто-то опустил ненадолго в кресло Мэри, и оно уже не привлекало внимания. Почти не привлекало. В окружающем его шуме он не сразу расслышал сигнал вызова коммуникатора. Точнее, расслышал, но не поверил собственным ушам, поскольку перед началом заседания Совета выставил запрет на входящие вызовы и сообщения. Кто это, интересно, смог его преодолеть? Ого...

Торопливо отойдя в угол зала, где было не так шумно, он коснулся сенсора приема и негромко проговорил:

— Слушаю вас, ваша светлость, — и тут же задохнулся, потому что в его ухе знакомый голос чуть насмешливо произнес:

— Тогда уж «ваше сиятельство»!

— Мэри! — ахнул Никита во весь голос, и все обернулись к нему, а Константин торопливо обогнул стол и подошел почти вплотную. Глаза его, как Корсаков отметил с изрядной долей раздражения, сияли. Ну уж нет, ваше высочество, до вас очередь еще дойдет, а пока... он поднял ладонь и великий князь притормозил, понимающе кивая.

— Да... да... угу... «Цербер-два», ясно... на Регентском Совете... здесь, рядом со мной... сейчас... ваше высочество, Мария Александровна спрашивает, можно ли перевести вызов в визуальный режим.

— Конечно! — Константин взял левую руку Никиты, взгляделся в коммуникатор и быстро ввел кодовую группу. Огромный экран осветился и на нем возникла Мэри. Корсакову показалось, что она похудела с их последней встречи. Впрочем, не исключено, что дело именно так и обстояло — таким бескровным, заострившимся было ее лицо. Смотрела она, однако, бодро, бледные губы уверенно улыбались.

— Ваше высочество! Я имею честь доложить вам об успешном завершении своей миссии в Пространстве Лордан. Разрешите вам представить, — она сделала приглашающий жест, и рядом с ней появился мужчина средних лет, который даже в изрядно перепачканном и измятом костюме ухитрился выглядеть элегантно. — Эрик ван Хофф!

Константин слегка склонил голову. Поклон Эрика, как с удовольствием отметил Петр Савельев, был существенно ниже. Похоже, уроженец Нового Амстердама решил покамест отложить в долгий ящик свои демократические взгляды и соответствующее воспитание. И правильно. Не на родине, чай, и тем более не на Лордане. Мэри шевельнула бровью, и ван Хофф исчез, как и фон, скрытый конфиденциальной сферой.

— Ваше высочество, помимо господина ван Хоффа и добытых им сведений я доставила

информацию, которая, я уверена, покажется вам — и Регентскому Совету — интересной. Правда, запись довольно короткая, мой корабль прилично потрепали еще в самом начале отхода. Яхта, пусть даже и очень дорогая, не вполне предназначена для полномасштабного боя, вы понимаете. Но на что посмотреть, определенно имеется. Вы можете сейчас принять пакет?

— Разумеется, графиня, — кивнул Константин.

Пару минут спустя изображение Мэри переместилось на вспомогательный экран, а на большом возникло пространство, окружающее Лордан. Члены Совета, имеющие отношение к армии и флоту, подходили ближе, всматривались, переглядывались, кто-то вполголоса выругался. Великий князь молчал. Молчал и Корсаков, хотя это и было непросто. Контрадмиральские погоны он носил по праву и теперь прекрасно видел не только нападавших, но и то, с какого ракурса велась запись. Сомнений не было: Мэри вырвалась чудом, и сейчас его ладони сами собой сжимались в кулаки от ярости, бессилия и запоздалого страха.

— Расстояние до объекта соответствует действительности? — самым светским тоном осведомился Константин. Лицо его было нарочито бесстрастным.

— Да. Впечатляет, не правда ли? Обратите внимание на спектрограмму брони. Вот куда пошел орланский вариант. Честно говоря... не мне давать вам советы, ваше высочество, но охрану зоны перехода следует максимально усилить. Я уходила от Лордана напрямую на Кремль, больше ни на что ресурса не хватало, и так-то выбрались без маршевых и с одним маневровым из восьми. Как бы к нам гости не пожаловали. Конечно, это было бы изрядной наглостью с их стороны, но согласитесь — на палубах этого монстра вполне хватит места для любого количества наглости, еще и останется.

— Соглашусь, — зло, по-волчьи усмехнулся великий князь. — Так... что-то мне подсказывает, что это уже не инцидент. Это война.

Мэри молча кивнула.

— Причем не исключено, что это наша война. Хорошо, я все понял. Вы сейчас направитесь на Кремль, не так ли?

— Его светлость князь Цинцадзе любезно распорядился, чтобы меня, мой экипаж и пассажира доставили на «Пересвет». Оттуда — прямо домой, если вы не дадите мне других указаний.

— Ни в коем случае. Отдыхайте. Однако завтра я рассчитываю увидеть вас на совместном заседании Регентского и Государственного Советов. О докладе не думайте, этого, — он коротко дернул подбородком в сторону большого экрана, — более чем достаточно.

Мэри распрощалась и исчезла со вспомогательного экрана. Шум в зале возобновился с новой силой. Корсаков отошел к одному из боковых столиков и залпом выпил стакан воды. Только сейчас, когда напряжение последних часов отпустило его, он понял, в какой жгут были все это время скручены его нервы. Он совсем было собрался вернуться к столу и принять участие в обсуждении, когда коммуникатор, который он так и не заблокировал, принял текстовое сообщение. Совсем короткое. Адрес и подпись. Никита улыбнулся, набрал слово «Буду» и нажал на сенсор отправки.

На «Пересвете», одной из орбитальных станций Кремля, Мэри уже ждали. Непосредственно возле переходного шлюза стоял Василий Зарецкий, пренебрегший на сей раз этикетом и заменивший церемонный подход к ручке крепким объятием.

— Маша! — выдохнул он, отодвигая ее от себя и встревоженно вглядываясь в бескровные губы и тени, окружившие запавшие глаза. — Ох, и заставила же ты нас поволноваться... плохо выглядишь, красавица. Вот уж верно говорят: лица нет. Что, земля под ногами горела? И, разумеется, где заварушка, там ты в первых рядах, не живется тебе спокойно. Видел я запись, так до сих пор волосы дыбом. Тяжко пришлось?

— Не кудахтай, Василий! — поморщилась она. — Мне еще как пить дать предстоит все

это от деда с бабушкой выслушать. Да и супруга твоя не откажется принять участие в воспитательном процессе, знаю я ее. Хотя ты меня не тереби!

— Понял! — легко согласился Зарецкий. — Насчет Катеньки ты не беспокойся, ее я попридержу, а вот Николай Петрович... и в особенности Ольга Дмитриевна... права ты, с какой стороны ни посмотри. Ладно, авось отбояришься. А это, — уже на унике добавил он, — надо полагать, и есть знаменитый господин ван Хофф? Полковник Зарецкий, рад личному знакомству.

Эрик пожал протянутую руку и неуверенно покосился на Мэри. Она ободряюще кивнула.

— Думаю, Эрик, мой свояк прибыл сюда прежде всего по вашу душу. Отправляйтесь. Я не знаю ваших предпочтений в отношении климата, но, думаю, здешний холод в любом случае не так страшен, как тот, что царит сейчас в остатках сектора А-пять. Василий! Это, — она протянула Зарецкому мешочек с кристаллом на шнурке, — следует немедленно передать его светлости. Лично в руки, я на тебя рассчитываю.

— Не переживай. Идемте, господин ван Хофф. Мэри проводила взглядом удалявшуюся пару — двоих мужчин окружили словно вышедшие из стен крепкие парни в штатском, — вздохнула и, подав знак экипажу «Джокера», двинулась, выверяя каждый шаг, в глубь станции. Впрочем, пройти она успела только несколько метров. Человек в пилотской форме с погонами кап-три приблизился к ней и почтительно козырнул:

— Госпожа капитан второго ранга!

— Без чинов, — поморщилась Мэри.

— Есть без чинов. Дмитрий Пономарев. Мне приказано доставить вас и ваших людей на планету. Следуйте за мной.

По дороге к ожидающему челноку Мэри связалась с Надеждой Игнатьевной, сообщив вероятное время прибытия («Иван Кузьмич уже в порту, ждет вас!») и предупредив о том, что к ужину ожидается гость. Невозмутимости экономки можно было только позавидовать: она всего лишь уточнила, как следует принимать господина Корсакова. Как саму Марию Александровну? Очень хорошо. Какие-нибудь пожелания в том, что касается меню? Как вам будет угодно. Ждем.

Стоя в дверном проеме, Корсаков, уже успевший избавиться от кителя (ничтоже сумняшеся он повесил его в шкаф в хозяйской спальне), наблюдал, как пять человек идут по дорожке. Впереди медленно шла Мэри. Казалось, она с трудом передвигает ноги, а сохранение подобающей офицеру осанки требует от нее сознательных усилий. Во всяком случае, через два шага на третий она начинала сутулиться и тут же выпрямлялась, разворачивая плечи. Это, впрочем, не мешало ей нетерпеливо отмахиваться всякий раз, когда один из близнецов, идущий слева и чуть сзади, пытался поддержать ее под локоть. Рассудив, что безобразия следует пресекать в зародыше, Никита сбежал с крыльца и, не слушая слабых возражений, подхватил Мэри на руки, недовольно буркнув сконфуженному Мэтту:

— Что, сам догадаться не мог?

Минуту спустя он осторожно опустил свою ношу на одну из банкеток в холле, расстегнул на Мэри куртку, стянул ее и, присев на корточки, принялся возиться с застежками ботинок. У входной двери громила-двигателест что-то негромко втолковывал высокому пожилому мужчине, чья гражданская одежда не могла скрыть многолетнюю привычку к ношению формы. Мужчина степенно кивал.

— Никита, — Мэри сидела, устало прислонившись к стене и полуприкрыв глаза, — Никита, я могу разуться сама.

— Можешь, — не стал спорить Корсаков. — Но не будешь. По крайней мере, сегодня не будешь точно. Надежда Игнатьевна! — Экономка подошла поближе; за процессом разоблачения хозяйки дома она наблюдала с нескрываемым удовольствием. — Мария Александровна поужинает наверху. Скажем, через сорок минут. После того, как примет ванну.

С этими словами Никита снова взял Мэри на руки и начал подниматься по лестнице, шагая через ступеньку и косясь под ноги, чтобы не наступить на важно, хотя и быстро, перебирающую впереди лапами Матрену. Принадлежащий одному из близнецов голос насмешливо произнес за его спиной по-русски:

— А говорила — мы следующие на очереди... Женщина! Семь пятниц на неделе!

Разумеется, в спальню кошка проникла тоже первой, однако слишком уж зарываться не стала, удовольствовавшись тем, что с самым независимым видом пристроилась в ногах кровати.

— В кресло, — слабо улыбнулась Мэри, и Корсаков, неопределенно хмыкнув, усадил ее, забрав с постели и подсунув под голову большую подушку. Еще бы плед... или одеяло... может быть, шугануть животину? Ага, такую, пожалуй, шуганешь...

— Ванну я тебе сейчас наберу. Погорячее?

— Да. Что-то я мерзну, — виновато пожала плечами она.

Никита только головой покачал. Нет, конечно, командир сказала отстать — медик и отстал, но надо же и голову на плечах иметь. Что, наступление реакции незаметно? Вздохнув, Корсаков направился в ванную, пустил воду и задумался, оглядываясь по сторонам. В дамских ваннах комнатах ему бывать доводилось, хоть и не слишком часто. И теперь он с изрядной долей недоумения пытался сообразить, где Мэри держит ароматические добавки для воды, раз уж полки шкафчиков пусты. Или у нее их попросту нет? Такое тоже вполне может быть, но сейчас хорошая доза растворимых в воде релаксантов прищлась бы весьма кстати. Экономку, что ли, спросить? Нет уж, не надо нам тут сейчас посторонних. Пока так, а там видно будет.

Вернувшись в спальню, Никита обнаружил, что Мэри задремала. Он остановился в паре шагов от кресла, соображая, что делать: будить, или пусть поспит. Все-таки будить, решил он наконец и, подойдя вплотную, осторожно прикоснулся к плечу.

— Мэри... Мэри, ванна готова... просыпайся!

— Угу... сейчас, — она совсем по-детски потерла глаза кулаками и потянулась. — Ты уверен, что не хочешь есть? А то водные процедуры могут затянуться...

— Ничего, я подожду, — улыбнулся Никита. — Тебе помочь, или сама?

— Сама, — Мэри встала, еще раз потянулась и скрылась в ванной.

Корсаков занял освободившееся кресло и начал от нечего делать играть в гляделки с Матреной, прислушиваясь к плеску, доносившемуся из-за неплотно прикрытой двери. Некоторое (совершенно, по мнению Корсакова, недостаточное) время спустя плеск прекратился, а еще через несколько минут на пороге ванной появилась Мэри, завернутая в огромную купальную простыню, край которой волочился за ней по полу, как шлейф.

— Ну вот почему ты не полежала подольше? — проворчал Никита. — Тебе совершенно необходимо расслабиться, а горячая вода...

— Не могу. Не могу расслабиться, — почти жалобно пробормотала Мэри, подходя поближе. — Не получается. Совершенно дурацкая ситуация: я знаю, что я на Кремле и этот безумный бой позади...

— Да уж, бой, судя по всему, был еще тот, — Корсаков, не вставая, протянул руку, сгреб Мэри и переместил к себе на колени. Она вздохнула, обняла его рукой за шею и взъерошила волосы на затылке. Пальцы другой руки бездумно скользили по воротнику рубашки.

— Знаешь... то ли я старею, то ли просто вымоталась сильнее, чем обычно, хотя с чего бы? Ну, бой... можно подумать, мало их было... только я вот хожу, говорю, ванну принимаю... и до сих пор не могу поверить в то, что осталась жива.

Никита потерся носом о ее ключицу, крепче прижал к себе и вдруг улыбнулся.

— Не можешь поверить, что жива? Ничего, сейчас я тебе докажу...

Сунувшаяся было в дверь экономка, держащая поднос, покраснела, удивительно быстро для своих габаритов отступила назад и осторожно прикрыла створку ногой. Повернув голову к ухмыляющемуся мужу, она прошипела уголком поджатых губ:

— И нечего скалиться, старый ты греховодник! Давай тащи сюда столик, прямо в коридоре накроем. Там сейчас не до нас... и уж тем более не до ужина, — а чуть позже, уже дойдя до нижней ступеньки лестницы, вдруг ткнула благоверного локтем в бок и вполне добродушно заметила:

— Хорошие детки будут!

Никита проснулся по сигналу коммуникатора, торопливо отключил его и покосился на лежащую рядом Мэри. Спит... Ей-то хорошо, подумал он с шутливым раздражением, вся ее одежда тут, в доме, а вот ему надо немедленно выбираться из постели и соображать, где раздобыть свежую рубашку. Не может же он явиться на заседание Советов в той, которую содрал и бросил вчера где-то тут, в комнате. Да и побриться надо. Как ни крути, придется вставать. А как же не хочется...

Он поднялся, на ощупь собрал одежду, кое-как привел себя в божеский вид и тихонько выскользнул в скупое освещенный коридор. Там его ожидал сюрприз: на том самом столике, с которого он вечером забрал подносы с ужином, стоял большой пакет со знакомой эмблемой «Флотского старшины». Корсаков заглянул внутрь и с трудом удержался от восхищенного взгласа. В пакете ждали своего часа рубашка, белье, бритвенный прибор и халат. Судя по ярлычкам на одежде, размер был его. Не иначе отставной десантник постарался, больше некому. Как же он с размером-то угадал? Хотя... ну конечно же бушлат! Да, умеет его невеста подбирать людей, что в экипаж, что в дом.

— Доброе утро, ваше превосходительство! — Иван Кузьмич словно соткался из воздуха рядом с Никитой. — Господин О'Нил сказал мне, что Мария Александровна собирается сегодня во дворец, а поскольку вы тоже входите в состав Регентского Совета, я подумал...

— Вы правильно подумали, — одобрительно кивнул Никита. — Могу я попросить вас довести до ума мои брюки? Они, конечно, почти не мнутся, но...

— Разумеется. Я подожду здесь. Завтрак будет подан в девять часов. Ваши брюки я положу сюда же, на столик. Что-нибудь еще?

— Это все. В девять часов, вы сказали? Мы спустимся.

Корсаков вернулся в спальню, набросил халат и через щель в двери протянул брюки дворецкому. Тот поклонился и исчез.

Никита удовлетворенно вздохнул, снял халат и рубашку и снова лег. Предусмотрительность нанятого Мэри обслуживающего персонала сберегла ему еще около двух часов для сна. Или не для сна...

Глава 15

Министр обороны мрачно поглядывал то на лист плотной бумаги, лежащий перед ним на массивном столе, то на стоящего навтыжку человека. Создавалось отчетливое впечатление, что ни то, ни другое зрелище его нисколько не радует. Человеком был капитан первого ранга Андрей Лялин, командир крейсера «Адмирал Чичагов». Бумага же содержала формальный рапорт каперанга об отставке и отдаче под трибунал. Молчание затягивалось. Наконец министр звучно хлопнул ладонями об стол, поднялся и принялся расхаживать по кабинету. Каперанг поворачивался вокруг своей оси, стараясь держать начальство в поле зрения и при этом изображать независимость.

— Нашел время! — пробурчал министр, переходя на «ты», что в разных обстоятельствах могло означать в равной мере и одобрение, и немедленный расстрел. — Что ты себе вообразил? Нет, конечно, с командования крейсером я тебя сниму. Нечем больше командовать, так, нет?

Лялин коротко дернул головой, демонстрируя угрюмое согласие. «Адмирал Чичагов» сумел вырваться из боя. Вырваться — ценой выполнения категорического приказа погибающего флагмана «добраться до дома и сообщить». Бардак со связью, подавление на всех частотах, черта с два прорвешься, все в ноль... Десантные палубы практически

прекратили свое существование вместе с находившимися на них людьми, артиллерийские отсеки, разорванные в клочья противником, такжегодились только в утилизацию, броня... слезы, а не броня. В сущности, уцелели только рубка с находящимися в ней офицерами и часть двигателей. На том и выскочили.

— А вот об отставке можешь забыть. Думаешь, ты один такой умный? Я имею в виду — сумевший выйти из боя и добраться до своих? Нееееет, парень, есть у нас уникамы и помимо тебя. Крейсер — понятно. А как тебе понравится обыкновенная гражданская яхта?

— Яхта?! — Лялин не верил своим ушам.

— Яхта, яхта. Ушли из Пространства Лордан от таких же вот гавриков. Как — вопрос сугубый. Отстрелялись, сманеврировали и дали деру. Смылись. Нагло.

Борзые, черти — пробы негде ставить. Уже сидя на векторе, сбросили орудийные секции, одной из них сбили с курса перехватчик и сделали противнику ручкой. Короче, так.

Министр сделал еще один круг по кабинету, остановился напротив Лялина и тяжело вздохнул.

— Отставку твою я не принимаю, даже не мечтай. Собирай своих, кто уцелел, и дуйте на базу «Титов». По прибытии поступите в распоряжение тактического координатора — предписание получишь у моего адъютанта. И знаешь... если ты максимум через сутки по прибытии на место не будешь мечтать о трибунале, как о манне небесной, значит, я вообще ничего в людях не понимаю.

* * *

Князь Цинцадзе был мрачен, и его угрюмое настроение не имело, как ему казалось, ничего общего с тем, что он не выспался. Плохо. Очень плохо. Данных катастрофически не хватает. Даже с учетом той информации, которую доставила, в очередной раз сунувшись в самое пекло, его крестная внучка. Маша, конечно, молодчина, кто бы спорил. Но именно в свете добытых ею сведений смерть Энрике Маркеса во время допроса, произошедшая несколько недель назад, выглядит совсем уж скверно. Кого они вообще набирают в свою Службу безопасности, эти мексиканцы? Разумеется, блок был поставлен на редкость качественно, но... не умеете сами — пригласите тех, кто умеет. Потому что без специалиста — не рыпайся! А мастерски оборванные концы на Орлане? Черт знает, что такое... Не будь все упомянутое вражеской работой, впору восхититься. Жаль только, действия возглавляемой Цинцадзе службы восхищения в данный момент не заслуживали вовсе.

Ираклий Давидович прошелся по кабинету, вернулся к своему креслу и окинул хмурым взглядом сидящих за столом офицеров. Совещание началось около часа назад, и чернота за окном постепенно уступала место серой мути рассвета.

— И что же мы знаем о компании «Гекатонхейр»? Фокин?

— Компания «Гекатонхейр» является самым крупным и авторитетным рекрутинговым агентством Лиги Свободных Планет, — поднялся на ноги сухопарый блондин со светлыми, почти бесцветными глазами. — Быть нанятым через «Гекатонхейр», пусть даже один раз — весьма престижно. Попадание человека в поле зрения рекрутеров «Гекатонхейра» означает, что резюме соискателя в дальнейшем будет рассматриваться в первоочередном порядке. В частности, к услугам именно этой компании обратилась вдовствующая императрица Лин Юань при найме капитана Гамильтон и ее экипажа, — Фокин выразительно посмотрел на шефа. Тот кивнул. — Коротко говоря — хедхантеры. Охотники за головами. До сего момента особенного внимания нашей Службы не привлекали.

Цинцадзе поморщился.

— Не привлекали, говорите. А ведь зря не привлекали. Да-с. Ох, зря. Какое шикарное прикрытие...

— Прикажете заняться разработкой?

— А что, вы еще не начали?!

Мэри безуспешно пыталась согнать с лица хитрую улыбочку. Интересно, как Никитаотреагировал на то, что завтрак был накрыт на две персоны? Спросить?

Ну нет, это... ммм... неспортивно, так, кажется, принято выражаться на Кремле?! И каменные лица экономки и дворецкого, с самым бесстрастным видом подавших сначала бушлаты, а потом фуражки и перчатки... Будет, что вспомнить потом, когда невозмутимость обслуживающего персонала уже не будет востребована. Или она будет востребована всегда? Поди разберись!

Она повернулась к своему спутнику и встретила его взгляд, одновременно нежный и немного насмешливый. Нежность — это хорошо, это правильно, а вот насмешка...

— Воротник поправь, — промурлыкала Мэри, и правая рука Корсакова, как и было задумано, потянулась к воротнику бушлата. — Когда доберемся, — закончила она. Никита шутливо зарычал. Еще перед завтраком они обнаружили, что головой ему лучше не крутить, потому что в противном случае недвусмысленный отпечаток зубов на шее становится чересчур заметен. Он потянулся было к Мэри — в его распоряжении имелся безотказный способ стереть с ее лица это выражение показной невинности. Но, к сожалению, времени даже на короткий поцелуй у них не осталось — машина приземлилась у дворцовой ограды.

Этот визит Мэри во дворец разительно отличался от предыдущих, и она порадовалась тому, что решила вылететь загодя. Охрана была усилена в разы. Проверка, сходная с той, которой экипаж «Джокера» подвергся в окрестностях крепости «Цербер-2», проводилась непосредственно перед воротами. При этом осуществлявший ее офицер сразу предупредил, что это только первый этап. Мэри мысленно пожала плечами: если возврат к прежнему порядку теоретически и был возможен, то явно не в ближайшем будущем. Что ж, это правильно. Рисковать сейчас нельзя, неуместное проявление доверия может отлиться такими слезами, что...

Зал заседаний Государственного Совета быстро заполнялся. Места явно были перераспределены: многие из собравшихся, подойдя к привычному креслу, видели перед ним на столе табличку с другим именем. Впрочем, молчаливые служащие быстро указывали вновь прибывшим, куда им следует пройти. Никите с Мэри пришлось разделиться — ее почтительно препроводили к креслу слева от того, которое предстояло занять Константину. Пожалуй, определенный смысл в этом имелся, как-никак ее должность офицера для особых поручений обязывала находиться поблизости от непосредственного начальства.

А вот и само начальство... ого! Таким злым она Константина еще не видела. Великий князь вошел в зал, заложив руки за спину и кивая на ходу чему-то, что говорил ему министр обороны. Добравшийся до своего кресла регент коротко приветствовал собравшихся, предложил им сесть, но сам остался на ногах. Помолчал.

— Дамы и господа! Еще вчера я полагал, что на сегодняшнем заседании вам предстоит услышать одну хорошую новость и одну плохую. Хорошая состоит в том, что нам удалось узнать, пусть и очень приблизительно, кто стоит за покушением на его величество. Идет ли речь только о находящейся на поверхности голове чудовища, или же о чудовище целиком, в данный момент самый пристальный интерес вызывает компания «Гекатонхейр». Следует помнить, что сведения были получены нами только вчера. Служба безопасности работает, — князь Цинцадзе склонил голову, — и рано или поздно мы доберемся до них. Однако плохих новостей, увы, две, хотя они и связаны друг с другом и боюсь, с хорошей новостью тоже. Многие из вас, вероятно, в курсе того, что небезызвестное Пространство Лордан было атаковано кораблями не идентифицированной принадлежности. В момент атаки в Пространстве находилась капитан второго ранга Мария Сазонова, — сухой кивок в сторону сидящей слева Мэри, — выполнявшая там мое поручение. Она смогла не только добраться до Кремля, но и доставить запись произошедшего, которую я и намеревался продемонстрировать вам. Но около трех часов назад граф Селиверстов, — министр обороны привстал и поклонился, — сообщил мне о еще одном боевом столкновении с уже упомянутым противником. На сей раз нападению подверглась «Нахимовская» эскадра, осуществлявшая патрулирование в системе Сфинкс. Уцелеть удалось только крейсеру

«Адмирал Чичагов», командир которого получил приказ выйти из боя, чтобы обеспечить Империю необходимой информации. По моему указанию записи были скомпилированы и сокращены, чтобы у нас имелась возможность сразу уловить суть и масштабы инцидентов. Итак, смотрите.

Константин сел, а на огромных экранах возникла панорама боя в Пространстве Лордан. Эта часть интересовала Мэри не слишком — кроме того, что она являлась непосредственной участницей столкновения, у нее было некоторое время для анализа, пока «Джокер» находился в подпространстве. Но вот дальше... Мать честная... Она подалась вперед, до рези в глазах всматриваясь в экран и не замечая, что тихонько цедит сквозь зубы на кельтике излюбленные перлы Рори О'Нила. Нервы у нее были довольно крепкие, как пилоту и положено. Но ей стоило немалого труда отрешиться от происходящего на экране и видеть в нем только источник необходимой информации. Это был не бой, это было избиение. Впрочем, ругалась не только она. Входящие в состав Советов военные, забывшие, должно быть, о присутствии в зале женщин, были многословны и весьма изобретательны.

Наконец показ завершился. Константин встал, и тут же установилась мертвая тишина.

— Думаю, — медленно проговорил он, — все здесь собравшиеся согласятся с тем, что мы не можем оставить это безобразие без ответа. Вопрос лишь в том, что именно мы можем предпринять для того, чтобы... хм... не оставить. Ваши предложения?

Предложения у собравшихся были. Беда, с точки зрения Мэри, состояла в том, что большая часть упомянутых предложений носила исключительно эмоциональный характер, а вот реализуемых с практической точки зрения решений почти не наблюдалось. Сама она пока предпочитала помалкивать. Ей было что сказать, но субординация есть субординация. Да и Ираклий Давидович тоже молчит, только время от времени поглядывает в ее сторону. Так, кажется, эмоции начали сходиться на нет. Ну что ж...

— Мария Александровна! — негромко обратился к ней Константин. — А вы что скажете? Из всех присутствующих только вы сталкивались с нашим противником лично. Ваше мнение?

— Я полагаю, господа, — поднялась на ноги Мэри, — что вопрос «Что делать?» имеет однозначный ответ «Бить!», но при этом порождает другие вопросы. А именно: где бить? Когда бить? Как бить? С каким количеством кораблей неприятеля мы можем столкнуться в процессе? В сущности, от того, правильно ли мы ответим на последний вопрос, зависят ответы на предыдущие. Однако, с моей точки зрения, искать эти самые ответы следует не Государственному Совету, и не Регентскому, а Военному, если его высочество сочтет нужным созвать таковой.

Полчаса спустя в зале остались только военные и князь Цинцадзе, который уже давно военным не был, но не раз и не два за свою долгую карьеру отдавал им приказы. Служащие принесли легкие закуски, дополнившие стоящие на столе бутылки с водой, и исчезли.

Селиверстов откашлялся.

— Хороший анализ, Мария Александровна. По полочкам разложили. Но я пока не представляю себе, как ответить на ваш последний вопрос. Не только я, но и большинство присутствующих в этом зале до недавнего времени слыхом не слыхивали ни о какой компании «Гекатонхейр» — если принять за вводную предположение, что и покушение на его величество, и эти монстры — дело одних и тех же рук.

— Вводная вполне имеет право на существование, — согласилась Мэри. — Не думаю, что у Империи имеется два врага такой силы и изобретательности, никак не связанных между собой. Что ж, давайте прикинем, сколько. Разумеется, оценка будет весьма приблизительной, но если исходить из худшего варианта...

— И как же вы, Мария Александровна, предлагаете прикидывать? — в голосе Цинцадзе не было насмешки, только угрюмое любопытство.

— По броне. Вариатив — орланский? Князь кивнул.

— Содержание вариатива в броне известно. Разумеется, никто не может сейчас

утверждать, что нашими противниками использовался только вариатив, вывезенный с Орлана: два инцидента не дают достаточно сведений для качественной выборки. Однако это уже задача для аналитиков — выяснить, все ли нам известно об использовании вариатива, добытого не на Орлане. Если не все, если будут обрубленные концы — смело плюсуйте его к тому, который добывали на Черном Кряже. Лучше переоценить опасность, чем недооценить ее.

Мэри налила себе воды, сделала несколько глотков и продолжила:

— Мои приключения в Пространстве Лордан мало что могут сказать о толщине брони крупных кораблей, используемых неприятелем. С этой точки зрения информация, доставленная «Адмиралом Чичаговым», бесценна. Из записи боя видно, куда попали, чем, с какого расстояния и какие повреждения удалось нанести. Сколько малых кораблей несет на себе корабль-матка, прикинуть тоже можно. Вот вам и пространство для размышлений.

Цинцадзе уже отдавал указания в коммуникатор. Темные глаза его, как с удовлетворением отметила Мэри, горели хищным азартом.

— Теперь — где бить. Думаю, рано или поздно они явятся на Орлан, и скорее рано. Действия там Метрополии перекрыли канал поставки, а броня нужна всем и всегда, в особенности если речь идет о наступательной войне. Вполне возможен также вариант собаки на сене: самим не достанется, так и Империя не получит. Когда бить? Когда припрутся. Хотя, как по мне — чем раньше они это сделают, тем лучше. Тут и спровоцировать не грех, хотя как это сделать, я не знаю. Впрочем, тут Ираклию Давидовичу и карты в руки, дезинформация, а также провокации и манипуляции на ее основе относятся к епархии СБ.

За столом поднялся было шум, но тут же прекратился, когда заговорил Константин.

— Чем раньше, тем лучше? Боюсь, Мария Александровна, я не вполне понял вашу мысль. Заставляя неприятеля выступить в кратчайшие сроки, мы лишаем себя времени на подготовку.

— Не только себя, — покачала головой Мэри. — Их — тоже. Поймите, сейчас мы имеем дело с новичками, по крайней мере, для меня это очевидно. Крупными кораблями управляют «Доуэли» или что-то вроде них, я слышала их во время боя. И пока они еще не очень понимают, как надо драться. Знания у них есть, а вот опыта не хватает. Но новичками они будут не всегда. — Она помолчала. — Аналогии коварны, но одну я все-таки приведу. Я совершенно не умею готовить, хотя выучить рецепт... ну, допустим, кулебяки... никакого труда не составит. И что же, по-вашему, в первый раз выйдет из-под моих рук?

Мужчины рассмеялись. Мэри подождала, пока веселье утихнет, и продолжила:

— А во второй? А в десятый? А в сотый? Вы действительно хотите попробовать ту кулебяку, которая получится, когда они, в конце концов, научатся печь?

Константин окинул повеселевшим взглядом внезапно ставших очень серьезными людей и негромко, но предельно ехидно осведомился:

— А скажите-ка мне, господа адмиралы, здесь еще остались те, кто по-прежнему считает, что чин капитана второго ранга для не служившей в действующих имперских частях уроженки Свободной планеты — это чересчур?

Двое или трое мужчин отводили взгляды. Снова встал Селиверстов.

— Я признаю свою ошибку, ваше высочество и хочу принести Марии Александровне самые искренние извинения. Я был неправ, госпожа капитан второго ранга.

— Благодарю вас, выше высокопревосходительство, — церемонно поклонилась Мэри.

— Ну что ж, — подвел итог регент, — остался нерассмотренным только вопрос «как бить?». Какие будут идеи?

Идей было много. Мэри приятно удивило то, что высказанное ею предположение о необходимости навязать бой противнику в окрестностях Орлана, было принято за исходную точку в обсуждении. Однако сама предлагаемая тактика ей не нравилась. В сущности, рассматривался в различных модификациях исключительно вариант концентрации крупных сил, способных не только успешно обороняться, но и нападать. И все бы ничего, но ей не

давала покоя мысль о том, что она могла ошибиться в своих предположениях. Собрать большое соединение кораблей у Орлана и оголить другие участки? А если не клонут? Или сделают вид, что клонули, и нанесут удар где-то еще? Что вообще известно об этой, столь внезапно возникшей, угрозе, помимо того, что у противника имеется сильный и весьма оригинально скомпонованный флот? Кстати, об оригинальной компоновке. «Доуэли». Допустим. Что станет с автоматическими штурмовиками, если мозг перестанет отдавать команды бортовым компьютерам? Бесплезные куски металла, не более того. Тогда...

Не принимающий пока участия в обсуждении Корсаков пристально наблюдал за своей нареченной. Ему уже доводилось видеть этот остановившийся взгляд и пальцы, скользящие по невидимой клавиатуре. Вот она откинулась на спинку кресла... слегка обмякла... правая рука машинально потеряла крест на виске... губы скривились в злой пародии на улыбку... Никита поймал взгляд великого князя и подбородком указал на Мэри. Константин развернулся к ней, взгляделся, снова посмотрел на Корсакова и понимающе кивнул. Этот безмолвный обмен мнениями не остался незамеченным. Голоса стихли и теперь уже все смотрели на находящуюся где-то очень далеко графиню Сазонову. Минута... другая... наконец она встряхнулась, выпрямилась и огляделась вокруг.

— Прошу прощения, господа. Я немного задумалась.

— Мы заметили это, графиня, — улыбнулся Константин, — и надеемся, что вы поделитесь с нами результатами ваших размышлений.

— Результаты... до результатов еще далеко, ваше высочество. Но кое-какие прикидки у меня есть. Правда, моя идея довольно рискованная и весьма затратная, но, возможно, она имеет право на существование, — она слегка пожала плечами. — Надеюсь, вы извините меня, господа, но мне показался несколько странным тот факт, что при составлении плана кампании вы совершенно не учитываете наличие у Империи такого союзника, как Бельтайн. Да, моя родная планета не может предоставить вам флот крупных кораблей, но для того, что пришло мне в голову, нужны именно корветы. Корветы, часть экипажей которых будет набрана из резервистов. Профессор Эренбург предположил, что изменения в гормональном балансе отставных пилотов улучшают их ментальные способности. Если это действительно так, а проверить большого труда не составит...

— Каким образом? — прервал ее Селиверстов.

— Мои девчонки на «Титове». Если та же Дина Роджерс их услышит... кстати, надо бы спросить моего второго пилота, как с этим обстоит у нее, не успели выяснить до отлета на Лордан... если услышит, значит, я не одна такая, а это уже шанс. Шанс подавить управляющий кораблем-маткой мозг, взять его под контроль, отключить или, чем черт не шутит, попробовать договориться. Впрочем, последний пункт — это уже чистой воды прожекторство. Хотя...

Мэри, прищурившись, смотрела вверх голов. Взгляд опять стал отсутствующим. Сидящие за столом мужчины снова начали тихонько переговариваться, обсуждая предложенный вариант.

— Дальше так, — продолжила Мэри, и все повернулись к ней. — Минные заграждения — хорошая мысль, прекрасная мысль, и ее надо будет осуществить. Перекрыть зону перехода полностью. Хорошо бы использовать что-то вроде «Спящих красавиц»... не знаю, как они называются здесь, это...

— Я вас понял, капитан, — отозвался Селиверстов. — Думаю, имеет смысл начать прямо сейчас. И не только вблизи Орлана. Конечно, несколько нарушится торговля, но нам сейчас не до того. Да и вообще планеты надо прикрыть поплотнее.

Мэри дождалась, пока он отдаст распоряжения, и снова заговорила.

— Эскадра «Гнев Господень» — тоже неплохо, но не в первой фазе боя. Судя по тому, что продемонстрировали доставленные «Чичаговым» записи, наши противники воспринимают большие корабли, как мишень. И чем крупнее мишень, тем им удобнее. С чувством самосохранения там совсем плохо, а вы не хуже меня знаете, сколько неприятностей может доставить камикадзе. Изначально, как мне кажется, надо, чтобы пара

экспедиционных эскадр — при поддержке полного «Хеопса» и моих малышей — выставились, как в тире. Минзаги притормозят наших оппонентов, крейсера и эсминцы свяжут их боем. Тем временем бельтайнцы попробуют нейтрализовать управление неприятеля. Если это удастся сделать без заметных потерь с нашей стороны — прекрасно. Если же нет, то в игру вступит, скажем, «Десница», до поры до времени прячущаяся за Кобчиком. Да, и кстати. Надо бы запастись достаточным количеством скаутов, несущих помимо прочего оборудования, маяки перехода. Вдруг какой-нибудь из кораблей противника попробует удрать? Нам ведь надо знать, куда именно явиться с ответным визитом. Как же без ответного визита? Согласитесь, — она оскалилась, сделавшись похожей на хищного зверя, — этого требует простая вежливость!

База «Титов» была целиком и полностью предоставлена в распоряжение русских эскадр и бельтайнских корветов, проводящих бесконечные тренировки на взаимодействие. Крейсера и эсминцы спешно переоборудовали, заменяя десантные подразделения штурмовыми. Но делать это взмыленные техники могли только в те часы, которые не были заняты учениями в космосе.

Мэри вертелась как белка в колесе, пытаясь находиться в дюжине мест одновременно. Новенький корабль, предоставленный ей взамен оставленного в доках «Джокера», следовало хорошенько облетать. Не мудрствуя лукаво, она назвала его «Ника» в честь древней богини победы, но чтобы одержать победу (и даже просто дожить до нее), ее требовалось организовать. Экипаж яхты, временно принятый на имперскую службу, по мере сил помогал ей, но дел было куда больше, чем времени.

Впрочем, были моменты, когда она искренне считала увеличение нагрузки более чем полезным. К таковым, в частности, относился прилет на «Титов» уцелевших офицеров с «Адмирала Чичагова».

Первая встреча состоялась в тактическом классе. Мэри примчалась туда, едва успев переодеться: ей сообщили о прибытии пополнения, когда она была на вылете. Полтора десятка хмурых лиц, обернувшихся к дверям, казались странно одинаковыми, и только несколько минут спустя она сообразила, что роднят их не черты, а выражение. Начинать разговор в намерения вновь прибывших совершенно очевидно не входило.

— Капитан второго ранга Мария Сазонова. Добрый... эээ... что, уже вечер? Тогда — добрый вечер, господа. Будучи тактическим координатором предстоящей операции, я рада, что и помимо меня нашелся кто-то, кто может связно рассказать о тактике, применяемой нашими заклятыми друзьями.

— Капитан первого ранга Андрей Лялин, — бросил руку к виску командир «Чичагова». — Так это вы управляли гражданской яхтой, ушедшей из Пространства Лордан?

— Я. Редкое было веселье, господа, поверьте. На честном слове выкарабкались. Однако — к делу. Вы готовы прокомментировать запись?

— Готовы, — процедил Лялин. — Только... я надеюсь, вы извините нас в случае чего. Разумеется, мы постараемся следить за речью, но...

— Не старайтесь. Вряд ли я услышу что-то новое. А уж шокировать меня словами и вовсе давненько никому не удавалось. Если у вас получится... впрочем, это маловероятно. Приступим.

Следующие несколько часов Мэри запомнила с пятого на десятое. Нет, информация исправно откладывалась в предназначенном для ее накопления уголке мозга, но сам процесс... Запись вперед... назад... остановить... вернуться к предыдущему участку... Да-да, господин капитан первого ранга, я вижу. С радостью, Андрей Максимович, но, согласитесь, не могла же я первой предложить общение без чинов старшему по званию? Так, угу... вы правы. А вот это уже интересно. С чего бы, не понимаю... Что?!

Мэри резко развернулась на каблуках и уставилась на совсем молодого капитана третьего ранга... как же его? Ах да, Егор Грызлов.

— Повторите, Егор, что вы сказали? Худощавый, невысокий, жилистый Грызлов как

будто стал выше ростом и заметно прибавил в объеме. На покрасневшем остроносом лице возникло выражение непримиримого упрямства.

— Я сказал, что слышал во время боя чужие голоса. И когда одного такого я послал хорошим флотским загибом, он, по-моему, растерялся, а преследовавший нас корабль притормозил. Да, Андрей Максимович, я псих, это я уже слышал, пусть так. Но я говорю, как было, а было — как говорю.

Скрестив руки на груди, Мэри обошла вокруг застывшего Грызлова, рассматривая его, как диковинку, выставленную в Галактическом зоопарке Свенсона.

— Нееет, сударь, должна вас обрадовать — а может, и разочаровать — вы не псих. Вы — уникам. Голоса, говорите? Еще немного, и психом, причем законченным, стану я. Мужчина? Да еще и не бельтайнец? Невероятно... откуда вы родом?

— С Голубики... — пробормотал растерявшийся кап-три. Остальные молчали, глядя на Мэри во все глаза.

— Черт возьми... до сих пор считалось, что... И вы слышали? Действительно, слышали? С ума можно сойти... Так, перевожу вас в резерв командования, это не обсуждается. О том, что именно вы слышали, поговорим позже. Сейчас я мало на что гожусь. Совсем уже котелок не варит, устала как собака.

Она с силой провела ладонями по лицу, потерла виски и вдруг усмехнулась.

— А вы молодец, Грызлов. И, кстати, я не вижу ничего удивительного в реакции мозга, управляющего кораблем-маткой. Думается мне, его до вас никто и никогда качественно не посылал!

Мэри еще раз прошлась по классу, покачивая головой и что-то бормоча себе под нос. Остановилась. Потянулась, разминая усталые мышцы.

— На сегодня все. Отдыхайте, господа.

Она коротко поклонилась и направилась к выходу. Глядящий ей вслед Грызлов вдруг произнес, отвечая на вопрос, которого, похоже, никто, кроме него, не слышал:

— В любое удобное для вас вре... что?!

Уже подошедшая к дверям Мэри обернулась и подмигнула:

— Небольшая проверка, Егор. Вы не псих и, думаю, никогда им не будете, даже если и захотите!

Собственно, новых корветов было шестнадцать. Бельтайн предоставил в распоряжение Империи двадцать пять действующих экипажей и еще пятнадцать, команды которых составляли отобранные Мэри резервисты. Проверка показала, что профессор Эренбург не ошибся в своих предположениях, и тридцать пилотов пахали как проклятые, учась брать под контроль объект «Доуэль». Этот последний имелся, к сожалению, в единственном экземпляре — тот самый, который Мэри достала с морского дна — и «работал» круглые сутки. Порой ей было искренне жаль несчастное... существо?.., но выбора не было.

С экипажами, впрочем, хватало проблем и помимо тренировок. В первый же день одна из прибывших действующих пилотов спросила Мэри, как ей нравится быть «адмиральской подстилкой». Ответ пришлось тщательно дозировать таким образом, чтобы и свою точку зрения до Тары Донован донести, и не вывести ее из строя надолго. Однако помимо этого инцидента, который Мэри, в отличие от Никиты, считала скорее забавным, был еще один аспект, тревожащий ее. Одномоментное прибытие на «Титов» почти сотни очень красивых женщин произвело эффект разорвавшейся бомбы, и Мэри скрепя сердце была вынуждена снова проводить вводный инструктаж.

— Господа, — обратилась она к собравшимся в рекреационной зоне русским офицерам. Время было выбрано ею так, чтобы все бельтайнские экипажи были в разгоне. — У меня сложилось впечатление, что некоторые моменты нуждаются в освещении. Причем немедленно, пока не случилось беды. Прошу вас не перебивать меня. Я намерена говорить о действительно очень важных вещах. Сначала — немного истории. Когда я была подростком, меня некоторое время всерьез занимал вопрос, почему судьба моей матери сложилась так, а

не иначе. Потом стало как-то не до того, но... Сравнительно недавно я поняла, в чем заключалась причина, по которой она забыла об осторожности. Есть в русских офицерах что-то, смертельно — именно смертельно — привлекательное для бельтайнок, — горькая усмешка на секунду искривила ее губы. Окружающие молчали.

— Да, мать я поняла, но вот действия отца... До недавнего времени я никак не могла взять в толк, почему он поступил так, как поступил. Он что же, не понимал, чем может закончиться их роман для женщины, которую, как утверждал, он любил? Увы, господа, пару недель назад я сообразила, в чем дело. Империя до сегодняшнего момента никогда не нанимала бельтайнские экипажи. Вы попросту не в курсе того, что знает на Свободных планетах каждая портовая крыса.

Щеки Мэри слегка порозовели, неуверенная улыбка сделала лицо беззащитным, и оно снова отвердело, превращаясь в лик статуи.

— Я в затруднении, господа. Я смущена и растеряна. То, что я скажу сейчас, считается вещью общеизвестной. И уж во всяком случае, никогда не предполагалось, что женщина будет говорить на эту тему с мужчинами. Но я вынуждена. Итак, поговорим о том, что известно всей обитаемой Галактике, но, похоже, неизвестно русским.

Мэри снова осмотрелась. Со всех сторон ее окружали внимательные, сосредоточенные лица.

— На Бельтайне считается, что по-настоящему хорошо могут летать только девушки. Не женщины. Мне надо объяснять присутствующим физиологическую разницу между понятиями? Нет? Благодарю. К сожалению, это не предрассудок, в чем я имела возможность убедиться во время боя при Кортесе и своей последней вылазки в Пространство Лордан. Оставим сейчас в стороне параграф Устава бельтайнских ВКС, предусматривающий позорную отставку для сорвавшейся с нарезки дурочки. Хотя судьба некоей Алтеи Гамильтон, всеми презираемой парии, оказавшейся на тверди без пенсии и погон, зато с ребенком, которого надо было поднимать в одиночку, весьма показательна в этом плане.

Она покосилась влево, поймала сочувственный взгляд Корсакова и едва заметно кивнула.

— Однако до отставки, пусть даже позорной, надо еще дожить. Дожить, не зная, как призвать к порядку пошедший вразнос организм. Женщины действительно летают хуже, во всяком случае — поначалу. Боевые коктейли действуют по-другому. Нарушается координация, снижается скорость реакции. Послать в сражение девочку, только что ставшую женщиной — это все равно, что отправить ягненка на бойню.

Она невесело усмехнулась. Судя по всему, ее слушателей по-настоящему проняло.

— Господа, я прошу вас, я очень вас прошу: ограничьте свои донжуанские поползновения экипажами с первого по пятнадцатый. Не усложняйте мне задачу. Нам всем и так несладко придется в предстоящей операции. Многие бельтайнки погибнут. Так пусть, черт побери, они погибнут не из-за вас!

Поздно ночью, лежа рядом с Никитой, Мэри снова и снова прокручивала в голове то, что сказала сегодня своим русским коллегам. Права ли она была? Кто она вообще такая, чтобы решать за других, что им следует делать, а что нет? Пока речь шла о ее девчонках... но тут-то взрослые люди...

Корсаков пошевелился, переворачиваясь на бок. Видеть его в темноте Мэри не могла, но без тени сомнения была уверена в том, что он смотрит на нее.

— Слушай, а это правда? — негромко спросил Никита.

— Что именно?

— Что ты летаешь хуже, чем раньше?

— Чистая правда, — вздохнула Мэри. — Существенно хуже. Хотя, думается мне, и получше многих. Проблема в том, что чужой уровень не является мерилom для меня.

Корсаков помолчал и вдруг выпалил:

— Мне это не нравится!

— Думаешь, мне нравится? Да только мое мнение не имеет сейчас никакого значения. Это просто реальность, и мне надо как-то уживаться с этой реальностью. Вот и все.

Никита подтянул одеяло повыше, укутывая Мэри. Почему-то ему казалось, что она мерзнет. А может быть, и не казалось. В голове вертелась мысль, которую он не решался озвучить. Должно быть, Мэри почувствовала это, потому что, безошибочно найдя во мраке его нос, она слегка потянула за него и насмешливо приказала:

— Ты уж договаривай, мужик! Тебе ведь есть что сказать, не отпирайся.

— Не буду. Мэри, я намерен подать рапорт. Рапорт о твоём отстранении с должности тактического координатора на время проведения предстоящей операции.

— Что-о?! — Мэри вывернулась из его объятий и уселась на кровати, скрестив ноги. — Никита, ты хоть понимаешь, что ты говоришь?!

— Да я-то понимаю! — Корсаков начал заводиться. — В этом сражении нам понадобятся все силы и все умения. И если уровень мастерства тактического координатора будет хуже того, который я имел удовольствие наблюдать за полчаса до нашего знакомства, вся эта затея обречена на провал!

Он говорил что-то еще и с ужасом чувствовал, как между ним и его женщиной вырастает стена отчуждения. Мэри молчала, даже не пытаясь вставить слово. Потом вдруг встала и начала одеваться. Лучше бы он ударил ее. Действительно лучше. Мэри не понаслышке знала, что такое свернутая челюсть, и, если память ей не изменяла, по сравнению со сказанным Никитой это было совсем не больно. Она не могла больше находиться здесь, рядом с человеком, который одними только словами избил ее сильнее, чем тот, на Орлане.

— Ты куда? — тихо, безнадежно, уже зная ответ, спросил Никита.

— К себе. Мне надо подумать. Не над твоими словами, нет. Тут думать не о чем. Подавай рапорт, делай что хочешь, отстранят — так отстранят. Да и тебе тоже не помешает поразмыслить.

— О чем?

— Например, о том, как, в случае моего отстранения, ты будешь отправлять меня на Кремль. Под конвоем? — по-другому ведь не получится, можешь не сомневаться. Или о том, кто меня заменит. Сам же говорил на Совете, когда предлагал в качестве эскадр приманки «Александровскую» и «Андреевскую», что они подходят лучше всего потому, что видели, как я дерусь, и ни у кого не возникнет сомнения в моем праве отдавать приказы. Хотя да... — голос Мэри внезапно пропитался сиропом, таким сладким, что казалось — он разъедает слух, как кислота разъедает железо.

— Дину Роджерс «александровцы» тоже видели... пусть не в драке, но рядом с ней, авось прокатит... согласна, этот вопрос снимается. Правда, «Хеопс» никто из действующих капитанов не удержит, а мои девочки и вовсе не смогут работать с кем-то другим... Да, конечно, есть еще Элис, ее они воспримут как командира... может быть... но она тоже — вот беда! — находится не в лучшей форме... все силы и умения, говоришь?!

Она дошла до двери, протянула руку к сенсору, постояла и все-таки обернулась.

— Да, и еще. Однажды ты сказал мне, что те, кто не умеет так летать, как летала я до встречи с тобой, — дурнушки. Уверен, что тебе такая нужна, адмирал?

Глава 16

Профессор Эренбург расхаживал по своему кабинету, заложив руки за спину и слегка кланяясь на каждом шагу. Высокий, худой, нескладный, похожий на старого журавля, он выглядел бы забавно, если бы в том, что он говорил, было хоть что-то веселое или хотя бы обнадеживающее.

— На данном этапе мы бессильны. Разумеется, система искусственного поддержания жизнедеятельности может работать сколь угодно долго, но перспективы...

— Что говорят ваши бельтайнские коллеги? — глухо спросил князь Цинцадзе.

Эренбург остановился на мгновение, вскинул было голову, потом пренебрежительно махнул рукой и снова принялся мерить шагами кабинет.

— А что они могут сказать? На родине Марии Александровны с такими, как она, не церемонятся. Даже в том случае, если пострадавший пилот тем или иным способом добирается до этой самой родины. Варвары... вы читали их Устав, ваша светлость?

— Читал, — буркнул Цинцадзе, пристраивая подбородок на сцепленные пальцы рук, локти которых опирались о стол. Фарфорово-бледное лицо на экране перед ним было неподвижным и безжизненным, даже жилка на виске не билась. — Вы правы, варварство... неужели ничего нельзя сделать?

Профессор присел за стол напротив князя и кивнул на бутылку коньяку. Ираклий Давидович покачал головой, и тогда старый нейрофизиолог, слегка пожав плечами, налил себе одному. Отпил глоток. Поморщился.

— Единственное, что с гарантией прекратит действие импланта — его извлечение. Но это ведь не нашлапка на затылке и не паутина, лежащая на мозге под костями черепа, во всяком случае, когда речь идет о давней имплантации. Тариссит встраивается в мозг, пронизывает его во всех направлениях, — Эренбург сокрушенно покачал головой. — В случае графини мы имеем положение, обратное тому, которое сложилось после покушения на его величество. Там пострадало тело, получившее повреждения, несовместимые с жизнью. Но мозг уцелел, максимум через год клон дорастет до нужного размера, затем сравнительно простая операция — и Георгий Михайлович снова будет с нами. А ее сиятельство... — Николай Эрикович дернул уголком рта и скрестил руки на груди.

— С телом полный порядок, если не считать того, что мозг не желает иметь с ним — и с окружающей действительностью — ничего общего. Но именно это его нежелание портит всю картину. Извлекать имплант нельзя, это сделает мозг нежизнеспособным. И я пока не вижу способа как-либо переломить ситуацию. Остается только ждать. Ждать и надеяться на то, что в какой-то момент дуплексные связи восстановятся. Вот только когда и в каком объеме это произойдет... если произойдет. Правда, следует принимать во внимание тот факт, что графиня — не вполне бельтайнка по происхождению. Не исключено, что ее смешанная кровь сыграет в данном случае положительную роль. Не говоря уж о том, что ее способность к регенерации, хоть и понизившаяся по сравнению с изначальными показателями, все-таки существенно выше общепринятой нормы. Так что перспективы восстановления функций есть. Но сколько времени на это потребуется... Самый долгий бельтайнский эксперимент по поддержанию жизни «сгоревшего» пилота занял около четырех лет. Потом систему просто отключили. Нерентабельно-с.

Эренбург поднялся на ноги, подошел к окну и некоторое время смотрел на снег, падавший уже второй час и превращавший окружающий клинику парк в зимнюю сказку. Такая мирная картина... и такая неуместная сейчас. Он снова повернулся к своему собеседнику.

— Зачем что-то предпринимать, что-то искать, проводить исследования, если можно просто вырастить нового пилота? Зачем, если даже сорок — вы только вдумайтесь, ваша светлость, сорок! — процентов отсева при имплантации считаются у них вполне приемлемыми потерями. Вот когда было шестьдесят — тогда да, они суежились. А сорок — это нормально... дикари!

Цинцадзе тоже встал, одернул пиджак, суховато улыбнулся.

— Спасибо за консультацию, профессор. Что ж... будем ждать.

* * *

Выбранные в качестве наживки силы Империи переместились в систему Соколиный Глаз. Интенсивность тренировок постепенно снижалась: при всей своей придирчивости Мэри была вынуждена признать, что лучшее — враг хорошего. Конечно, нельзя было позволить людям расслабиться. С другой стороны — перетренируешь, перегорят, и что

дальше? Преподаватели кафедры командования Академии Свободных Планет на Картане недаром уделяли столько времени и внимания именно этому аспекту.

Последние трое суток Мэри занималась только со своей эскадрилей. С эскадрилей — и еще с Егором Грызловым. Парень ее просто потряс. Ментальные команды и мысленную речь он воспринимал даже лучше ее подопечных, а уж как управлялся с объектом «Доуэль»... причем в одиночку... И ведь мало того что мужчина, так еще и без импланта. У Мэри чесались руки попробовать, как будут воздействовать на его способности бельтайнские боевые коктейли, но она всякий раз одергивала себя. Неадаптированный организм, к тому же не защищенный тарисситом... нельзя.

Хорошо хоть вопрос с кораблем для Егора урегулировался неожиданно быстро и безболезненно. Вскоре после прибытия всех предполагаемых действующих лиц на «Титов» с Мэри встретила супруга Шерганова, Зоя Сергеевна. Заметно нервничая, дама спросила, как посмотрит ее сиятельство на то, что они с Дмитрием Олеговичем возьмут под опеку Ксению. Раз уж госпожа капитан второго ранга полагает, что после столь неприятных приключений девочке лучше не быть боевым пилотом... и Ксюша согласна... Мария Александровна, пожалуйста! Мэри не возражала. Такое развитие событий казалось ей оптимальным. Что уж греха таить: инструктор она, возможно, и неплохой, а вот воспитатель...

Так что Грызлов получил свой собственный корабль, и Мэри часами натаскивала его индивидуально и в группе. Если бы еще все остальные проблемы решались так же быстро... увы. Ее отношения с Корсаковым испортились, похоже, весьма капитально. На людях они демонстрировали подчеркнутую вежливость, по вопросам взаимодействия между кораблями трений не возникало, но обмануть ни себя, ни окружающих не получалось. И настороженное недоумение этих самых окружающих выводило Мэри из равновесия чуть ли не сильнее, чем сам факт ссоры.

Дело кончилось тем, что Элис, которая, как всякая счастливая в браке женщина, не выносила присутствия рядом с собой несчастных людей, решительно заявила к командиру. Дело было на борту «Александра», где расквартировали часть бельтайнских экипажей. Мэри, как тактическому координатору, выделили отдельную каюту, в которой она и проводила редко выдававшиеся свободные часы. Появляться в кают-компании без крайней необходимости она избегала.

— И долго это будет продолжаться?! — безапелляционно спросила с порога второй пилот. Мэри, сидевшая, по обыкновению, на койке, скрестив ноги и подложив подушку под спину, недовольно нахмурилась.

— Что именно, Элис?

— Вот это все! Нет, я понимаю, конечно, что вы с господином Корсаковым поругались. И я не спрашиваю о причинах, ты никогда и ничего на моей памяти не делала просто так. Но сколько ж можно?

— Элис, это совершенно не твое дело, — процедила Мэри, демонстративно разворачивая виртуальный дисплей.

— Не мое? Нееет, госпожа капитан второго ранга, — язвительно пропела Элис, — дело-то как раз мое. И всех тех, чьи жизни зависят от того, в каком настроении будут командующий соединением и тактический координатор, когда поведут их в бой.

Она присела на койку рядом с Мэри, положила руку ей на плечо и, сбавив тон, сочувственно проговорила:

— Насколько я тебя знаю, ты услышала какую-то обидную глупость. Или не глупость, но все равно очень обидную. И поскольку объясниться со своим мужчиной так же, как объяснилась с Донован, ты не можешь по определению, то в результате ты мрачно сидишь здесь, а он так же мрачно сидит у себя. Ну или в кают-компании, сути это не меняет.

Мэри повела плечом, сбрасывая руку Элис, но та решила не отступать.

— А теперь послушай, что я тебе скажу. Чем сильнее провинился мужчина, тем труднее ему признаться в этом даже самому себе. А уж пойти на примирение первым... так не бывает, Мэри. Поэтому мириться придется тебе.

— А ты-то откуда знаешь? — проворчала Мэри.

— Я замужем, командир, — ответила Элис, слегка пожав плечами.

Мириться... можно подумать, она умеет мириться! Она и ссориться-то не очень умеет. Дурацкое воспитание! Ладно, куда уж тут денешься, придется учиться на лету.

— Хорошо, — буркнула Мэри, вставая с койки. — Убедила. Брысь отсюда, мне надо переодеться.

Добраться до кают-компания Мэри удалось далеко не сразу. И дело было отнюдь не в попытке навести марафет, каковую она даже не стала предпринимать. Просто по дороге ее перехватил вызов от Грызлова, настоятельно попросившего командира заглянуть на одну из причальных палуб. Она пришла — и обомлела. На носу каждого из десяти занимавших палубу истребителей красовалась нанесенная лазерным резаком эмблема: буква «М» на фоне головы хищной птицы.

— Что это, Грызлов? — Мэри ткнула пальцем в сторону ближайшего корабля.

— Сапсан, госпожа капитан второго ранга. Вы ведь летали на истребителях с таким названием, а птицу что же, ни разу не видели? — Глаза Егора были посажены слишком глубоко для того, чтобы широко их раскрыть и невинно похлопать ресницами, но надо отдать ему должное, парень сделал все, что было в его силах.

— Я не про птицу, я про букву, — Мэри решила быть терпеливой.

— Да мы тут с девочками посовещались... «Александровская» эскадра есть, «Андреевская» — тоже... почему не быть «Мариинской» эскадрилье?

— А меня спросить вам в голову не пришло?

— А вы бы отказались, — усмехнулся Грызлов, под испепеляющим взглядом Мэри слегка попятился и резко посерьезнел: — Мария Александровна, не сердитесь на девчонок. Вы ж для них и царь, и Бог, и матушка родная. Фамилию вашу они принять не могут, ну хоть так...

— Небось и шевроны заготовили? — проворчала она, решив принять ситуацию как есть.

— Никак нет! Но я им подскажу, — Егор перевел дух и улыбался теперь открыто и спокойно.

— Вот что... — улыбнулась Мэри ему в ответ, — проводи-ка меня до кают-компания, хочу кое-что с тобой обсудить.

Убедить Грызлова принять общение на равных у нее пока не получилось. И получится ли — это еще вопрос. Во всяком случае, улавливаемые ею порой обрывки эмоций яснее ясного говорили о симпатии, явно выходящей за дружеские рамки. Вот ведь еще проблема на ее голову...

К облегчению Мэри, их появление осталось практически незамеченным. Впрочем, в этом не было ничего удивительного: в центре кают-компания стояли несколько бельтайнок и пели. Самое удивительное состояло в том, что солировала Тара Донован, остальные просто поддерживали ее своими голосами, без слов. Кто бы мог подумать, что эта циничная стерва может быть такой — отрешенной, погруженной в себя, словно полужакрытые бирюзовые глаза видят что-то, недоступное окружающим. Ее голос парил над обступившими ее людьми, обволакивал, звал куда-то вдаль...

— Что это, Мария Александровна? — прозвучал в ее голове голос Грызлова, который, узнав о своей способности к невербальному общению, старался всемерно эту способность развивать.

— Хираэт, — так же безмолвно ответила ему Мэри. — Это валлийский термин, довольно сложный для перевода. Как бы тебе объяснить... хираэт — это одновременно и тоска, и мольба, и мечта о несбыточном, и ожидание того, что никогда не случится... Память об ушедших, надежда на встречу, осознание того, что время никого не щадит... Бельтайнцы — своеобразный народ.

Девушки замолчали, и некоторое время в кают-компания царила замороженная тишина, внезапно взорвавшаяся аплодисментами. Мэри неопределенно хмыкнула. Ох уж эти русские

офицеры... научить краснеть Тару Донован — это, скажу я вам, высший класс! Между тем через окружившую бельтайнок небольшую толпу протолкался Георгий Танкаян с гитарой в руках. Чинно поклонившись, он заявил, что хотя кельтик знает весьма посредственно, но все же склонен полагать, что песня, которую он хотел бы исполнить, примерно о том же, о чем пела мисс Донован. Должно быть, русская часть собравшихся знала, о какой песне идет речь, потому что на лицах офицеров появились понимающие улыбки, тут же, впрочем, сменившиеся серьезным выражением. Георгий запел.

Даль — там, где солнцем играет река,
И небо коснулось земли слегка,
И новые сны нам несут облака.
Спи пока... Время уходит...

И каждая точка — дыра в иной мир,
И небо соткано из этих дыр,
Оно, будто белого голубя, Ждет тебя.
А время уходит...

И русские офицеры негромко подхватили припев:

Выбери любую из дальних звезд,
Ведь ты еще, наверное, не жил всерьез,
И о тебе никто еще не пел с такой тоской,
Милый мой...
Время уходит.

Боковым зрением Мэри уловила устремленный на нее взгляд Никиты, но, когда она повернула голову, он уже снова смотрел на Танкаяна.

Пусть весело бьется звериный мотор,
Подвластен крылу небывалый простор,
И море внизу будто лужица,
Кружится...
А время уходит...

Оно отдается сиреной в ушах,
И вдруг цепенеет от страха душа,
Но это всего только страх высоты,
Глупый ты...
Это время уходит...

Мэри вдруг подумала, что не так уж далеки их народы, как это принято считать. Все, о чем пел сейчас молодой программист, было понятно и знакомо ей с детства. Или это говорит в ней сейчас отцовская кровь?

Тебя укачает на звездной волне,
Ты будешь доволен судьбою вполне,
Пока вдруг тихонько не скрипнет дверь,
Ты мне верь...
Это время уходит.

И вдруг почернеет обычный рассвет,

И красными пятнами множество лет,
В которых ты спишь от зари до зари,
Ну так выбери,
А то время уходит¹.

Голос певца давно стих, а Мэри все стояла, пытаясь отдышаться. Время уходит... Да, верно. Время уходит и нельзя его терять. Она решительно встряхнулась и двинулась было к Никите, но тут ее словно обожгло. Она почти беззвучно ахнула и тут же закричала, перекрывая шум вокруг:

— У нас гости, все по мес...

Ее голос утонул в реве тревожных сирен. Все кинулись к выходу, спеша занять свои посты, и Никита уже почти проскочил мимо, но Мэри все-таки успела ухватить его за рукав.

— Береги свою голову, адмирал! — бросила она, судорожно пытаясь сообразить, что еще сказать ему сейчас, перед боем.

— Зачем тебе моя голова? — напряженно оскалился Никита, глядя на нее так, словно от ответа зависела его жизнь.

— Оторвать ее — моя прерогатива!

И он вдруг выдохнул, стиснул ее плечи, вглядываясь в лицо, и улыбнулся, чуть ли не впервые за эти бесконечные дни:

— Ты тоже будь осторожна, ладно?

— Не волнуйся, я помню, одиннадцать! — рассмеялась Мэри, высвободилась и тоже двинулась к дверям.

— Да мне и одного хватит! — радостно выпалил Никита, а она обернулась уже на пороге и внушительно уронила, подводя черту под разговором:

— А мне — нет!

Мэри негромко выругалась. Шесть. Шесть кораблей-маток. Ой-е-ей... По выкладкам аналитиков Службы безопасности их у противника в принципе не должно было быть больше дюжины. Значит, либо аналитики ошиблись, либо затеянная СБ провокация оказалась сработана лучше, чем рассчитывалось. И чем требовалось — тоже. Ничего, попробуем. Что еще остается?

А неплохая вещь тренировка. Сейчас Мэри держала на сцепке семьдесят восемь кораблей, держала уверенно и непринужденно, как опытный кукольник держит марионетки. Если бы еще эту уверенность удалось распространить на ситуацию в целом! Спору нет, минзаги справились с поставленной задачей, но... вот именно, но. Ладно, там видно будет.

Мэри вглядывалась в экран тактического анализатора, придерживая пока ордер позади кораблей эскадр. Время ее подчиненных еще придет. Пока же эсминцы и крейсера, выпустившие облако штурмовиков, действовали четко, как на учениях. И проблема состояла только в том, что противников было больше, чем предполагалось изначально. Ага, молодцы... завертелось по полной. Ну, и нам пора.

Корветы и истребители двинулись вперед, туда, где крупные корабли не без успеха связывали боем попыталась дотянуться до Грызлова, но с удивлением поняла, что не может пробиться. Полностью сконцентрировавшийся на противнике пилот попросту отмахнулся от нее, как от назойливой мухи. И тут она поняла, что делает Егор. Что и зачем. Вот только как?!

— Назад! Все назад, дайте ему пространство! Егор, как только они пойдут на сближение, убирайся оттуда, как понял меня?

Ответ, бесшабашно-веселый и злой, пришел незамедлительно:

— Ну да... а они успеют развернуться, и что тогда? Нет уж, госпожа капитан второго

¹ «Время уходит» — песня Михаила Башакова.

ранга. И потом... хорошие у вас, на Бельтайне, коктейли... отводите людей, сейчас тут будет жарко! — и, уже не скрываясь от командира, ласково, вкрадчиво: — Ко мне... ко мне, мои милые... я так долго вас ждал... я ждал только вас... и теперь моя жизнь вся ваша, без остатка... ко мне...

Мэри сдавленно помянула всех пришедших на ум матерей и, сознательно отсекая от себя то, что должно было вот-вот случиться, бросила по циркулярной связи:

— Эскадрам — отход, «Деснице» — цель три!

— Но как же... — спросил кто-то, она так и не поняла, кто.

— Грызлов обширялся нашими коктейлями. Где он их только взял... ему осталось минут пятнадцать, не больше. Работаем, не дайте ему погибнуть просто так! Ордеру — цель пять!

Она была уже совсем рядом с пятой целью и начинала процедуру предварительного знакомства с объектом, когда пространство за спиной побелело, и в этой белизне растворились кривоватая улыбка, и маю. Но хамить старшему по званию все-таки не стоит, — еще одна пауза. — Принято. Савельев закончил.

— Петр Иванович? — Никита старался говорить максимально ровно и, кажется, ему это удалось. Во всяком случае, два слова он произнес вполне спокойно, а больше сообразительному старпому и не понадобилось.

— Иногда случается так, что имплант отключает от внешнего мира мозг пилота, принявший слишком большую нагрузку. Такое явление на Бельтайне характеризуют термином «сгореть». Устав их ВКС предусматривает для «сгоревшего» пилота эвтаназию, вот я и поспешил вмешаться. М-да, давно меня так не материли... прямо юность вспомнил.

Савельев пытался шутить, но получалось как-то не очень. Уж очень мрачным было его лицо.

— Эвтаназию?!

— На Бельтайне считают, что такая ситуация необратима, а быстрая смерть достойнее медленного угасания. «Последняя услуга», так они это называют...

Корсаков кивнул, показывая, что услышал и понял сказанное, и заставил себя вернуться к руководству боем. Обратима ситуация или нет, пойти прахом тому, что уже успела сделать Мэри, он не позволит.

Скауты, выпущенные одновременно всеми уцелевшими кораблями, буквально облепили пятую цель, действительно начинающую маневр разгона перед прыжком. Стрелять корабль-матка уже даже не пытался, остатки автоматических штурмовиков, догрызаемые беглым огнем, исчезали в возникающих на обшивке отверстиях. Это было похоже на то, как если бы запись работы фонтана пустили в обратном. Бой заканчивался, уцелевшие корветы и истребители начали отход к кораблям эскадр. С шестой — опять шестой! — палубы доложили о взятии на борт корвета «Ника», и Дубинин, сохраняя на лице каменное спокойствие, самым официальным тоном предложил его превосходительству спуститься вниз. Находящиеся в рубке офицеры старательно прятали сочувствие за отточенными движениями и отрывистыми командами, но Корсаков чувствовал, как бросаемые исподтишка взгляды прожигают дыры в кителе.

На палубе уже суетились медики, окружившие гравиносилки так плотно, что за их спинами невозможно было что-то разобрать. Отдельно стоял Тищенко, покачивающийся с носка на пятку и сцепивший руки за спиной. Таким мрачным Никита не видел его никогда. Джон Рафферти, стоящий перед главным бортовым врачом, что-то быстро говорил. И с каждым произнесенным словом, с каждым полным отчаяния жестом на лице Станислава Сергеевича все яснее проступало выражение угрюмой безнадежности. Подошедший поближе Корсаков услышал только окончание фразы.

— ...молодец, лейтенант. Думаю, мы еще попрыгаем, но... в любом случае, эта ваша затея с процессором великолепна. Кто писал программу?

— Я. Я ведь опасался чего-то в таком роде. Вся эта история с расширенной сцепкой... командир никогда себя не щадила, вот и доигралась.

— Погодите каркать, Джон. Ваше превосходительство!

Бельтайнский медик быстро обернулся и встал навытяжку. Корсаков махнул рукой — вольно, мол — и требовательно уставился на Тищенко.

— Петр Иванович объяснил мне в общих чертах, что произошло. Теперь я хотел бы услышать вашу точку зрения как медика.

Тищенко помедлил, подбирая формулировки.

— Что произошло... если я правильно понял своего бельтайнского коллегу, — в этом месте Джон выпрямился еще больше; на лице проступило выражение хмурой гордости, — мозг Марии Александровны принял нагрузку, которую ее имплант счел чрезмерной. Счел — и замкнул все потоки информации, как входящей, так и исходящей. В настоящее время контроль собственно мозга над телом минимален и уменьшается с каждой минутой. По словам господина Рафферти, в описанных случаях «сгорания» пилота функции дыхания и сердцебиения угасали крайне быстро, причем это угасание сопровождалось разного рода малоприятными эффектами. По счастью, рожно протянул руку и провел кончиками пальцев по щеке, почти ожидая ощутить мертвенный холод. Но нет — щека была живой. А где есть жизнь, там есть и надежда.

— Все будет хорошо, Мэри, — негромко проговорил он. — Не беспокойся, операцию мы завершим, как подобает. Выздоровливай.

Никита сделал шаг назад, и носилки под присмотром Тищенко и его подчиненных выкатились с палубы.

Была уже поздняя весна, когда командующий Четвертым крылом Экспедиционного флота вице-адмирал граф Корсаков прилетел на Кремль. До того возможности выбраться не было. Даже очередное звание, титул и новое назначение он принял непосредственно в рубке «Александра». Однако постепенно обстановка более или менее нормализовалась, и теперь он с чистой совестью мог просить об отпуске. Почему-то это было очень важно — чтобы совесть его была чиста в тот момент, когда он придет в клинику навестить Мэри. Пусть невеста не услышит его, но он должен быть полностью уверен в том, что будь она в сознании, у нее были бы основания гордиться им.

Это были непростые полгода. Операция в системе безымянной звезды, имеющей только номер в каталоге, куда привели потрепанные у Орлана эскадры закрепившиеся на обшивке пятой цели скауты с маяками, закончилась сравнительно быстро и сравнительно же бескровно. Заложенная в скауты программа разлета непосредственно после выхода из подпространства не позволила хозяевам системы уничтожить все вновь установленные маяки. Тем более что очередной включался только после того, как предыдущий переставал подавать сигнал. шой экран коммуникатора, и Никита ежедневно рассказывал ей новости.

Четвертое крыло переформировали. Флагманской теперь является «Александровская» эскадра, но в командном составе произошли определенные изменения. В частности, в состав крыла теперь входит «Мининская» эскадра, на флагмане которой, новом крейсере «Кузьма Минин», держит свой вымпел контр-адмирал Дубинин. Капитон велел тебе кланяться. Ты давай поправляйся, а то он уже извелся, не терпит к нему для меня мальчишник устроить.

Уцелевших пилотов «Мариинской» эскадрильи разобрали по семьям. Госпожа Заварзина, уверившись в том, что ты не представляешь угрозы для ее отношений с великим князем, развернулась вовсю. Возглавляемый ею благотворительный фонд осуществляет всемерную поддержку и должный контроль.

Бельтайнские резервисты сотнями поступают на имперскую службу. Командующие эскадрами только что не дерутся за них. Пришлось даже перепрофилировать пару верфей — Новый Амстердам не справляется с потоком заказов. Может быть, по меркам твоих соотечественников летают они так себе, но нам хватает. Как это Одинцов выразился? «Хуже ангелов, но ненамного»? Знаешь, он прав.

Вся твоя команда приняла имперское подданство. Джон теперь служит на «Александре», Тищенко им очень доволен. По словам Элис, Мэтт было загрузил в

одиночестве, но тут крайне удачно прилетела в отпуск внучка твоих экономки и дворецкого. Так что Мэтт сейчас на Осетре, работает в большом рыбоводческом хозяйстве и, судя по всему, намерен сделать фамилию Рафферти вполне русской... по крайней мере, на обращение «Матвей Лукич» отзывается Цветы Никита купил еще в порту. Розовые с редкими бордовыми прожилками пионы чудом удерживали огромные головы на тонких зеленых стеблях и источали умопомрачительный аромат, которым немедленно пропитались парадный китель, такси и кабинет Эренбурга.

— Вы знаете, Никита Борисович, — заговорил профессор, не дав Корсакову даже толком поздороваться, — пожалуй, ваша идея с сеансами связи была не так уж плоха. Некоторое время назад наша аппаратура начала фиксировать всплески активности мозга. Да, они очень и очень слабы, но они есть и проявляются только во время ваших... хм... бесед. Обнадеживать вас я не буду, но кое-какие подвижки все-таки имеются.

— Я могу видеть Мэри?

— Конечно. Я вас провожу. Да, ну так вот, — продолжил Николай Эрикович, когда они вдвоем шли по пустынным коридорам клиники. — Нам покамест не удастся стабилизировать мозг в активном состоянии. Мы перепробовали уйму разнообразных воздействий — свет, звук, запах, изменение температуры, — но увы. Пока все впустую. Прошу вас.

Эренбург распахнул дверь и пропустил Никиту в небольшую палату. Вопреки ожиданиям Корсакова, приборов в ней было совсем немного. Обрамленное отросшими волосами лицо Мэри, укрытой до самого подбородка легким одеялом, уже не было таким бледным, как на борту «Александра». Никита даже решил, что может разглядеть выражение легкой досады... и, если ему не показалось, причина была вполне очевидна.

— Николай Эрикович! — повернулся он к своему спутнику. — Скажите, все эти приборы... это собственно аппаратура или же терминалы от нее, а само оборудование, более громоздкое, находится в другом месте?

— Нет, Никита Борисович. Это все. Мы же не хирургия и тем более не реанимация. А почему вы задали этот вопрос?

— Я хочу забрать Мэри домой. При всем уважении к вам... она терпеть не может находиться в госпитале, возможно, именно в этом причина того, что вы не можете ее стабилизировать. А в своем доме и стены помогают.

Эренбург обхватил ладонью подбородок, встопорщил усы, насупил брови и грозно хмыкнул. Любой его ассистент при виде такого зрелища немедленно забился бы под ближайший плинтус, но на вице-адмирала недовольство профессора не произвело ни малейшего впечатления.

К тому моменту, когда принадлежащая клинике машина, внутри которой находились Мэри, Никита и два врача сопровождения, приземлилась перед домом, все уже было готово. Адмирал Сазонов, с которым связался Эренбург, прислал в помощь служащим Мэри Степана, а Екатерина примчалась, похоже, по собственной инициативе. Совместными усилиями они подняли производительность труда спешно вызванных рабочих на небывалую высоту, и к моменту прибытия хозяйки дом был полностью готов принять ее.

Пока Мэри поднимали наверх и устраивали и спальне, Никита перекусил. Правда, толком поесть ему не дала Екатерина, учинившая будущему родственнику форменный допрос. Спасение пришло в лице спустившегося вниз врача, который сообщил, что Мария Александровна успешно размещена на новом месте. Никита торопливо отхлебнул остывшего кофе, извинился перед своей собеседницей и отправился на второй этаж.

Дождавшись, пока за ним закроется дверь, Катенька одобрительно усмехнулась, набрала код на коммуникаторе и негромко, но уверенно сказала:

— Он подходит, папа.

Пробивающийся через полузадернутые шторы мягкий вечерний свет отражался в глазах устроившейся на кровати Матрены. При виде Корсакова кошка пренебрежительно дернула шкурой и демонстративно подобрала лапы под себя. Весь ее вид говорил о том, что

виновный в долгом отсутствии главной подданной может даже не пытаться оспаривать ее право лежать здесь.

— Да не собираюсь я тебя трогать! — укоризненно заметил Никита. Матрена только фыркнула в ответ. «Попробовал бы ты!» — ясно читалось на ее мордочке. Корсаков только головой покачал.

Подтащив к кровати кресло, кем-то задвинутое в самый угол, он уселся и, взяв в ладони руку Мэри, лежащую на сей раз поверх одеяла, негромко заговорил. Никакого «плана беседы» у него не было и в помине, поэтому он, как привык за эти полгода, рассказывал ей, что происходит в мире вокруг нее.

Минуты текли одна за другой. Никита сам не заметил, как перешел от событий к планам на будущее. Здесь, в этой уютной, хотя и заставленной медицинской аппаратурой комнате, говорить об этом получалось легко.

— ...и мы закажем для тебя роскошное белое платье со шлейфом. Думаю, сеньора Корсо не откажется сшить свадебный наряд для мисс Аманды Робинсон. А ты как считаешь? Что?!

Померещилось ему, что ли? Раздутая порывом ветра штора так прихотливо сыграла тенями? Или...

Он наклонился к самым губам Мэри и тихо, изо всех сил стараясь не позволить надежде разогреться, переспросил:

— Что ты сказала?

И за секунду до того, как в комнату вбежал врач, торопливо вызывающий по коммуникатору профессора Эренбурга, Никита услышал:

— Какое еще белое платье... тоже мне, нашел невинную деву...

Год спустя

«Александровская» эскадра завершила бой. Он был не самым тяжелым, но даже в ходе самой незначительной стычки сообщения, не имеющие отношения к военным действиям, принимались связистами, но адресатам не доставлялись. Поэтому Никита ничуть не удивился, когда его окликнул старший смены связи:

— Ваше превосходительство!

— Слушаю вас, Демичев.

— Во время боя на ваше имя было получено сообщение с Кремля. — Связист улыбался до ушей. Можно было не сомневаться, парень прочел принятое послание, и оно ему понравилось. Никита даже полагал, что знает, о чем идет речь. Правда, жена не называла ему точную дату ожидаемого события, но если только он не разучился считать... и сердце вдруг забилось так гулко...

— И что же там? — спросил он, заставляя голос звучать ровно.

— Ее превосходительство спрашивает, прибудете ли вы на крестины!

Москва, февраль-июнь 2010